

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 28, № 5*

Вологда • 2024

Издание посвящается
300-летию РАН

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

- 5.2.1. Экономическая теория (Экономические)
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике (Экономические)
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (Экономические)
- 5.2.4. Финансы (Экономические)
- 5.4.1. Теория, методология и история социологии (Социологические)
- 5.4.2. Экономическая социология (Социологические)
- 5.4.3. Демография (Социологические)
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические)
- 5.4.5. Политическая социология (Социологические)
- 5.4.6. Социология культуры (Социологические)
- 5.4.7. Социология управления (Социологические)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

В поиске решений проблем российских территорий 7

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Оценка приоритетности инвестиционных проектов в малых муниципальных образованиях (на примере территорий Крайнего Севера) 9

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Попов Е.В., Семячков К.А., Дубик С.В.

Региональная дифференциация эффективности продвижения проектов умного города медийными личностями25

Невьянцева Л.С.

Межрегиональное инвестиционное взаимодействие как инструмент обеспечения технологического суверенитета экономики41

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

Якушев Н.О.

Оценка и направления экспортной деятельности субъектов РФ61

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Сычева И.В., Сычева Н.А.

Методологические аспекты распространения принципов устойчивого развития на объекты социальной инфраструктуры регионов81

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

Домнич Е.Л.

Дифференциация возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России99

Калашников К.Н.

Потребительские расходы домашних хозяйств на здравоохранение в условиях коммерциализации отрасли (на данных по Северо-Западному федеральному округу)116

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Мониторинг экономики: июль 2024 года	133
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2024 года	145

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН	154
Правила для авторов	159
Информация о подписке.....	160

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

Searching for Solutions to the Problems of Russian Territories 7

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

Assessment of Investment Projects Prioritization in Small Municipalities
(Case Study of the Far North Territories)..... 9

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Popov E.V., Semyachkov K.A., Dubik S.V.

Regional Differentiation of Effectiveness of Promoting
Smart City Projects by Media Personalities.....25

Nevyantseva L.S.

Interregional Investment Interaction as a Tool
for Ensuring Technological Sovereignty of the Economy41

INDUSTRIAL POLICY

Yakushev N.O.

Assessment and Directions of Export Activities of the RF Constituent Entities61

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Sycheva I.V., Sycheva N.A.

Methodological Aspects of Extending the Sustainable Development Principles
to the Objects of Regional Social Infrastructure81

LIFE QUALITY AND HUMAN POTENTIAL OF TERRITORIES

Domnich Y.L.

Differentiation of Age-specific Fertility Rates of Urban and Rural
Population in Post-Soviet Russia99

Kalashnikov K.N.

Households' Consumer Expenditures on Healthcare
in the Context of Commercialization of the Industry
(Based on Data for the Northwestern Federal District).....116

MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS

Monitoring of the economy in July 2024133
Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in August 2024145

CHRONICLES OF SCIENCE LIFE

New VolRC RAS issues154
Guidelines for the authors159
Subscription information160

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: [0000-0001-9416-1136](https://orcid.org/0000-0001-9416-1136)
ResearcherID: [O-2232-2017](https://orcid.org/O-2232-2017)

В ПОИСКЕ РЕШЕНИЙ ПРОБЛЕМ РОССИЙСКИХ ТЕРРИТОРИЙ

В 2024 году экономика России демонстрирует устойчивый рост. По предварительным данным Росстата, во II квартале 2024 года ВВП увеличился на 4,1%. По итогам года Министерство экономического развития РФ прогнозирует рост на 3,9%¹. Позитивная динамика экономики способствует решению наиболее актуальных проблем российских территорий, которые находятся в поле зрения наших авторов.

Статья *Е.В. Балацкого, Н.А. Екимовой* посвящена оценке приоритетности инвестиционных проектов, реализация которых нацелена на ускорение социально-экономического развития малых муниципальных образований. Представлен методический инструмент такой оценки, позволивший в ходе его апробации на материалах Тазовского района ЯНАО определить приоритетность реализации имеющихся проектов.

Е.В. Попов, К.А. Семячков, С.В. Дубик раскрывают специфику продвижения проектов умного города медийными публичными личностями, непосредственно связанными с реализацией идей цифровой трансформации. Авторами сформулированы ключевые принципы продвижения проектов в социальных сетях; выполнена оценка его эффективности; обосновано, что продвижение проектов умного города в социальных сетях является действенным инструментом популяризации идей цифровой трансформации территорий.

Для цитирования: Ускова Т.В. (2024). В поиске решений проблем российских территорий // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 7–8. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.1

For citation: Uskova T.V. (2024). Searching for solutions to the problems of russian territories. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 7–8. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.1

¹ Решетников: экономика России в 2024 году вырастет на 3,9%. URL: <https://ko.ru/news/reshetnikov-ekonomika-rossii-v-2024-godu-vyrastet-na-3-9>

Л.С. Невьянцева предлагает методический подход к решению актуальной для российской экономики проблемы достижения технологического суверенитета. В качестве инструмента автор рассматривает межрегиональное взаимодействие по реализации совместных инвестиционных проектов по критическим и сквозным продуктам и технологиям, оказавшихся под санкционным давлением западных стран. Разработан методический инструментарий развития межрегиональных взаимодействий на базе приоритетных отраслей промышленности, обладающих максимальным инновационно-инвестиционным потенциалом.

Н.О. Якушев рассматривает экспортную деятельность как источник экономического роста территории, как один из ключевых ориентиров достижения устойчивой экономической динамики. На основе авторского методического подхода определен «экспортный профиль» региона, проведена оценка экспортной деятельности субъектов РФ, выделены приоритеты развития этого вида деятельности.

Проблематика устойчивого развития территорий и хозяйствующих субъектов, позволяющего улучшить качество жизни людей за счет изменения отношения к управлению природным, экономическим и человеческим капиталом, раскрывается в статье *И.В. Сычевой, Н.А. Сычевой*. Исследователи обосновывают необходимость распространения принципов устойчивого развития с позиции ESG-концепции на объекты социальной инфраструктуры регионов, предлагают методику оценки устойчивого развития социальной инфраструктуры регионов и проводят ее апробацию на материалах регионов, входящих в состав Центрального федерального округа.

Е.Л. Домнич обращает внимание читателей на дифференциацию рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России. В статье дан анализ динамики вариации возрастных коэффициентов рождаемости для важнейших пятилетних возрастных групп российских женщин, проживающих в городской и сельской местности, определены ее возрастно-временные и пространственно-временные закономерности.

Статья *К.Н. Калашикова* посвящена проблеме расширения участия населения в сфере оплаты медицинских услуг. На основе анализа состояния и динамики расходов домохозяйств на медицинские услуги выявлены тенденции роста удельного веса расходов на здравоохранение. С опорой на данные социологических опросов населения Вологодской области делается вывод о противоречивости сложившихся тенденций. По мнению автора, рост расходов населения на медицинские услуги может свидетельствовать как о ряде преимуществ коммерческого сектора, так и об ограниченной доступности и качестве медицинской помощи, оказываемой государственными учреждениями.

Завершает данный номер журнала рубрика «Мониторинг экономики», где *М.А. Сидоров* раскрывает основные тенденции развития экономики за 7 месяцев 2024 года, а *М.В. Морев и Е.Э. Леонидова* представляют результаты опроса жителей Вологодской области о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе.

Надеемся, что статьи этого номера журнала будут способствовать решению актуальных проблем развития российских территорий.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.2

УДК 332.1;711.435 | ББК 65.042

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

ОЦЕНКА ПРИОРИТЕТНОСТИ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В МАЛЫХ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИЙ КРАЙНЕГО СЕВЕРА)

ЕВГЕНИЙ ВСЕВОЛОДОВИЧ БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Центральный экономико-математический институт Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
e-mail: evbalatsky@inbox.ru

ORCID: [0000-0002-3371-2229](https://orcid.org/0000-0002-3371-2229); ResearcherID: [D-8752-2018](https://orcid.org/D-8752-2018)

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
e-mail: n.ekimova@bk.ru

ORCID: [0000-0001-6873-7146](https://orcid.org/0000-0001-6873-7146); ResearcherID: [D-8643-2018](https://orcid.org/D-8643-2018)

В статье рассматривается процедура оценки приоритетности инвестиционных проектов, необходимых для ускорения социально-экономического развития малых муниципальных образований, на примере Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного округа. Под малыми муниципальными образованиями понимаются муниципальные образования с численностью населения до 50 тыс. чел. В общем виде процедура оценки приоритетности инвестиционных проектов предусматривает шесть этапов: кабинетное исследование экономики муниципального образования, ее возможностей и ограничений для определения потенциальных направлений реализации бизнес-проектов; генерирование экспертной группой методом «мозгового штурма» портфеля потенциальных проектов, которые претендуют на наибольшую востребованность со стороны экономики изучаемого муниципального образования; проведение анкетного опроса шести групп населения района в отношении сгенерированных на предыдущем

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2024). Оценка приоритетности инвестиционных проектов в малых муниципальных образованиях (на примере территорий Крайнего Севера) // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 9–24. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.2

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2024). Assessment of investment projects prioritization in small municipalities (case study of the Far North territories). *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 9–24. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.2

шаге набора потенциальных инвестиционных проектов; агрегирование качественных ответов респондентов в виде количественного индекса поддержки проектов путем использования системы весовых коэффициентов, а также усреднение индексов поддержки проектов по всем опрашиваемым социальным группам; просеивание списка проектов в соответствии с правилом отбора, определяющим нижнюю границу отсечения усредненного индекса поддержки проектов, и правилом отсутствия социального конфликта, задающим верхнюю границу расхождения крайних оценок групповых индексов доверия. Апробация предлагаемой аналитической процедуры для Тазовского района ЯНАО позволила из 27 проектов отобрать в качестве наиболее предпочтительных 14, которые в свою очередь сегментированы на три группы: наиболее востребованные, перспективные и умеренно важные. Обсуждается вопрос тиражирования предложенного алгоритма оценки инвестиционных проектов на широкий класс малых муниципальных образований.

Инвестиционный проект, малые муниципальные образования, оценка, отбор, приоритетность.

Введение

Проблема освоения территории является одной из актуальных задач, которую предстоит решать России. Эта задача имеет множество разных измерений. Новые геополитические и технологические вызовы не только стимулируют, но и дают возможности для создания относительно автономных и самообеспечивающих территориальных образований. Все это, в конечном счете, ведет к разработке аутентичных моделей развития территорий и регионов страны, включая малые муниципальные образования (ММО), под которыми здесь и далее будем понимать муниципальные образования с численностью населения до 50 тыс. чел. Последние в ряде случаев имеют специфические особенности, которые подразумевают нестандартные аналитические подходы на стадии разработки стратегий их социально-экономического развития.

Одним из самостоятельных и наиболее деликатных элементов процесса разработки и реализации стратегии развития малых муниципальных образований является проектирование приоритетного набора бизнес-проектов. Сложность этой задачи продуцируется крайне ограниченными ресурсами малых территорий – финансовыми (инвестиционными), кадровыми и инфраструктурными – на фоне весьма ограниченного спроса, обусловленного небольшим населением. Такое положение

дел продуцирует требование в получении максимальной поддержки проектируемых бизнес-проектов со стороны всех групп населения муниципального образования, включая администрацию территориального образования. При этом самостоятельной проблемой является ограниченность портфеля инвестиционных проектов из-за указанной ограниченности ресурсов малых муниципальных образований. Такое положение дел обуславливает методическую проблему определения приоритетности проектируемых инвестиционных проектов, рассмотрению которой и посвящена данная статья.

Цель исследования состоит в разработке простого подхода к определению приоритетности потенциальных инвестиционных проектов малых муниципальных образований на основе опросов разных групп населения. Апробация предлагаемого подхода применительно к территории Крайнего Севера – Тазовскому району Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) – позволяет раскрыть его преимущества и недостатки. Для достижения поставленной цели нами проверяется генеральная гипотеза, согласно которой процедура отбора инвестиционных проектов может быть удовлетворительно решена с использованием таких аналитических инструментов, как индекс поддержки проекта, правило отбора приоритетных проектов и правило определения

конфликтных проектов, рассчитываемых на основе анкетных опросов разных групп населения ММО. Новизна и ценность предложенного аналитического инструментария состоят как в логике процедуры отбора проектов, так и в простоте его использования на практике.

Оценка и отбор инвестиционных проектов: обзор методов и идей

Традиционный подход к оценке инвестиционных проектов основан на определении экономической эффективности, которая представляет собой отношение экономического результата от реализации проекта к затратам, необходимым для его получения. Отбор проектов в этом случае осуществляется на основе количественных показателей эффективности (чистый дисконтированный доход, внутренняя норма рентабельности, срок окупаемости и др.) (Марголин, 2007; Серов, Тихонов, 2021; Bartošová et al., 2015; Chernyaev, Voiko, 2022). В то же время многие авторы отмечают недостаточность оценки только экономической эффективности и указывают на необходимость комплексного подхода. Так, например, Е.Е. Петрова и соавторы предлагают рассматривать инвестиционный проект как единство трех систем: экономической, экологической и социальной, где социальная эффективность отражает соответствие затрат и социальных результатов проекта, а экологическая – соответствие затрат и экологических результатов¹. Необходимость учета бюджетной эффективности отражена в работах (Алексанов и др., 2022; Лебедев, Прасолов, 2022); техническая эффективность исследована в работе (Шибикин, 2019). В статье (Shi, Zhou, 2012) рассмотрен подход к оценке инвестиционных проектов с учетом фактора справедливости; анализ ценовых аспектов инвестиционных проектов как элемента повышения обоснованности их оценки изучен в исследовании (Суслов и др., 2021).

Многокритериальный подход, с одной стороны, позволяет всесторонне оценивать

возможные результаты реализации того или иного инвестиционного проекта и выбирать наиболее эффективные проекты, с другой стороны, усложняет процесс их отбора и расширяет набор используемых для этого инструментов. Методы оценки и отбора инвестиционных проектов, основанные на многокритериальном подходе, широко представлены в научной литературе. В частности, в статье (Zenkovich et al., 2021) предлагается использовать методы моделирования и искусственного интеллекта (мультиагентные системы MAS) для сведения многокритериальной задачи оценки инвестиционного проекта к однокритериальной задаче. Метод многокритериального принятия решений (MCDM), основанный на процессе анализа иерархий (*analytic hierarchy process, AHP*) и матрице взвешенных решений (*weighted decision matrix, WDM*), учитывающий количественную оценку предпочтений различных групп и заинтересованных сторон, рассмотрен в (Raos et al., 2024). Экономико-математические модели выбора оптимальных вариантов инвестиционных проектов на основе их попарного сравнения и оценки предпочтений коренных народов, обработанные с помощью метода иерархического анализа (АНП), использованы в качестве инструмента отбора приоритетных проектов для развития Российской Арктики в исследовании (Novoselov et al., 2017). Различные подходы к отбору инвестиционных проектов, основанные на расчетах интегральных показателей и ранжировании проектов, рассмотрены в работах (Косов, 2017; Нечаева, 2019; Полтева, 2021; Иванова, 2022; Нечаева, 2022).

Оценка инвестиционных региональных проектов сопряжена с высокой значимостью их социального аспекта и также базируется на интегральном подходе. В частности, модель дисбаланса противоположных целей и интересов участников, предложенная в работе (Алабугин, Кочегарова, 2013), представляет собой последовательность этапов: оценка привлекательности отрасли; оценка

¹ Петрова Е.Е., Арапов С.В., Бикезина Т.В. (2021). Инвестиционный анализ: учебное пособие. Санкт-Петербург: РГТМУ. 220 с.

привлекательности региона с учетом специфики проекта; формирование рейтинга инвестиционных проектов на основе двухмерной матрицы «регион/отрасль»; отбор проектов с учетом дисбаланса целей и интересов инвестора и региона-реципиента по критерию «экономический/социальный эффект».

Главными критериями отбора инвестиционных проектов на муниципальном уровне являются их соответствие ключевым направлениям социально-экономического развития муниципального образования и наличие интегрального эффекта, основными составляющими которого выступают бюджетная эффективность (увеличение доходной и снижение расходной частей бюджетов всех уровней), социальная эффективность (улучшение условий труда, увеличение численности рабочих мест, повышение заработной платы и др.), степень проработки проекта (наличие бизнес-плана, подбор площадки, наличие инвестиций) (Акчурина, Терешина, 2017).

Системный подход к оценке эффективности инвестиционных проектов предприятий, интегрированных в систему отношений муниципального образования, рассмотрен в работе С.И. Сабирова и соавторов². Обязательным критерием успешности таких проектов помимо получения финансово-экономических результатов является их социальная значимость, сопряженная с достижением определенной общественно полезной цели. Оценка эффективности подобного рода инвестиционных проектов также базируется на трех составляющих: социальная эффективность (создание новых или повышение эффективности существующих услуг, предоставляемых населению, экономическое развитие территории, рост благосостояния населения); бюджетная эффективность (влияние инвестиционных проектов на доходы бюджета); финансовая эффективность (результативность экономической деятель-

ности, определяемая отношением полученного результата к затратам). На основе рассчитываемых интегральных показателей по указанным направлениям проводится ранжирование инвестиционных проектов по значимости для экономики муниципального образования: значимые для экономики территории (I группа); целесообразные для экономики территории (II группа); допустимые для экономики территории (III группа); на основании подобной типологии проектов принимается решение о целесообразности вложения инвестиций.

С целью создания в муниципальных образованиях благоприятных условий для развития инвестиционной деятельности и системы поддержки новых инвестиционных проектов 26 сентября 2023 года приказом Минэкономразвития России № 672 были утверждены Методические рекомендации по организации системной работы по сопровождению инвестиционных проектов муниципальными образованиями³. На их основе НО «Национальная Ассоциация агентств инвестиций и развития» разработала Методические рекомендации по разработке инвестиционного профиля муниципального образования субъекта РФ⁴ (далее – Методические рекомендации). В соответствии с Методическими рекомендациями Инвестиционный профиль муниципального образования (далее – Профиль) представляет собой комплексный информационный документ тактического развития инвестиционной активности на территории муниципального образования с опорой на ресурсный потенциал и социально-экономическое положение, содержащий информацию о специфических для данного муниципалитета особенностях территории. Одним из разделов Профиля является Формирование перечня Топ-листа инвестиционных проектов муниципального образования. Чтобы их отобрать, в Методических рекомендациях предлагается сформировать на базе интервью

² Сабиров С.И., Кораблев М.М., Абдулганиев Ф.С. (2011). Оценка инвестиционных проектов муниципальных предприятий: учебное пособие. Казань: [б. и.]. 83 с.

³ URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minekonomrazvitija-rossii-ot-26092023-n-672-ob-utverzhenii>

⁴ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/c0a793dc4fe65f53ee3994a126c8cef3/metodicheskie_rekomendacii_2024.pdf

с администрацией и представителями бизнеса муниципального образования пул инвестиционных ниш – неосвоенных сегментов рынка, перспективных для инвестирования, и создать таблицу прорывных инвестиционных идей (проектов), которые должны повысить инвестиционную привлекательность анализируемого муниципалитета. В качестве критериев отбора лучших инвестиционных проектов предлагается использовать такие индикаторы, как новизна проекта, закрытие свободных ниш, решение существующих проблем района.

Данная статья продолжает череду работ, посвященных совершенствованию методики определения приоритетности инвестиционных проектов, и лежит в русле Методических рекомендаций по разработке инвестиционного профиля муниципального образования субъекта РФ, формирование которого в настоящее время получило широкое распространение в регионах России.

Алгоритм определения приоритетности инвестиционных проектов в малых муниципальных образованиях

Почти для всех малых муниципальных образований характерна низкая отраслевая диверсификация местной экономики. В связи с этим спрос на различные проекты в таких территориях может существенно превышать предложение инвестиционных средств и бизнес-предложений. В подобной ситуации, когда финансовые средства строго лимитированы, а спрос на проекты практически не ограничен, сами потенциальные проекты нуждаются в естественном ранжировании по степени приоритетности и востребованности. Для решения этой проблемы можно использовать простой, но действенный алгоритм, состоящий из нескольких аналитических процедур.

На *первом шаге* экспертами осуществляется кабинетное исследование экономики муниципального образования, ее возможностей и ограничений для определения потенциальных направлений для реализации бизнес-проектов.

На *втором шаге* экспертной группой осуществляется генерирование портфеля потенциальных проектов, которые могут быть востребованы экономикой изучаемого муниципального образования. На этом этапе лучше всего использовать процедуру «мозгового штурма», когда в результате коллективного обсуждения экспертная группа формирует широкий набор потенциальных инвестиционных проектов, соответствующих потребностям развития экономики ММО. Сформированный на данном этапе набор из n проектов является избыточным, в связи с чем в дальнейшем из рассмотренных n проектов будет выбрано только N проектов: $N < n$.

На *третьем шаге* осуществляется опрос населения муниципального образования в отношении сгенерированных на предыдущем шаге набора потенциальных инвестиционных проектов. Для этого составляется опросная анкета, в которой перечислены все проекты с типовым ответом на вопрос об отношении (степени поддержки) к каждому проекту; ответ респондентов предполагает один из четырех вариантов: хорошо, скорее хорошо, скорее плохо, плохо. Помимо этого, на данном этапе используется идеология форсайт-технологии, подразумевающая учет мнений всех стейкхолдеров, т. е. участников рассматриваемых проектов. Учитывая практику подобных опросов, можно предложить следующие 6 групп респондентов: население (НА); потенциальные инвесторы (ПИ); предприятия (ПР); работники администрации района ММО (АР); представители общественных организаций (ОО); лидеры общественного мнения (ЛМ). В силу специфики своей деятельности и мировоззрения представители указанных групп могут иметь разное мнение по поводу обсуждаемых проектов, в связи с чем форсайт-технология подразумевает формирование консолидированного мнения, когда все социальные группы сходятся во мнении и среди них не возникает принципиальных разногласий. Важный элемент данного этапа состоит в учете мнений нескольких социальных групп, а не какой-то

одной. Результатом реализации данного этапа является наличие анкет с ответами по отобранному набору инвестиционных проектов.

На *четвертом этапе* для агрегирования ответов респондентов используется индекс поддержки проекта, что позволяет «сжать» вектор ответов в один ответ. Так как структура анкетных ответов предполагает множественность качественных оценок, которые крайне неудобны для подведения итогов, то для общей количественной оценки проекта респондентами соответствующей группы целесообразно использовать шкалу из четырех ответов с соответствующими весовыми коэффициентами $\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ и α_4 : хорошо ($\alpha_1 = 1,0$), скорее хорошо ($\alpha_2 = 0,75$), скорее плохо ($\alpha_3 = 0,25$), плохо ($\alpha_4 = 0$). Для агрегирования ответов можно использовать индекс поддержки проекта k -й социальной группой населения:

$$J_k = (\alpha_1 x_{k1} + \alpha_2 x_{k2} + \alpha_3 x_{k3} + \alpha_4 x_{k4}) 100\%, \quad (1)$$

где: $\alpha_1, \alpha_2, \alpha_3$ и α_4 – весовые коэффициенты ответов респондентов; x_{k1}, x_{k2}, x_{k3} и x_{k4} – доли респондентов k -й социальной группы, давших соответствующие ответы; $\alpha_1 = 1$; $\alpha_2 = 0,75$; $\alpha_3 = 0,25$; $\alpha_4 = 0$. Индекс поддержки J находится между 0 и 100%.

Учитывая необходимость учета мнения всех групп населения и формирования консолидированной оценки, для окончательного замера уровня поддержки рассматриваемых проектов следует использовать среднеарифметическую (интегральную) величину шести индексов каждой группы респондентов J^* :

$$J^* = \frac{1}{K} \sum_{k=1}^K J_k, \quad (2)$$

где: k – индекс социальной группы опрашиваемых респондентов: $k = 1, \dots, K$ (в нашем случае $K = 6$).

Хотя используемые выборки могут и не являться репрезентативными, они все-таки несут в себе мнение разных социальных групп с их специфическими интересами и

представлениями о целесообразном развитии региона, следовательно, даже простое усреднение дает приблизительное представление о коллективной оценке приоритетности инвестиционных проектов.

На *пятом этапе* окончательный список из n проектов с агрегированной оценкой поддержки J^* подлежит дополнительному просеиванию в соответствии с двумя правилами. Первое из них можно назвать *правилом (критерием) отбора*, оно может быть записано следующим образом:

$$J^* > 85\% \quad (3)$$

В неравенстве (3) фигурирует конкретная эмпирическая граница в 85%, однако в общем случае она может быть иной. Подчеркнем, что эта граница определяется чисто эмпирически и отчасти эвристически на основе полученного списка оцененных проектов. Второе правило можно назвать *правилом (условием) отсутствия социального конфликта*, оно может быть выражено следующим неравенством:

$$\Delta J = \max_{\{k\}} \{J_k\} - \min_{\{k\}} \{J_k\} < 20 \text{ п. п.} \quad (4)$$

В правой части (4) фигурируют максимальное и минимальное значения индекса поддержки проекта среди всех опрашиваемых социальных групп.

Как уже было сказано, в рамках форсайт-технологии необходимо, чтобы в оценках разных групп респондентов присутствовала разумная согласованность. Случаи, когда одна социальная группа дает чрезмерно высокую оценку, а другая – крайне низкую, свидетельствуют о скрытом конфликте среди населения, такого рода проекты необходимо либо отбрасывать, либо подвергать дополнительной и весьма тщательной экспертизе. Эмпирической границей отсеечения подобных проектов является расхождение между максимальной и минимальной групповыми оценками, превышающее в неравенстве (4) величину в 20 п. п. Данный критерий в общем случае может иметь иное

количественное выражение, определяясь, как и в случае правила (3), чисто эмпирическим образом.

В результате применения правила (3) и правила (4) формируется окончательный список из N приоритетных проектов, что и является окончательным результатом предлагаемого алгоритма определения приоритетности инвестиционных проектов.

На практике отобранный список из N бизнес-проектов может подвергаться содержательно-анализу и экспертной перепроверке, однако это уже работа более тонкого плана, которая выходит за рамки нашего обсуждения.

Исходные данные для оценки приоритетности инвестиционных проектов в малых муниципальных образованиях на примере Тазовского района ЯНАО

Тазовский район ЯНАО является типичным примером малого муниципального образования. В состав муниципального округа Тазовский район входят 9 населенных пунктов с общей численностью жителей 18,5 тыс. чел.: поселок Тазовский (8,4 тыс. чел.), село Антипаюта (2,7 тыс. чел.), село Газ-Сале (1,7 тыс. чел.), село Гыда (3,6 тыс. чел.), село Находка (1,4 тыс. чел.), деревни Тибей-Сале (0,7 тыс. чел.), Матюй-Сале (7 чел.), Тадебя-Яха (0 чел.), Юрибей (0 чел.). Муниципальный округ, расположенный за Полярным кругом, характеризуется крайне низкой диверсификацией экономики, а потому представляет собой потенциальный полигон для реализации самых разнообразных проектов. Апробация на данном муниципальном образовании предложенного алгоритма представляется полностью обоснованной и репрезентативной.

На первом и втором шагах предложенного в предыдущем разделе алгоритма были

экспертным путем сформированы и отобраны 27 проектов, которые потенциально могли бы стать важным дополнением экономики района и вместе с тем учитывают его специфику и конкурентные преимущества⁵. При реализации указанных этапов были использованы источники относительно географической и этнографической специфики района (см., например, Мартынова, Новикова, 2011; Квашнин, 2012; Мартынова, 2013; Головнев, 2014).

На третьем этапе исследования были разработаны анкеты для оценки инвестиционных проектов, размещенные на сайте администрации района. Представители целевых аудиторий могли их заполнить. Как уже указывалось, опрос проводился среди следующих шести категорий респондентов: 1) население; 2) потенциальные инвесторы; 3) представители предприятий; 4) представители администрации района; 5) лидеры общественного мнения; 6) представители общественных организаций. Идентификация респондентов осуществлялась представителями администрации Тазовского района ЯНАО.

Группа населения составила 37 человек, из которых подавляющая часть – женщины (73%). В возрастном составе респондентов доминирует группа активных жителей, состоящая из лиц в возрасте 35–54 лет (70,3%) и значимой доли молодежи в возрасте 18–34 лет (29,7%). Подавляющее большинство опрошенных имеет высшее образование – 86,5%. Почти все опрошенные являются жителями поселка Тазовский (97,2%), остальные – из села Гыда. Опрос потенциальных инвесторов свидетельствовал, что таковых в регионе практически нет – ответы оказались получены только от трех человек, один из которых занимается строительством, двое других – добычей полезных ископаемых. Опрос представителей предприятий района показал, что таковых в

⁵ В мозговом штурме для формирования списка потенциальных инвестиционных проектов участвовали: Г.Б. Клейнер, М.А. Рыбачук, М.Е. Филькин, В.А. Карпинская, Е.В. Балацкий, Н.А. Екимова. В данном случае указанные эксперты опирались на свое кабинетное исследование специфики Тазовского района ЯНАО. Вместе с тем, несомненно, было бы не только уместным, но и правильным включить в группу по мозговому штурму специалиста, живущего в Тазовском районе и знающего его специфику изнутри. Однако такой возможности у экспертной группы не было; в дальнейшем данный принцип будет использоваться в качестве обязательного. Первичная систематизация названий и содержания портфеля проектов на основе мозгового штурма была выполнена В.А. Карпинской, окончательная – авторами статьи.

регионе немного и их активность в части желания участвовать в социологических обследованиях также крайне низка – ответы получены только от трех предприятий, одно из которых специализируется на строительстве, одно – на сельском хозяйстве и еще одно – на обеспечении территории энергией. Опрос администрации района охватил 306 человек, из которых подавляющая часть – женщины (77,8%). В возрастном составе респондентов доминирует группа активных жителей, состоящая из лиц в возрасте 35–54 лет (87,2%) и незначительной доли молодежи в возрасте 18–34 лет; подавляющее большинство опрошенных имеет высшее образование – 80,1%. Опрос лидеров общественного мнения охватил 78 человек, из которых подавляющая часть – женщины (79,5%). В возрастном составе общественных активистов доминирует группа жителей, состоящая из лиц в возрасте 35–54 лет (67,2%); подавляющее большинство опрошенных имеет высшее образование – 70,5%.

На четвертом и пятом этапах проводились аналитические расчеты, результаты которых приведены в следующем разделе.

Эмпирические оценки инвестиционных проектов малых муниципальных проектов на примере Тазовского района ЯНАО

Результаты расчетов, полученные на четвертом этапе исследования, отражены в табл. 1. Анализ полученных данных показывает, что все группы респондентов с большой симпатией воспринимают обнаруженные проекты; почти ни один из проектов не вызвал однозначного отторжения. Данное обстоятельство косвенно свидетельствует, что жители Тазовского района нуждаются буквально во всем, следовательно, любой разумный проект в их глазах получает одобрение. Учитывая специфику региона, такое положение дел можно считать естественным.

Таблица 1. Индексы поддержки потенциальных проектов для Тазовского района ЯНАО, март 2024 года

Проект	Группа респондентов						J*
	НР	ПИ	ПР	АР	ОО	ЛМ	
Туризм							
1. Рыболовный туризм (организация рыболовных туров: в местных водоемах водится 28 пород рыб, в том числе ценные промысловые – сибирский осетр, омуль северный, ряпушка, чир, пелядь, муксун, нельма)	77,0	75,0	66,7	76,0	87,5	74,6	76,1
2. Экологический туризм (организация рекреации – комплекса оздоровительных мероприятий, осуществляемых с целью восстановления нормального самочувствия и работоспособности здорового, но утомленного человека, непосредственно связанной с использованием природного потенциала; в тур могут быть включены: путешествия и отдых на природе в естественной, малоизмененной среде обитания, SPA- и банные процедуры, медитация, информационный детокс (временный сознательный отказ от использования смартфонов, компьютеров, планшетов и др. устройств с целью снятия стресса, погружения в реальное общение, творчество, сон или работу)	83,7	91,6	91,6	83,9	87,5	82,0	86,7
3. Этнографический туризм (организация экскурсий на стойбища оленеводов, в места размещения аборигенных общин оленеводов, на фактории, в места организации национальных ненецких праздников, в места слета оленеводов и др.; создание этно-музея-заповедника, в котором туристы могли бы познакомиться с фольклорным и декоративно-прикладным искусством ненцев. Возможна, в частности, организация следующих экспозиций: «Одежда ненцев», «Охота и рыболовство», «Виды жилищ народов Севера», «Музыкальные инструменты ненцев», а также др. экспозиций (нарты, монеты, глиняные печи и др.); создание национального ансамбля, исполняющего песни коренных народов севера, в программе ансамбля могут быть использованы легенды Крайнего Севера и лучшие образцы фольклорного творчества местных жителей)	86,4	91,6	91,6	85,2	87,5	82,6	87,5
4. Художественно-изобразительный туризм (организация туров для художников, желающих запечатлеть красоту пейзажей Крайнего Севера, быт народов Крайнего Севера и др.; организация фототуров)	84,4	75,0	91,6	83,6	75,0	80,4	81,7

5. Промышленный (газовый) туризм (организация туров на индустриальные объекты, например на буровые установки, газовые вышки и др.)	75,0	75,0	41,6	74,8	50,0	71,4	64,6
6. Эзотерический (мистический) туризм (организация туров с проводником (возможно, шаманом) по местам силы, с которыми местное население связывает различные мифы; например, это может быть место впадения реки Таз в Тазовскую губу Карского моря; другие особые места поклонения аборигенов и территории с аномальной энергетикой; в рамках туров может быть организована дегустация водки «Tazovsky»)	73,6	75,0	83,3	73,9	75,0	67,7	74,7
Сельское и лесное хозяйство							
7. Создание лицензированных племенных питомников для разведения собак породы «ненецкая лайка» («оленегонный шпиц»); исследователи породы собак «ненецкая лайка» (оленегонный шпиц) и директора питомников для разведения этой породы собак отмечают, что оленегонного шпица можно использовать как универсальную собаку, которая может выполнять несколько функций: пастушья служба; охрана семьи, загородного дома, приусадебного участка; поисково-спасательные работы; охота; сопровождение туристов, путешественников и рыболовов в походах; помощь пожилым людям, слабовидящим, инвалидам; роль собаки-компаньона, любимца семьи. Собак породы «ненецкая лайка» («оленегонный шпиц») можно также использовать в квестах «Игра престолов»; в сафари на собачьих упряжках	66,8	75,0	83,3	74,1	50,0	72,7	70,3
8. Инновационное сельское хозяйство (строительство теплиц, внедрение вертикального земледелия и гидропоники, что позволит увеличить производство продуктов питания в арктических условиях)	88,5	75,0	91,6	82,7	87,5	77,8	83,8
9. Расширение производства природных продуктов (организация промышленной заготовки и переработки местной ягоды – черники, голубики, моршки)	85,1	91,6	91,6	86,4	87,5	86,2	88,1
10. Запуск производства лечебно-гигиенической косметики (шампуней, кремов, втираний, мазей, экстрактов) из местных трав, ягод и, возможно, жиров оленины; создание собственного бренда (например, «Арктика» по примеру «Natura Siberica»)	81,0	75,0	66,7	79,0	75,0	81,4	76,3
Обрабатывающая промышленность и ремесла							
11. Производство сувенирной продукции (организация производства сувенирной продукции, что тесно связано с туризмом и напрямую зависит от уровня его развития; отражает этнический колорит ненцев; продвижение слогана «Я – северянин» или «I'm Northerner» (по аналогии с брендом «I'm Siberian») для его размещения на сувенирной продукции; слоган будет способствовать формированию идентичности людей, живущих на Крайнем Севере и испытывающих гордость за свою малую родину; такой бренд Севера станет двигателем продаж сувенирной продукции; Возможны также такие варианты слогана, как «Курс на Север» или «Бескрайний Север» или «Бескрайний Север, но больше, чем бескрайний» и др.)	89,1	91,6	91,6	88,9	87,5	85,2	89,0
12. Производство из оленьих шкур модной одежды и обуви с привлечением брендовых дизайнеров (организация производства и интернет-торговли изделий из оленьих шкур; такие изделия могут быть востребованы со стороны танцоров – обувь из оленьей кожи позволяет им управлять скольжением и торможением во время танца)	85,1	75,0	91,6	81,6	75,0	78,2	81,1
13. Разработка, производство и апробация специализированной арктической техники (арктические суда, подводные дроны и беспилотные летательные аппараты); цель использования такой техники – проведение эффективных и безопасных исследований арктических месторождений и добычи ресурсов в арктических условиях	80,4	91,6	58,3	80,6	75,0	79,1	77,5
14. Глубокая переработка рыбы и оленины (объединение рыбодобывающих и рыбоперерабатывающих предприятий Тазовского района на базе новых технологий; повышение эффективности оленеводства за счет наиболее полного и безотходного использования всех продуктов от оленя: мяса, шкуры, пантов, крови, эндокринного, ферментного и специального сырья)	89,1	91,6	91,6	86,2	87,5	89,1	89,2
Общественное питание							
15. Производство экологически чистой продукции и организации зоны здорового питания (организация проекта по созданию кафе-ресторана, где основными будут блюда из тазовской оленины, которой присвоен знак качества Федеральной службы Россельхознадзора; тазовская оленина приобрела статус органического продукта)	88,5	91,6	100,0	90,0	87,5	88,7	91,1

Торговля							
16. Закупка изделий народно-художественных промыслов (шапок, обуви и т. д.) для транспортирования на материк (организация интернет-торговли изделий народно-художественных промыслов)	80,4	91,6	91,6	84,8	87,5	79,1	85,8
17. Организация размещения пунктов выдачи заказов компании «Озон» (возможна организация более широкого спектра компаний по доставке товаров)	93,2	83,3	91,6	89,8	87,5	89,4	89,1
Культура и досуг							
18. Создание в Тазовском районе Центра просвещения («Культурный центр»), куда с определенной периодичностью могли бы приезжать ученые, осуществляющие исследования в разных сферах, деятели культуры и искусства (т. н. «интеллектуально-культурный десант»); возможны также выступления ученых, деятелей культуры и искусства в дистанционном формате; сам Центр просвещения может быть построен, например, в футуристическом стиле из камня	92,5	83,3	83,3	86,7	75,0	84,6	84,2
19. Строительство в Тазовском районе театра для местных и приезжих актеров (предполагается строительство стационарного театра, осуществление экспериментальных постановок, возможно, в форме антрепризы)	84,4	66,7	66,7	83,5	87,5	78,5	77,9
Связь							
20. Реновация и реконструкция действующего сайта Тазовского района на современной цифровой основе (либо создание новой версии сайта); реализация такого проекта позволит осуществлять информирование населения страны о возможностях получения уникальных туристических и других услуг в этом регионе; частью такого проекта должно стать формирование «богатой» структуры сайта, в частности, по организации инвестиционного раздела, раздела интернет-торговли и др.	89,8	83,3	91,6	85,7	87,5	85,2	87,2
21. Организации стабильного доступа в интернет (организация прокладки кабеля Ростелекома, имеющего наиболее мощную и разветвленную в стране (по сравнению с МТС и Билайном) сеть доставки контента CDN (Content Delivery Network). С помощью CDN контент-провайдеры могут предоставлять свой контент конечным потребителям с высокими скоростью, надежностью и качеством (интернет и ТВ)	94,5	83,3	91,6	91,0	87,5	91,6	89,9
22. Установление беспроводной связи с жителями Тазовского района на участках, где отсутствует интернет и мобильная связь (например, с оленеводами в тундре); в случае реализации данного проекта возможен запуск проекта по разработке мобильного приложения «Пuls района», позволяющего оперативно оповещать жителей Тазовского района о событиях, происходящих в районе, а также о возникающих проблемах	94,5	83,3	91,6	90,0	87,5	93,2	90,0
23. Формирование цифровой инфраструктуры, телемедицины и удаленных образовательных технологий; развитие сетей связи и цифровой инфраструктуры и, как следствие, рост доступа к интернету и информационным технологиям в отдаленных районах Крайнего Севера обусловит развитие здесь сфер образования, здравоохранения, а также бизнеса	91,1	83,3	91,6	89,3	75,0	88,4	86,4
Энергетика							
24. Установка в Тазовском районе нетрадиционных источников энергии (ветряные и солнечные электростанции); развитие систем энергосбережения в условиях Крайнего Севера обеспечит устойчивое и надежное энергоснабжение удаленных районов	82,4	66,7	75,0	83,5	50,0	82,0	73,2
Строительство и инфраструктура							
25. Развитие транспортной инфраструктуры Тазовского района (расширение функций аэропорта «Утренний», обособленного подразделения ООО «Международный аэропорт Сабетта»; налаживание транспортных коммуникаций между Тазовским районом и аэропортом «Утренний»); цель проекта: жители Тазовского района и туристы не должны испытывать проблем при передвижении по основным маршрутам в рамках района	90,5	83,3	91,6	88,3	87,5	81,7	87,2
26. Строительство арендного жилья; цель проекта – создать условия для привлечения высококвалифицированных специалистов социальной и других сфер	90,5	83,3	91,6	87,8	87,5	83,9	87,4
27. Возведение модульных отелей (модульные отели – сборно-разборные каркасные конструкции заводского производства – могут быть представлены в виде либо глэмпингов (разновидность кемпинга, объединяющая в себе комфорт гостиничного номера с возможностью отдыха на природе), либо домиков, чумов и др. с различным уровнем комфорта; проект может получить господдержку в рамках нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства»)	87,1	83,3	91,6	86,5	75,0	80,4	84,0
Условные обозначения: НА – население; ПИ – потенциальные инвесторы; ПР – предприятия; АР – работники администрации района; ОО – представители общественных организаций; ЛМ – лидеры общественного мнения; J* – средняя по группам. Источник: составлено авторами.							

Значение интегрального индекса поддержки проектов находится в интервале от 64,6 до 91,1%. Столь узкая зона вариации предпочтений делает отбор проектов довольно затруднительным и предопределяет довольно высокую эмпирическую границу (3) – на уровне обозначенных ранее 85%: если оценки проектов выше этой величины, то их имеет смысл рассматривать в качестве потенциально перспективных; в противном случае их одобрение недостаточно для их запуска. Если воспользоваться эмпирической границей (3), то из 27 проектов останется только 14 в качестве наиболее предпочтительных (табл. 2). В свою очередь эти проекты также могут сегментироваться, по крайней мере, на три группы: наиболее востребованные (первые 5 проектов), перспективные (вторые 5 проектов) и умеренно важные (последние 4 проекта).

Примечательно, что опрос респондентов в форме открытых вопросов почти ничего не добавил к набору экспертных проектов. Так, прозвучали предложения о запуске проектов в области образования для подростков, организации рабочих мест для инвалидов слуха и зрения; интересным выглядит предложение о создании гастрономического фести-

валя из местных продуктов, площадки для встреч дизайнеров национальной одежды и фестиваля театрального искусства. Данные предложения лежат в русле организации региональных инвестиционных и экономических форумов, активность которых в настоящее время в России существенно снизилась (Балацкий, Екимова, 2022). Важным системным предложением представляется работа по брендингу территории района с визуальным оснащением с учетом местной культуры и истории. Повсеместно звучали от респондентов просьбы об открытии кафе и ресторанов в малонаселенных пунктах.

На пятом этапе исследования проверялось правило (4), которое позволило установить конкретную величину отсечения в 20 п. п.

К проектам, не соответствующим критерию (4), среди представленных в списке относятся пять позиций: промышленный (газовый) туризм (организация туров на индустриальные объекты, например на буровые установки, газовые вышки и др.) – $\Delta J = 33,4$ п. п.; создание лицензированных племенных питомников для разведения собак породы «ненецкая лайка» – $\Delta J = 33,3$ п. п.; разработка, производство и апробация специализированной арктической техники – $\Delta J = 22,3$ п. п.;

Таблица 2. Индексы поддержки потенциальных проектов для Тазовского района ЯНАО, март 2024 год

Проект	J*
1. Производство экологически чистой продукции и организации зоны здорового питания	91,1
2. Установление беспроводной связи с жителями Тазовского района на участках, где отсутствует интернет и мобильная связь (например, с оленеводами в тундре)	90,0
3. Организации стабильного доступа в интернет	89,9
4. Глубокая переработка рыбы и оленины	89,2
5. Организации размещения пунктов выдачи заказов компании «Озон»	89,1
6. Производство сувенирной продукции	89,0
7. Расширение производства природных продуктов	88,1
8. Этнографический туризм	87,5
9. Строительство арендного жилья	87,4
10. Реновация и реконструкция действующего сайта Тазовского района на современной цифровой основе	87,2
11. Развитие транспортной инфраструктуры Тазовского района	87,2
12. Экологический туризм	86,7
13. Формирование цифровой инфраструктуры, телемедицины и удаленных образовательных технологий	86,4
14. Закупка изделий народно-художественных промыслов	85,8
Источник: составлено авторами.	

строительство в Тазовском районе театра для местных и приезжих актеров – $\Delta J = 20,8$ п. п.; установка в Тазовском районе нетрадиционных источников энергии (ветряные и солнечные электростанции) – $\Delta J = 32,4$ п. п. В отношении указанных проектов консенсуса между социальными группами нет, а разногласия довольно значительные. По всей видимости, такая ситуация обусловлена не бесперспективностью проектов как таковых, а их явной преждевременностью по сравнению с имеющимися первоочередными задачами по развитию территории. При наличии более насущных проблем запуск указанных пяти проектов может вызывать раздражение у значительной части населения Тазовского района.

Дальнейшая логика работы с отобранными и проранжированными проектами в общих чертах представляется следующей. Администрация района может поддерживать наиболее приоритетные проекты путем их софинансирования, предоставления помещений, необходимого инвентаря и т. п. При этом вовсе не обязательно, что все 14 проектов будут активно поддержаны – все зависит от финансовых и организационных возможностей администрации. Что касается остальных проектов, которые также необходимы району для развития экономики, то отношение к ним может быть изменено, если под них найдутся интересные предложения от бизнес-сообщества. Вообще, в отношении всех проектов желательно провести конкурсы, по результатам которых могут корректироваться не только суммы софинансирования и мероприятия поддержки со стороны администрации района, но и их приоритетность. Например, если в отношении проектов с самыми высокими индексами поддержки населения предложений не будет, а в отношении менее приоритетных найдутся по настоящему интересные и проработанные бизнес-предложения, то следует осуществлять соответствующую рокировку приоритетов. По крайней мере, априори отказываться от каких-либо потенциальных проектов не желательно.

Заключение

Для российских малых муниципальных образований в силу их незначительных размеров, отсутствия диверсифицированной экономики, эффективного спроса и обширного сословия инвесторов, что осложняется зачастую отдаленностью от центров цивилизации и сложными климатическими условиями, проблема отбора инвестиционных проектов стоит особенно остро, чем и продублируется проблема поисков дополнительных аналитических подходов к определению приоритетов потенциальных бизнес-проектов. В статье предложена простая аналитическая процедура оценки приоритетности инвестиционных проектов, которая предусматривает шесть этапов: кабинетное исследование экономики муниципального образования, ее возможностей и ограничений в целях определения потенциальных направлений для реализации бизнес-проектов; генерирование экспертной группой методом «мозгового штурма» портфеля потенциальных проектов, которые претендуют на наибольшую востребованность со стороны экономики изучаемого муниципального образования; проведение анкетного опроса шести групп населения района в отношении сгенерированных на предыдущем шаге набора потенциальных инвестиционных проектов; агрегирование качественных ответов респондентов в виде количественного индекса поддержки проектов путем использования системы весовых коэффициентов, а также усреднение индексов поддержки проектов по всем опрашиваемым социальным группам; просеивание списка проектов в соответствии с правилом отбора, определяющим нижнюю границу отсечения усредненного индекса поддержки проектов, и правилом отсутствия социального конфликта, задающим верхнюю границу расхождения крайних оценок групповых индексов доверия. Апробация предлагаемой аналитической процедуры для Тазовского района ЯНАО позволила из 27 проектов отобрать в качестве наиболее предпочтительных 14, которые в свою очередь сегментированы на три группы: наиболее востребованные, перспек-

тивные и умеренно важные. Отобранные проекты обладают важным социальным качеством – они получили консолидированную поддержку основных социальных групп населения изучаемой территории.

Несмотря на ярко выраженную специфику Тазовского района ЯНАО, характерную для районов Крайнего Севера, данный

ММО не является уникальным для России, в которой около трети территории находится за полярным кругом. Это дает основания говорить о возможности тиражирования предложенной аналитической процедуры оценки инвестиционных проектов на широкий класс малых муниципальных образований страны.

ЛИТЕРАТУРА

- Акчурина И.Г., Терешина Д.Г. (2017). Инвестиционный паспорт города: методы определения приоритетности инвестиционных проектов // Труды Братского гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. Т. 1. С. 28–33.
- Алабугин А.А., Кочегарова Л.Г. (2013). Методика отбора инвестиционных проектов на региональном уровне с использованием интеграционной модели оценки // Теория и практика общественного развития. № 8. С. 289–293.
- Алексанов Д.С., Кошелев В.М., Чекмарева Н.В. (2022). Об оценке бюджетной эффективности инвестиционных проектов // Управленческий учет. № 7–2. С. 181–192. URL: <https://doi.org/10.25806/uu7-22022181-192>
- Балацкий Е.В., Екимова Н.А. (2022). Региональные корпорации развития в России: финиш или рестарт? // Вопросы теоретической экономики. № 3. С. 47–61. URL: https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_47_61
- Головнев А.В. (2014). Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // Уральский исторический вестник. № 2 (43). С. 143–153.
- Иванова А.П. (2022). Совершенствование методики отбора инвестиционных проектов // Экономика и социум. № 6–2 (97). С. 429–436.
- Квашнин Ю.Н. (2012). Этнические и демографические процессы у тазовских ненцев в начале XXI века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (18). С. 141–152.
- Косов М.Е. (2017). Оценка эффективности инвестиционных проектов с государственным участием // Вестник Удмуртского ун-та. Сер.: Экономика и право. Т. 27. № 6. С. 31–40.
- Лебедев И.А., Прасолов В.И. (2022). Методы оценки эффективности инвестиционных проектов // Вестник евразийской науки. Т. 14. № 6.
- Марголин А.М. (2007). Экономическая оценка инвестиционных проектов. Москва: Экономика. 367 с.
- Мартынова Е.П. (2013). «Чужие» в тазовской тундре // Вестник Томского гос. ун-та. История. № 4 (24). С. 72–77.
- Мартынова Е.П., Новикова Н.И. (2011). Тазовские ненцы в условиях нефтегазового освоения: этнологическая экспертиза 2011 года. Москва: ИП А.Г. Яковлев. 132 с.
- Нечаева Н.А. (2019). Методика отбора инвестиционных проектов для предоставления мер государственной поддержки // Мир экономики и управления. Т. 19. № 3. С. 22–40.
- Нечаева Н.А. (2022). Экспресс-методика отбора инвестиционных проектов, претендующих на государственную поддержку // Известия Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та. № 2 (134). С. 177–181.
- Полтева Т.В. (2021). Совершенствование методики оценки инновационных проектов // Вестник Поволжского гос. ун-та сервиса. Сер.: Экономика. № 2 (65). С. 69–76.
- Серов В.М., Тихонов Ю.П. (2021). Развитие методологии оценки экономической эффективности инвестиционных проектов // Журнал экономической теории. Т. 18. № 3. С. 433–447. URL: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.8>
- Суслов В.И., Новикова Т.С., Гулакова О.И. (2021). Ценовые аспекты оценки инвестиционных проектов // Экономика региона. Т. 17. № 1. С. 16–30. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-2>

- Шибикин Д.Д. (2019). К вопросу о технической эффективности инвестиционных проектов // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Сер.: Компьютерные технологии, управление, радиоэлектроника. Т. 19. № 1. С. 101–113. URL: <https://doi.org/10.14529/ctcr190109>
- Bartošová V., Majerčák P., Hrašková D. (2015). Taking risk into account in the evaluation of economic efficiency of investment projects: Traditional methods. *Procedia Economics and Finance*, 24, 68–75. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00614-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00614-0)
- Chernyaev M.V., Boiko A.A. (2022). Economic efficiency of gas industry investment projects in Russia on the example of export gas pipelines. *RUDN Journal of Economics*, 30 (4), 587–601. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-587-601>
- Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. (2017). Selection of priority investment projects for the development of the Russian Arctic. *Polar Science*, 14, 68–77. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.polar.2017.10.003>
- Raos S., Hraníć J., Rajšl I. (2024). Multi-criteria decision-making method for evaluation of investment in enhanced geothermal systems projects. *Energy and AI*, 100390. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.egyai.2024.100390>
- Shi J., Zhou N. (2012). A quantitative transportation project investment evaluation approach with both equity and efficiency aspects. *Research in Transportation Economics*, 36 (1), 93–100. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2012.03.002>
- Zenkovich M.V., Drevs Y.G., Inozemtseva V.S., Shevchenko N.A. (2021). Industrial plants investment projects efficiency estimation based on simulation and artificial intelligence methods. *Procedia Computer Science*, 190, 852–862. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.06.107>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4); главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (Российская Федерация, 117418, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47); e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Центр макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, 109456, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

ASSESSMENT OF INVESTMENT PROJECTS PRIORITIZATION IN SMALL MUNICIPALITIES (CASE STUDY OF THE FAR NORTH TERRITORIES)

The article deals with the procedure for assessing the priority of investment projects necessary to accelerate the socio-economic development of small municipalities on the example of Tazovsky District of the Yamal-Nenets Autonomous Area. Small municipalities are defined as municipalities with a population of up to 50 thousand people. In general, the procedure for assessing the priority of investment projects involves six stages: a desk study of the municipal economy, its opportunities and constraints to identify potential areas for the implementation of business projects; generation

of a portfolio of potential projects by an expert group using the brainstorming method, which claim the greatest demand from the economy of the studied municipality; conducting a questionnaire survey of six groups of the population of the district in relation to the generated portfolio of potential projects; sifting the list of projects in accordance with the selection rule, which defines the lower boundary of the cutoff of the average project support index, and the rule of absence of social conflict, which defines the upper boundary of the divergence of extreme estimates of group trust indices. Approbation of the proposed analytical procedure for Tazovsky District of the Yamal-Nenets Autonomous Area made it possible to select 14 of 27 projects as the most preferable, which in turn are segmented into three groups: the most popular, promising and moderately important. The paper discusses the issue of replicating the proposed algorithm for evaluating investment projects to a wide class of small municipalities.

Investment project, small municipalities, evaluation, selection, prioritization.

REFERENCES

- Akchurina I.G., Tereshina D.G. (2017). City investment passport: Methods for prioritizing investment projects. *Trudy Bratskogo gos. un-ta. Ser.: Ekonomika i upravlenie*, 1, 28–33 (in Russian).
- Alabugin A.A., Kochegarova L.G. (2013). Methodology for selecting investment projects at the regional level using an integration evaluation model. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 8, 289–293 (in Russian).
- Aleksanov D.S., Koshelev V.M., Chekmareva N.V. (2022). On the assessment of the budget efficiency of investment projects. *Upravlencheskii uchet*, 7–2, 181–192. Available at: <https://doi.org/10.25806/uu7-22022181-192> (in Russian).
- Balatsky E.V., Ekimova N.A. (2022). Regional development agencies in Russia: Finish or restart? *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki*, 3, 47–61. Available at: https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2022_3_47_61 (in Russian).
- Bartošová V., Majerčák P., Hrašková D. (2015). Taking risk into account in the evaluation of economic efficiency of investment projects: Traditional methods. *Procedia Economics and Finance*, 24, 68–75. Available at: [https://doi.org/10.1016/S2212-5671\(15\)00614-0](https://doi.org/10.1016/S2212-5671(15)00614-0)
- Chernyaev M.V., Boiko A.A. (2022). Economic efficiency of gas industry investment projects in Russia on the example of export gas pipelines. *RUDN Journal of Economics*, 30(4), 587–601. Available at: <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2022-30-4-587-601>
- Golovnev A.V. (2014). Ethnological expertise in the scenarios of resource development of Yamal Peninsula. *Ural'skii istoricheskii vestnik=Ural Historical Journal*, № 2 (43). С. 143–153 (in Russian).
- Ivanova A.P. (2022). Improving the methodology for selecting investment projects. *Ekonomika i sotsium*, 6–2(97), 429–436 (in Russian).
- Kosov M.E. (2017). Evaluation of efficiency of investment projects with state support. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser.: Ekonomika i pravo*, 27(6), 31–40 (in Russian).
- Kvashnin Yu.N. (2012). Ethnic and demographic processes among the Tazov Nenets at the beginning of the 21st century. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 3(18), 141–152 (in Russian).
- Lebedev I.A., Prasolov V.I. (2022). Methods for assessing the efficiency of investment projects. *Vestnik evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 14(6) (in Russian).
- Margolin A.M. (2007). *Ekonomicheskaya otsenka investitsionnykh projektov* [Economic Evaluation of Investment Projects]. Moscow: Ekonomika.
- Martynova E.P. (2013). “Aliens” in the Tazov tundra. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Istoriya*, 4(24), 72–77 (in Russian).
- Martynova E.P., Novikova N.I. (2011). *Tazovskie nentsy v usloviyakh neftegazovogo osvoeniya: etnologicheskaya ekspertiza 2011 goda* [Tazov Nenets in the Conditions of Oil and Gas Development: Ethnological Expertise in 2011]. Moscow: IP A.G. Yakovlev.

- Nechaeva N.A. (2019). Investment project selection methods for the provision of state support measures. *Mir ekonomiki i upravleniya=World of Economics and Management*, 19(3), 22–40 (in Russian).
- Nechaeva N.A. (2022). Express method of selection of investment projects applying for state support. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gos. ekon. un-ta*, 2(134), 177–181 (in Russian).
- Novoselov A., Potravny I., Novoselova I., Gassiy V. (2017). Selection of priority investment projects for the development of the Russian Arctic. *Polar Science*, 14, 68–77. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.polar.2017.10.003>
- Polteva T.V. (2021). Improving the methodology for evaluating innovative projects. *Vestnik Povolzhskogo gos. un-ta servisa. Ser.: Ekonomika*, 2(65), 69–76 (in Russian).
- Raos S., Hranic J., Rajsl I. (2024). Multi-criteria decision-making method for evaluation of investment in enhanced geothermal systems projects. *Energy and AI*, 100390. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.egyai.2024.100390>
- Serov V.M., Tikhonov Yu.P. (2021). Methodology for the evaluation of the economic effectiveness of investment projects. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii=Russian Journal of Economic Theory*, 18(3), 433–447. Available at: <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.8> (in Russian).
- Shi J., Zhou N. (2012). A quantitative transportation project investment evaluation approach with both equity and efficiency aspects. *Research in Transportation Economics*, 36(1), 93–100. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.retrec.2012.03.002>
- Shibikin D.D. (2019). On the question of the technical effectiveness of investment projects. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta. Ser.: Komp'yuternye tekhnologii, upravlenie, radioelektronika=Bulletin of the South Ural State University. Ser. Computer Technologies, Automatic Control, Radio Electronics*, 19(1), 101–113. Available at: <https://doi.org/10.14529/ctcr190109> (in Russian).
- Suslov V.I., Novikova T.S., Gulakova O.I. (2021). Price effects in the evaluation of investment projects. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 17(1), 16–30. Available at: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-1-2> (in Russian).
- Zenkovich M.V., Drevs Y.G., Inozemtseva V.S., Shevchenko N.A. (2021). Industrial plants investment projects efficiency estimation based on simulation and artificial intelligence methods. *Procedia Computer Science*, 190, 852–862. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.06.107>

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgeny V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director, Macroeconomic Research Center, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation); Chief Researcher, Central Economics and Mathematics Institute, RAS (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation); e-mail: evbalatsky@inbox.ru

Natalya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Macroeconomic Research Center, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Avenue, Moscow, 109456, Russian Federation); e-mail: n.ekimova@bk.ru

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.3

УДК 332.1 | ББК 65.49

© Попов Е.В., Семячков К.А., Дубик С.В.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОДВИЖЕНИЯ ПРОЕКТОВ УМНОГО ГОРОДА МЕДИЙНЫМИ ЛИЧНОСТЯМИ

ЕВГЕНИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ ПОПОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: epopov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5513-5020; ResearcherID: H-3358-2015

КОНСТАНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕМЯЧКОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: k.semyachkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0998-0183; ResearcherID: F-6974-2017

СВЕТЛАНА ВЛАДИМИРОВНА ДУБИК

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Екатеринбург, Российская Федерация
e-mail: svetlanamirovna05@gmail.com

ORCID: 0009-0002-9352-6046

Целью исследования является оценка эффективности продвижения проектов умного города медийными публичными личностями, непосредственно связанными с реализацией идей цифровой трансформации в ряде крупных городов Российской Федерации. Названы направления продвижения проектов умного города в социальных сетях: определение целевой аудитории, создание уникального контента, вовлечение местного населения, использование хештегов и сетевого взаимодействия, партнерство с местными редакциями и блогерами, проведение акций и ме-

Для цитирования: Попов Е.В., Семячков К.А., Дубик С.В. (2024). Региональная дифференциация эффективности продвижения проектов умного города медийными личностями // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 25–40. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.3

For citation: Popov E.V., Semyachkov K.A., Dubik S.V. (2024). Regional differentiation of effectiveness of promoting smart city projects by media personalities. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 25–40. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.3

роприятий, анализ и корректировка стратегии. Выявление этих направлений позволило сформулировать ключевые принципы продвижения проектов умного города медийными личностями в социальных сетях. На основе ряда показателей осуществлена региональная дифференциация продвижения таких проектов на примере Екатеринбурга, Челябинска, Перми, Тюмени, оценена эффективность продвижения проектов посредством социальных сетей среди публичных личностей, непосредственно связанных с реализацией проектов по цифровизации городских территорий. Анализ показал, что продвижение проектов умного города в социальных сетях является действенным инструментом популяризации идей цифровой трансформации территорий. На основе полученных результатов разработан ряд рекомендаций по повышению эффективности продвижения проектов умного города в социальных сетях, среди которых планирование процессов продвижения умного города, управление контентом, взаимодействие с аудиторией. Теоретическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования в дальнейших исследованиях, касающихся маркетинга территорий в условиях формирования и развития цифрового общества, продвижения проектов умного города. Практическая значимость результатов заключается в возможности их применения в ходе реализации конкретных действий по продвижению проектов умного города медийными личностями в социальных сетях.

Умный город, цифровые технологии, продвижение проектов, социальные сети, публичные личности, маркетинг.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-20036, <https://rscf.ru/project/24-18-20036/>

Введение

Интеграция цифровых решений в различные сферы современных городов имеет важнейшее значение для преобразования жизни местного населения. Цифровые технологии позволяют реализовывать проекты, способные решать проблемы, вызванные процессами урбанизации территорий (Ковалев, Агибалов, 2020). Успех внедрения цифровых решений зависит от вовлеченности местного населения, бизнеса, властных структур, научного сообщества в формирование и развитие экосистемы города, а также от грамотного маркетинга в вопросах цифровой трансформации урбанизированных территорий. В современном мире возможность взаимодействовать и согласованно решать проблемы местного уровня является ключевым условием успеха для развития городской среды, поэтому все чаще взаимодействие заинтересованных сторон по вопросам развития урбанизированных территорий происходит в цифровом пространстве, на базе цифровых платформ, веб-приложений, социальных сетей (Stratigea et al., 2015).

Большинство проектов по интеллектуализации города предполагает трансформа-

цию существующей местной экосистемы, транспортной системы и различных других городских атрибутов, в основном путем развертывания управления информацией в максимально возможной всеобъемлющей и оперативной форме (Исаев, 2020). По мере развития опыта интеллектуализации городов и технологий открывается перспектива более фундаментальной трансформации с появлением новых заинтересованных сторон и отношений между ними. При этом важным условием реализации идей по цифровизации городской среды является цифровой маркетинг проектов по интеллектуализации городской территории. Цифровой маркетинг можно определить как общий термин для маркетинга продуктов или услуг с использованием цифровых технологий. Цифровой маркетинг – это продвижение продуктов или брендов в цифровой среде с помощью одной или нескольких форм электронных медиа (Минаков, Суглобов, 2023). Одним из наиболее перспективных направлений продвижения проектов по цифровизации городской среды выступает продвижение таких проектов в социальных сетях. При этом важным источником информации

о проектах умных городов являются местные медийные личности, представляющие органы власти, в ведении которых находятся процессы реализации инициатив по цифровизации урбанизированных территорий. В связи с этим формируется потребность в исследовании процессов продвижения проектов по цифровизации городской среды медийными личностями в социальных сетях. В настоящее время уже известно достаточно большое количество научных публикаций, касающихся продвижения проектов по цифровизации городской среды при помощи цифровых медиа. Однако стоит отметить определенный дефицит исследований, связанных с оценкой эффективности продвижения проектов по цифровизации городской среды медийными личностями. С нашей точки зрения, это существенное упущение, так как именно медийные личности, представляющие властные структуры, реализующие проекты по цифровизации городской среды, являются проводниками идей по цифровой трансформации городской среды среди местного населения, представителей бизнеса, научного сообщества. От их работы в направлении продвижения проектов умного города, эффективности реализуемых подходов зависит общая результативность процессов цифровой трансформации урбанизированных территорий. Крайне важной является разработка инструментария по оценке эффективности деятельности представителей местных властей в вопросах продвижения проектов умных городов с помощью цифровых медиа. Исходя из этого, целью настоящего исследования стала оценка эффективности продвижения проектов умного города медийными личностями на примере ряда городов (Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Тюмень).

Обзор предшествующих исследований

Быстрый рост городов послужил причиной возникновения ряда проблем экологического, социально-экономического, инфраструктурного характера, с которыми столкнулись территории. Ввиду новых вызовов

местные администрации стали разрабатывать и внедрять новые концепции развития урбанизированных территорий. В основе таких моделей все чаще лежат инновации в области цифровых технологий, а также новые инструменты управления урбанизированными территориями. Наиболее перспективной моделью является модель формирования и развития умных городов (Schaffers et al., 2011).

Из-за быстрой эволюции представлений об умных городах в настоящее время нет единого мнения по поводу того, что представляет собой умный город. В общих чертах можно отметить, что умный город предполагает применение множества видов цифровых решений для преобразования жизни местного населения и городской среды (Anttiroiko et al., 2013). Большинство авторов сходятся во мнении, что «умное» развитие города подразумевает изменения в управлении энергетическими ресурсами, проектировании и управлении зданиями, услугах и методах мобильности, развитии и использовании цифровой инфраструктуры, управлении системой здравоохранения на основе цифровых решений и больших данных, внедрении и управлении новыми технологиями (Lee et al., 2014). Кроме того, исследователи акцентируют внимание на качестве жизни, устойчивости и вовлеченности населения, научного сообщества и бизнеса в процессы принятия управленческих решений (Lee, Lee, 2014). Учитывая скорость развития соответствующих технологий, умный город лучше всего рассматривать не как конечную точку, а как циклический процесс. Концепция умных городов представляет собой набор идей, в рамках которых реализуется трансформация системы местного самоуправления, при этом мотивом для местных органов власти является достижение целей устойчивого развития, удовлетворения растущих ожиданий граждан и привлечения инвестиций, создания новых предприятий и развития человеческого капитала (Петров, Хохлова, 2023). С учетом тенденций, наблюдающихся в передовых городах по всему миру, можно прогнозировать, что большая часть расходов

в ближайшем будущем будет сосредоточена на интеллектуальном транспорте, общественной безопасности на основе данных, устойчивой энергетике и инфраструктуре, визуальном наблюдении, интеллектуальном наружном освещении и мониторинге окружающей среды.

Значительная часть работ по тематике умных городов фокусируется на цифровых технологиях (Rabari, Storper, 2014). Искусственный интеллект, новые способы сбора, передачи и анализа данных являются важнейшими направлениями исследований в области умных городов. Использование цифровых решений особенно важно для того, чтобы участники экосистемы умного города могли поддерживать связь с приложениями умного города, а приложения умного города – поддерживать связь с участниками цифровой экосистемы, их запросами и потребностями. Ключевым ресурсом развития умного города являются цифровые данные, генерируемые различными устройствами, а также пользователями приложений умного города, в том числе посредством цифровых платформ, мобильных приложений, социальных сетей. Широкомасштабное использование цифровых данных подразумевает соблюдение определенных требований и стандартов, в том числе в области безопасности. Внедрение умных решений на основе больших данных в городской среде позволяет участникам экосистемы умного города взаимодействовать более эффективно и с меньшими транзакционными издержками (Попов, Семячков, 2019).

Концепция умных городов становится стратегическим планом развития большого числа передовых городов по всему миру. Местные власти все чаще планируют развитие территорий с учетом концепции умного города, чтобы повысить эффективность функционирования транспортной системы, снизить экологические риски, поощрять совместное использование благ в рамках развития экономики совместного потребления (*sharing economy*) (Angelidou, 2014). Фактором, поддерживающим развитие умных городов по всему миру, явля-

ется изменение потребительской культуры. Распространение онлайн-торговли, рост маркетплейсов и переход на онлайн-продажи многих устоявшихся ритейлеров и других поставщиков продуктов и услуг преобразовали маркетинг и, по сути, целые отрасли. К ним относятся финансовые услуги, сфера жилищно-коммунального хозяйства, путешествия и транспорт, медиа и телекоммуникации и многие другие, что привело к упадку или резкому сокращению значительного числа фирм или их поглощению другими компаниями. Использование данных о клиентах, возникающих в результате этой маркетинговой трансформации, изменило принципы управления маркетинговой стратегией. Такие изменения являются важнейшим фактором формирования и развития умных городов. Местное население генерирует и использует огромное количество данных в повседневной жизни, что дает возможность по-новому выстроить отношения между управляющими структурами, бизнесом, местным населением внутри экосистемы умных городов. Новые отношения в первую очередь основываются на анализе большого объема цифровых данных (Al Nuaimi et al., 2015).

Умные города становятся важным направлением в развитии территорий, предлагая жителям более удобную, безопасную и устойчивую среду для жизни (Попов и др., 2020). Несмотря на их очевидные преимущества, успешная реализация концепции умного города зависит не только от технологий, но и от эффективного маркетинга. Маркетинг умных городов играет ключевую роль в формировании их имиджа, привлечении инвестиций и повышении уровня вовлеченности граждан. Одним из основных элементов маркетинга умных городов является определение целевых сегментов аудитории. Это могут быть жители города, туристы, бизнесмены или инвестиционные компании. Определение нужд и интересов этих групп позволяет разрабатывать маркетинговые стратегии, нацеленные на создание ценности для каждого сегмента. Например, для жителей города важны улучшенные условия

жизни, доступ к умным услугам и безопасность, в то время как для инвесторов основной интерес состоит в новых экономических возможностях.

Другим важным компонентом маркетинга является формирование имиджа умного города (Chan et al., 2019). Это может быть акцент на высоких технологиях, экологии, устойчивом развитии или инновациях. Открытое и прозрачное общение с жителями и инвесторами, активное использование социальных сетей и медиа, а также проведение мероприятий (например, выставок и форумов) помогают в создании положительного имиджа. Современные умные города развивают платформы для вовлечения жителей в принятие решений, обсуждения новых идей и улучшений. Обратная связь от граждан может быть использована для корректировки маркетинговой стратегии, выявления проблем и улучшения качества жизни. Это также помогает формировать чувство общности и доверия к власти (Anttiroiko, 2016).

Важное место в развитии умных городов занимают социальные сети как инструмент взаимодействия множества пользователей проектов по цифровизации урбанизированных территорий. В настоящее время существует ряд исследований по применению социальных сетей в развитии умных городов, при этом большинство из них связаны с идеей предоставления комплексных онлайн-услуг в рамках деятельности местных структур управления (Sandoval-Almazan, 2015). Умный город должен использовать социальные сети в качестве основного инструмента для улучшения коммуникации и сотрудничества между участниками экосистемы, в рамках содействия расширению прав и возможностей местного населения для реализации собственных инициатив.

Использование социальных сетей все чаще рассматривается в качестве фактора развития умных городов (Arribas-Bel, 2015). При этом можно отметить некоторые особенности использования социальных сетей в умных городах. Во-первых, посредством социальных сетей возможно продвижение проектов умного города. Во-вторых, в на-

стоящее время существует потребность в показателях для оценки результативности продвижения проектов умного города в социальных сетях. В-третьих, на основе реализации идей по цифровизации городской среды происходит формирование и развитие сообществ пользователей проектов умного города в социальных сетях (Molinillo et al., 2019).

Социальные сети являются интерактивным сообществом на основе цифровых технологий и мобильных платформ. Они воплощают в себе атрибуты участия, интерактивности, открытости и прозрачности. Социальные сети относят к так называемым «новым медиа», куда входят блоги и микроблоги, сайты обмена фото- и видеоконтентом, площадки интернет-сообществ (Чечулин и др., 2023). В условиях распространения цифровых технологий «новые медиа» все чаще используются в качестве инструментов продвижения продуктов и услуг, а также различных проектов, в том числе проектов умных городов. Социальные сети играют важную роль во влиянии на поведение потребителей, обеспечивая осведомленность, получение информации, мнения, отношения, поведение при участии в проекте, общение и оценку после получения той или иной услуги (Ефременко, 2023). В результате активного развития социальных сетей все больше компаний и специалистов начали изучать их маркетинговые возможности. Стратегии социальных сетей широко использовались в исследованиях и практиках компаний, брендов и маркетинга в государственном секторе. В настоящее время социальные сети все больше влияют на процессы развития городской среды (Салихов, 2019). Они предоставляют возможности для лиц, принимающих решения, организовывать платформу для публичного обсуждения принимаемых решений, обмена мнениями, получения эффективной обратной связи от широкой общественности (Janoskova et al., 2021).

В общем виде можно отметить три стратегии использования социальных сетей, применяемых для работы на местном уровне. Во-первых, это стратегия, связанная с соз-

данием дополнительной информационной платформы для предоставления данных заинтересованным сторонам. Вторая стратегия связана с привлечением заинтересованной аудитории на веб-сайт местной администрации. Третья стратегия сводится к взаимодействию местных структур управления со всеми заинтересованными сторонами в социальных сетях. В целом в рамках продвижения проектов умного города в социальных сетях можно выделить несколько необходимых направлений (табл. 1).

Сегодня острая конкуренция между городами мотивирует городские власти использовать маркетинговые методы для продвижения города. Городской маркетинг

представляет собой процесс планирования и проектирования городов для удовлетворения потребностей населения. Основными игроками в реализации городского маркетинга являются местные органы власти, бизнес, местное население. Городские власти играют ведущую роль в продвижении городов, обеспечивая сотрудничество всех муниципальных структур.

Подобно фирмам и организациям у города есть собственные клиенты, которые являются заинтересованными сторонами, напрямую и косвенно получающими выгоду от развития города. К таким клиентам относятся гости города, инвесторы, местные и потенциальные жители, представители бизнеса.

Таблица 1. Направления продвижения проектов умного города в социальных сетях

Направление	Описание
Определение целевой аудитории	Важным шагом в продвижении проектов умного города является определение целевой аудитории. Жители, бизнесмены, инвесторы и туристы имеют разные интересы и потребности. Настройка контента под каждую группу позволяет более точно и эффективно донести информацию. Например, жителям можно представить преимущества умного освещения и системы безопасности, а инвесторам – финансовые возможности и перспективы роста
Создание уникального контента	Контент – это основной элемент, формирующий восприятие проекта. Уникальные и высококачественные визуальные материалы, такие как видео, инфографика и фотографии, помогают лучше визуализировать ключевые аспекты и достижения проекта. Рассказы о реальных историях успеха, интервью с экспертами и жителями, использующими умные технологии, могут сделать контент более персонализированным и привлекательным
Вовлечение местного населения	Участие граждан в проекте – один из важнейших аспектов успеха. Создание открытых площадок для обсуждения и получения обратной связи может значительно увеличить уровень вовлеченности. В связи с этим важно стимулировать обсуждение на актуальные темы, например, через опросы или трансляции в прямом эфире. Платформы, такие как ВКонтакте, Телеграм, позволяют проводить интерактивные мероприятия, которые способствуют повышению интереса к умному городу
Использование хештегов и сетевого взаимодействия	Хештеги позволяют увеличить охват контента в социальных сетях. Создание уникальных хештегов, связанных с проектом умного города, поможет пользователям легко находить информацию и участвовать в обсуждениях. Использование популярных хештегов, связанных с городской тематикой, позволяет расширить сеть взаимодействия и привлечь внимание новой аудитории
Партнерство с местными редакциями и блогерами	Сотрудничество с местными СМИ, блогерами и влиятельными личностями может значительно повысить доверие к проекту и привлечь внимание. Исторические связи с аудиторией могут помочь органически интегрировать информацию о проекте в контент. Это также открывает новые каналы для распространения информации и привлечения интереса
Проведение акций и мероприятий	Организация мероприятий, вебинаров или мастер-классов как в офлайн, так и в онлайн-формате создает возможности для взаимодействия с аудиторией. Такие события могут быть использованы для демонстрации технологий и обсуждения планов развития проекта. Социальные сети являются идеальной платформой для продвижения таких мероприятий и взаимодействия с участниками
Анализ и корректировка стратегии	Регулярный анализ показателей и обратной связи важен для оценки эффективности стратегии продвижения. Важным является использование инструментов аналитики социальных медиа для отслеживания вовлеченности, охвата и других метрик. Это позволит адаптировать контент и подходы в соответствии с изменениями интересов и предпочтений аудитории
Источник: составлено авторами.	

Городские продукты состоят из городской среды (например, политической, экономической, культурной и жилой), объектов (например, инфраструктуры, общественного транспорта и медицинских учреждений), брендов и имиджей (например, бренда города, имиджа местных властей) и человеческих ресурсов (например, талантов и рабочей силы). Социальные медиа предоставляют двусторонний выгодный инструмент для взаимного общения между городом и его клиентами. Такой инструмент позволяет клиентам участвовать в маркетинговых кампаниях города из-за его интерактивного, открытого и прозрачного характера (Mašek et al., 2019).

В отличие от традиционных медиа социальные сети реализуют подход муниципально-частного партнерства для городского маркетинга, который обеспечивает более интерактивную платформу. Благодаря большому количеству категорий информации, к которым могут иметь доступ пользователи, социальные сети значительно увеличивают сетевое воздействие. Таким образом, по сравнению с традиционными медиа социальные сети могут расширить влияние городских клиентов на городской маркетинг из-за интерактивной, открытой и прозрачной природы социальных сетей. Одним из перспективных направлений продвижения тех или иных услуг, продуктов, проектов в социальных сетях является привлечение медийных личностей (Слепцова, Сандул, 2019; Боброва, 2022). Медийные личности обладают возможностью формировать общественное мнение по тем или иным вопросам, оказывать влияние на аудиторию (Зайцева, 2021). Ввиду высокого уровня персонализации информации, доверия к публичной личности со стороны подписчиков участие инфлюенсеров считается эффективным и репутационным способом продвижения проектов (Новикова, 2024).

В условиях стремительного роста концепции умного города активное участие публичных медийных личностей в продвижении таких проектов становится ключевым аспектом успешности. Публичные личности, в частности руководители структур, отве-

чающих за развитие городских территорий, мэры городов, председатели местных дум, руководители отдельных ведомств, способны значительно повлиять на общественное мнение, привлечь внимание к проблемам городского развития и вовлечь граждан в процесс. Публичные личности обладают влиянием и авторитетом, что помогает создать доверие к проектам умного города. Их работа в социальных сетях по продвижению проектов, связанных с внедрением новых технологий и инициатив, таких как умное освещение, инновационные транспортные системы, жилищно-коммунальное хозяйство, может повысить уровень поддержки со стороны граждан. Когда известные люди используют или поддерживают идеи умного города, это приводит к принятию изменений более широкой аудиторией.

Публичные личности могут значительно повысить осведомленность населения о проектах умного города. Они способны репостить информацию, делиться личными впечатлениями от инициатив и рассказывать о положительном влиянии, которое умные технологии могут оказать на жизнь граждан. Эффективное использование социальных сетей помогает донести информацию до широкой аудитории и создать положительный имидж проекта. Посредством социальных сетей публичные личности могут инициировать и поддерживать диалог с местными сообществами, обсуждая их нужды и интересы, использовать свои страницы в социальных сетях в целях проведения опросов, сбора мнений и предложений для граждан участвовать в процессах принятия решений, что, в свою очередь, увеличивает уровень вовлеченности и поддержки инициатив при реализации проектов умного города. Для поддержки проектов умного города в социальных сетях медийные личности могут использовать метод *storytelling* (искусство повествования). Интересные и запоминающиеся истории о том, как умные технологии меняют жизнь людей к лучшему, включая примеры успешных внедрений, могут вызвать эмоциональную реакцию и помочь людям лучше понять, как эти проекты влияют на качество жизни.

Продвижение проектов умного города с помощью публичных личностей является важным инструментом, который может значительно повлиять на общественное мнение и вовлеченность граждан. Способность влиять на массовое сознание, привлекать инвестиции и формировать доверие к изменениям создает возможности для успешной реализации инициатив по формированию и развитию умных городов. В рамках исследования нами разработан ряд принципов продвижения проектов умного города публичными личностями в социальных сетях (табл. 2).

В настоящем исследовании была проанализирована деятельность публичных лиц, непосредственно имеющих отношение к реализации проектов по цифровизации городской среды и занимающих руководящие посты в структурах управления ряда крупных городов РФ (Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Тюмень), по продвижению проектов умного города в социальных сетях. Кроме того, предпринята попытка оценить эффективность продвижения проектов умного города в социальных сетях.

Процедура исследования

Объект исследования – процессы продвижения проектов медийными личностями, предмет исследования – региональная дифференциация эффективности продвижения проектов умного города медийными личностями. Информационная база – научные статьи по рассматриваемой тематике, проиндексированные в зарубежных базах данных и БД РИНЦ, а также данные социальных сетей (ВКонтакте, Телеграм, Одноклассники). Алгоритм работы: критика предшествующих исследований, формулирование проблемы, оценка эффективности продвижения проектов умного города в Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Тюмени, формулирование элемента научной новизны. Для оценки эффективности использовались следующие показатели: количество подписчиков, вовлеченность аудитории (количество лайков или реакций, количество комментариев), охват публикаций (количество просмотров). В рамках исследования применялись усредненные показатели активности медийных личностей в социальных сетях. В Екатеринбурге

Таблица 2. Принципы продвижения проектов умного города медийными личностями в социальных сетях

Принцип	Описание
Принцип целеполагания	При реализации процессов продвижения проектов умного города в социальных сетях необходимо сформировать набор целей, достижение которых будет свидетельствовать об эффективности маркетинговой кампании. Среди таких целей может быть увеличение числа пользователей проектов умного города, повышение осведомленности местного населения об инициативах умного города
Принцип адресности	Важным условием достижения результатов при продвижении проектов умного города медийными личностями является определение целевой аудитории, а также дифференцированный подход к различным группам подписчиков
Принцип регулярности	Размещение информации в социальных сетях должно носить регулярный, ритмичный характер
Принцип уникальности контента	Контент, размещенный в социальных сетях, должен быть интересным, уникальным, запоминающимся, а также информативным, чтобы пользователи могли получить исчерпывающее понимание того, зачем реализуется тот или иной проект, его положительные эффекты для местного населения, бизнеса
Принцип вовлеченности	Публичное медийное лицо должно быть вовлечено в вопросы, связанные с проектом умного города, его характеристик. Это может проявляться в прямых диалогах с подписчиками по тем или иным вопросам, например с помощью комментариев или сообщений в социальных сетях
Принцип результативности	Необходимо сформировать ряд показателей, которые будут характеризовать эффективность продвижения проектов медийными личностями в социальных сетях. Такими показателями, к примеру, могут быть число публикаций медийной личности по тематике умного города, число просмотров публикаций по тематике умного города, число лайков публикации по тематике умного города, число репостов публикации
Источник: составлено авторами.	

это глава города, «цифровой» заместитель губернатора, председатель городской Думы, министр цифрового развития Свердловской области. В Челябинске – глава города, председатель городской Думы, министр информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области, заместитель министра технологий, связи и цифрового развития Челябинской области. В Перми – глава города, заместитель председателя Правительства Пермского края по вопросам информационного развития и туризма, председатель Пермской городской Думы, министр информационного развития и связи Пермского края. В Тюмени – глава города, председатель Тюменской городской Думы.

Обсуждение результатов

В ходе исследования было выявлено, что эффективность продвижения проектов умного города медийными личностями значи-

тельно различается в выбранных регионах. Это связано с особенностями каждого конкретного города – его социально-экономическим положением, инфраструктурой и демографической ситуацией. Анализ полученных данных позволяет выделить успешные практики в продвижении проектов умного города через использование медийных личностей и определить факторы, которые способствуют или затрудняют достижение цели. В табл. 3 представлено число подписчиков медийных личностей по исследуемым городам.

В рамках настоящего исследования нами проанализирован ряд показателей, характеризующих эффективность взаимодействия публичных личностей, непосредственно занятых реализацией проектов умного города. Необходимым условием для продвижения проектов умного города в социальных сетях для медийных личностей является наличие личной страницы в социальных сетях, где они

Таблица 3. Количество подписчиков (друзей) представителей органов власти, принимающих решения по внедрению проектов умного города

Город	Должность	ВКонтакте	Телеграм	Одноклассники
Екатеринбург	Глава города	12339	5029	253
	«Цифровой» заместитель губернатора	16606	1774	18538
	Председатель городской Думы	8873	-	718
	Министр цифрового развития Свердловской области	429	-	129 (закрытый профиль)
Челябинск	Глава города	3058	1977	114
	Председатель городской Думы	4930	319	404
	Министр информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области	549 (закрытый профиль)	-	-
	Заместитель министра информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области	1059	-	-
Тюмень	Глава города	7709	9839	294
	Председатель Тюменской городской Думы	2722	568	394
Пермь	Глава города	15288	1803	29
	Заместитель председателя Правительства Пермского края по вопросам информационного развития и туризма	1188	130	-
	Председатель Пермской городской Думы	5529	-	24
	Министр информационного развития и связи Пермского края	1279	-	-

Источник: составлено авторами.

могут взаимодействовать со своими подписчиками. На *рис. 1* представлено среднее число подписчиков медийных личностей по исследуемым городам.

В целом можно отметить, что ВКонтакте является самой популярной площадкой среди медийных личностей для взаимодействия с местным населением. Наибольшее число подписчиков в этой социальной сети у екатеринбургских представителей структур управления. Второй по популярности площадкой выступает Телеграм, при этом в Тюмени он популярен так же, как и ВКонтакте. Страницы в Одноклассниках заметно отстают по количеству подписчиков у медийных личностей из Челябинска, Тюмени, Перми.

Необходимым условием продвижения проектов умного города в социальных сетях медийными личностями является размещение соответствующей информации о тех или иных проектах, создание и размещение

постов на страницах социальных сетей. В рамках настоящего исследования нами была собрана база данных постов медийных личностей в период 2021–2024 гг. Общее число постов по тематике умных городов представлено на *рис. 2*.

Лидерами по количеству постов по тематике умных городов являются медийные личности, реализующие проекты умных городов в Перми. При этом отметим, что основной площадкой для продвижения выступает социальная сеть ВКонтакте, а Одноклассники не используются для продвижения проектов умных городов. Также значительное внимание вопросам продвижения проектов умных городов в социальных сетях уделяют медийные личности Екатеринбурга, Тюмени. Для продвижения екатеринбургских проектов в основном используется социальная сеть ВКонтакте, а в Тюмени – все наиболее известные социальные сети (ВКонтакте, Телеграм, Одноклассники).

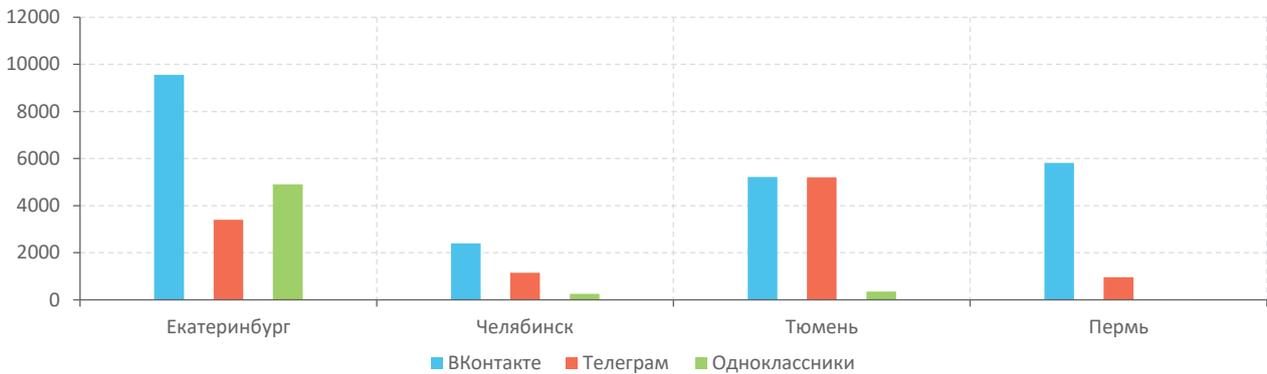

Рис. 1. Среднее число подписчиков медийных личностей в социальных сетях
Источник: составлено авторами.

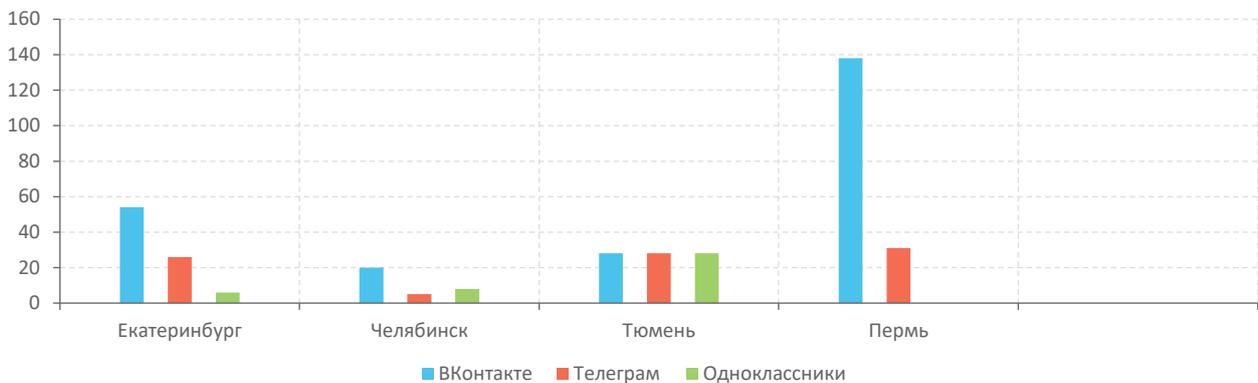

Рис. 2. Количество постов по тематике умных городов за 2021–2024 гг., шт.
Источник: составлено авторами.

Заинтересованность в том или ином информационном сообщении, размещенном в социальной сети, можно оценить с помощью показателя числа просмотров публикации. В рамках исследования нами было выявлено среднее число просмотров публикаций по тематике умных городов в социальных сетях ВКонтакте и Телеграм (рис. 3).

В целом можно отметить достаточно большой интерес граждан к публикациям по тематике умных городов в социальных сетях на страницах медийных личностей, занимающихся реализацией проектов по цифровизации городской среды в Екатеринбурге, Челябинске, Тюмени, Перми. Лидером при этом является Екатеринбург, где продвижение проектов в сети ВКонтакте особенно эффективно (наибольшее число просмотров). При этом данные по Челябинску, Тюмени, Перми показывают примерно равные значения числа просмотров публикаций по тематике умных городов.

Одним из показателей, свидетельствующих об одобрении представленной информации, является реакция пользователей социальных сетей. Нами была проанализирована реакция пользователей на информационные сообщения медийных личностей о тех или иных проектах, связанных с идеями реализации концепции умного города (рис. 4).

В целом можно отметить, что у подписчиков в городах Екатеринбург, Челябинск, Тюмень наблюдается достаточно высокая заинтересованность в публикациях по тематике умных городов, среднее число реакций – порядка 100 шт.

Обсуждение полученных результатов

Социальные сети являются важнейшим инструментом для продвижения проектов в различных сферах, в том числе проектов по цифровой трансформации урбанизированных территорий. Важным условием продвижения выступает участие публичных

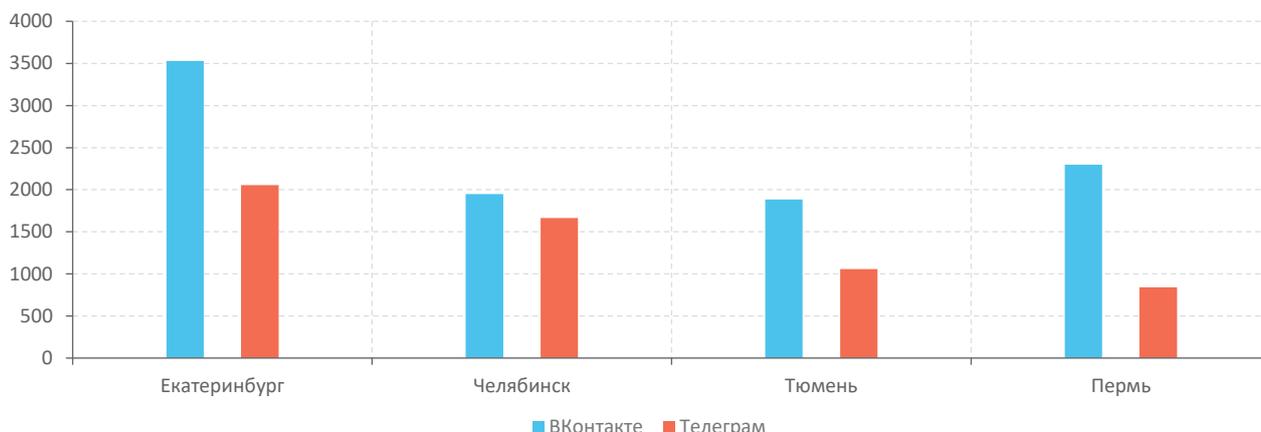

Рис. 3. Среднее число просмотров публикации по тематике умного города

Источник: составлено авторами.

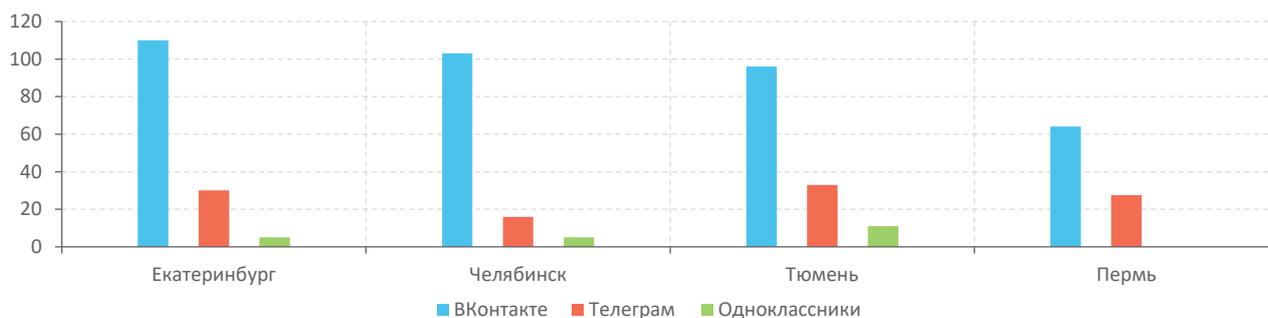

Рис. 4. Среднее число «лайков» на одну публикацию по тематике умного города

Источник: составлено авторами.

личностей, непосредственно связанных с реализацией таких проектов, в процессах продвижения этих проектов среди местного населения, бизнеса посредством социальных сетей. На основе опыта публичных личностей Екатеринбурга, Перми, Челябинска, Тюмени можно выделить ряд факторов, способствующих продвижению проектов по цифровизации городской среды, делающих эти проекты более узнаваемыми среди местного населения. Во-первых, это планирование процессов продвижения умного города. Здесь важны анализ целей аудитории, разработка стратегии продвижения проектов умного города. Во-вторых, это управление контентом: создание контент-плана с учетом различных форматов представляемой информации, использование разнообразных визуальных элементов, оптимизация времени размещения контента. В-третьих, это взаимодействие с аудиторией. Можно отметить разнообразные формы взаимодействия с подписчиками, проведение онлайн-мероприятий, использование возможностей социальных сетей по анализу действий подписчиков (просмотры, «лайки», отзывы). В-четвертых, это обучение и развитие команды, занимающейся продвижением проектов умного города.

Выводы

Социальные сети стали неотъемлемой частью современного общества. Они предоставляют уникальную возможность для продвижения различных проектов, будь то стартапы, культурные инициативы, экологические кампании. Эффективное использование социальных сетей позволяет значительно повысить заметность и привлекательность проектов в различных сфе-

рах, в том числе проектов по цифровизации городской среды.

В ходе настоящего исследования, проведенного с целью оценить эффективность продвижения проектов умного города медийными личностями на примере ряда городов (Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Тюмень), получены следующие теоретические и практические результаты.

Во-первых, показана роль социальных сетей в продвижении инновационных проектов, аргументировано, что эффективным способом продвижения проектов умного города является вовлечение в процессы продвижения медийных личностей, непосредственно связанных с реализацией проектов умного города.

Во-вторых, систематизированы принципы продвижения проектов умного города медийными личностями в социальных сетях.

В-третьих, на основе ряда показателей оценена эффективность продвижения проектов умных городов в Екатеринбурге, Челябинске, Перми, Тюмени. Разработаны рекомендации по повышению эффективности продвижения проектов умного города в социальных сетях.

Теоретическая значимость полученных результатов заключается в формировании теоретического аппарата продвижения проектов умного города в социальных сетях. Практическая значимость результатов состоит в возможности их использования при реализации продвижения проектов умного города медийными личностями в социальных сетях. Настоящее исследование предназначено научным работникам, студентам и преподавателям университетов, специализирующихся в областях маркетинга и экономики городов, а также руководителям и специалистам органов власти городских образований.

ЛИТЕРАТУРА

- Боброва Е.Б. (2022). Отношение пользователей социальных сетей к инфлюенсерам // Теория и практика современной науки: сб. статей VII Междунар. науч.-практ. конф.: в 3 ч. Пенза. С. 134–137.
- Ефременко Е.В. (2023). Организация процесса продвижения услуг в социальных сетях на основе цифровых технологий // *Modern Economy Success*. № 3. С. 96–100.
- Зайцева Т.Б. (2021). Медийные стратегии экспертности // *Libri Magistri*. № 4 (18). С. 149–162.

- Исаев А.А. (2020). Концепция «умный город»: технологические решения и ресурсные возможности на примере города Перми // Современный город: власть, управление, экономика. Т. 1. С. 31–38.
- Ковалев А.А., Агибалов Ю.В. (2020). Совершенствование управления муниципалитетом на основе внедрения и реализации концепции «умный город» в городском округе город Воронеж // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. № 3. С. 4–11.
- Минаков А.В., Суглобов А.Е. (2023). Концепция цифрового маркетинга: новые подходы к использованию маркетинга в цифровой экономике // Вопросы региональной экономики. № 1 (54). С. 41–48.
- Новикова А.Д. (2024). Особенности использования лидеров мнений в медиапроекте // Молодой исследователь – 2024: сб. статей IV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза. С. 151–154.
- Петров П.А., Хохлова Н.С. (2023). Оценка готовности города к внедрению концепции «умный город» // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. Т. 13. № 3 (46). С. 423–432.
- Попов Е.В., Семячков К.А. (2019). Оптимизация процессов цифровизации городской среды // Проблемы развития территории. № 5 (103). С. 53–63.
- Попов Е.В., Семячков К.А., Попова Г.И. (2020). Социально-экономические эффекты формирования умных городов // Проблемы развития территории. № 2 (106). С. 34–45.
- Салихов Э.З. (2019). Медиатизация социальных практик в современном городе // Общество: социология, психология, педагогика. № 10 (66). С. 50–56.
- Слепцова Е.В., Сандул Р.Н. (2019). Лидеры мнений, как маркетинговый метод продвижения услуг // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. № 11-1 (38). С. 113–115.
- Чечулин А.В., Бабенко В.А., Степанова Е.А., Иванова В.М. (2023). Блогосфера как специфическая среда цифровой коммуникации // Управленческое консультирование. № 4 (172). С. 81–92.
- Al Nuaimi E., Al Neyadi H., Mohamed N., Al Jaroodi J. (2015). Applications of big data to smart cities. *Journal of Internet Services and Applications*, 6 (1). DOI: 10.1186/s13174-015-0041-5
- Angelidou M. (2014). Smart city policies: A spatial approach. *Cities*, 41, S3–S11. DOI: 10.1016/j.cities.2014.06.007
- Anttiroiko A.-V. (2016). City-as-a-platform: The rise of participatory innovation platforms in finnish cities. *Sustainability*, 8 (9), 922. DOI: 10.3390/su8090922
- Anttiroiko, A.-V., Valkama, P., & Bailey, S. J. (2013). Smart cities in the new service economy: building platforms for smart services. *AI & SOCIETY*, 29 (3), 323–334. doi:10.1007/s00146-013-0464-0
- Arribas-Bel, D., Kourtit, K., Nijkamp, P., & Steenbruggen, J. (2015). Cyber cities: Social media as a tool for understanding cities. *Applied Spatial Analysis and Policy*, 8 (3), 231–247. DOI: 10.1007/s12061-015-9154-2
- Chan C.S., Peters M., Pikkemaat B. (2019). Investigating visitors' perception of smart city dimensions for city branding in Hong Kong. *International Journal of Tourism Cities*, 5 (4), 620–638.
- Janoskova P., Stofkova K.R., Kovacikova M., Stofkova J., Kovacikova K. (2021). The concept of a smart city communication in the form of an urban mobile application. *Sustainability*, 13 (17), 9703.
- Lee J.H., Hancock M.G., Hu M.-C. (2014). Towards an effective framework for building smart cities: Lessons from Seoul and San Francisco. *Technological Forecasting and Social Change*, 89, 80–99. DOI: 10.1016/j.techfore.2013.08.03
- Lee J., Lee H. (2014). Developing and validating a citizen-centric typology for smart city services. *Government Information Quarterly*, 31, S93–S105. DOI: 10.1016/j.giq.2014.01.010
- Maček A., Ovin R., Starc-Peceny U. (2019). Smart cities marketing and its conceptual grounds. *Naše gospodarstvo / Our economy*, 65 (4), 110–116.
- Molinillo S., Anaya-Sánchez R., Morrison A.M., Coca-Stefaniak J.A. (2019). Smart city communication via social media: Analysing residents' and visitors' engagement. *Cities*, 94, 247–255.
- Rabari C., Storper M. (2014). The digital skin of cities: Urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and big data. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 8 (1), 27–42. DOI: 10.1093/cjres/rsu021

- Sandoval-Almazan R., Cruz D.V., Armas J.C.N. (2015). Social media in smart cities: An exploratory research in Mexican municipalities. *In: 2015 48th Hawaii international conference on system sciences*. IEEE, 2366–2374.
- Schaffers H., Komninos N., Pallot M.[et al.] (2011). Smart cities and the future internet: Towards cooperation frameworks for open innovation. *Lecture Notes in Computer Science*, 431–446. DOI: 10.1007/978-3-642-20898-0_31
- Stratigea A., Papadopoulou C.-A., Panagiotopoulou M. (2015). Tools and technologies for planning the development of smart cities. *Journal of Urban Technology*, 22 (2), 43–62. DOI: 10.1080/10630732.2015.1018725

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Евгений Васильевич Попов – доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук, профессор, директор Центра социально-экономических исследований, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66; e-mail: eropov@mail.ru)

Константин Александрович Семячков – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66; e-mail: k.semyachkov@mail.ru)

Светлана Владимировна Дубик – стажер-исследователь, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 66; e-mail: svetlanamirovna05@gmail.com)

Popov E.V., Semyachkov K.A., Dubik S.V.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF EFFECTIVENESS OF PROMOTING SMART CITY PROJECTS BY MEDIA PERSONALITIES

The aim of our research is to assess the effectiveness of promotion of smart city projects by media public personalities directly related to the implementation of digital transformation ideas in a number of large cities of the Russian Federation. The paper analyzes the processes of promotion of smart city projects by media personalities in social networks, differentiated the effectiveness of promotion of smart city projects by media personalities on the example of the cities of Yekaterinburg, Chelyabinsk, Perm, Tyumen. The study identifies areas for promoting smart city projects in social media, including identifying target audiences, creating unique content, engaging local communities, using hashtags and networking, partnering with local editorial boards and bloggers, conducting promotions and events, analyzing and adjusting the strategy. Identification of the main directions allowed formulating the main principles of smart city projects promotion by media personalities in social networks. Based on a number of indicators, the study differentiated regional promotion of smart cities projects on the example of Yekaterinburg, Chelyabinsk, Perm, Tyumen, and assessed the effectiveness of promotion of smart cities projects through social networks among public personalities directly related to the implementation of projects on digitalization of urban areas. The analysis has shown that the promotion of smart city projects in social networks is an effective tool to popularize the ideas of digital transformation of territories. Based on the results obtained, the research developed a number of recommendations to improve the effectiveness of smart city projects promotion in social networks, including planning of smart city promotion processes, content management, and interaction with the audience. Theoretical significance of the obtained

results lies in the possibility of their use in further studies concerning the marketing of territories in the conditions of formation and development of digital society, promotion of smart city projects. The practical significance of the results lies in the possibility of use in the implementation of specific actions to promote smart city projects by media personalities in social networks.

Smart city, digital technologies, project promotion, social media, public personalities, marketing.

REFERENCES

- Al Nuaimi E., Al Neyadi H., Mohamed N., Al Jaroodi J. (2015). Applications of big data to smart cities. *Journal of Internet Services and Applications*, 6(1). DOI: 10.1186/s13174-015-0041-5
- Angelidou M. (2014). Smart city policies: A spatial approach. *Cities*, 41, S3–S11. DOI: 10.1016/j.cities.2014.06.007
- Anttiroiko A.-V. (2016). City-as-a-platform: The rise of participatory innovation platforms in Finnish cities. *Sustainability*, 8(9), 922. DOI: 10.3390/su8090922
- Anttiroiko A.-V., Valkama P., Bailey S. J. (2013). Smart cities in the new service economy: Building platforms for smart services. *AI & SOCIETY*, 29(3), 323–334. DOI: 10.1007/s00146-013-0464-0
- Arribas-Bel D., Kourtit K., Nijkamp P., Steenbruggen J. (2015). Cyber cities: Social media as a tool for understanding cities. *Applied Spatial Analysis and Policy*, 8(3), 231–247. DOI: 10.1007/s12061-015-9154-2
- Bobrova E.B. (2022). The attitude of social media users to influencers. In: *Teoriya i praktika sovremennoi nauki: sb. statei VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 3 ch.* [Theory and Practice of Modern Science: Collection of Articles of 7th International Scientific and Practical Conference: in 3 Parts]. Penza (in Russian).
- Chan C.S., Peters M., Pikkemaat B. (2019). Investigating visitors' perception of smart city dimensions for city branding in Hong Kong. *International Journal of Tourism Cities*, 5(4), 620–638.
- Cechulin A.V., Babenko V.A., Stepanova E.A., Ivanova V.M. (2023). The blogosphere as a specific area of digital communication. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie=Administrative Consulting*, 4(172), 81–92 (in Russian).
- Efremenko E.V. (2023). Organization of the process of promotion of services in social networks based on digital technologies. *Modern Economy Success*, 3, 96–100 (in Russian).
- Isaev A.A. (2020). The “smart city” concept: Technological solutions and resource opportunities an example of the Perm city. *Sovremennyyi gorod: vlast', upravlenie, ekonomika*, 1, 31–38 (in Russian).
- Janoskova P., Stofkova K.R., Kovacikova M., Stofkova J., Kovacikova K. (2021). The concept of a smart city communication in the form of an urban mobile application. *Sustainability*, 13(17), 9703.
- Kovalev A.A., Agibalov Yu.V. (2020). Improving the management of the municipality on the basis of introduction and implementation of the “smart city” concept in the urban district of the city of Voronezh. *Vestnik Voronezhskogo instituta ekonomiki i sotsial'nogo upravleniya*, 3, 4–11 (in Russian).
- Lee J., Lee H. (2014). Developing and validating a citizen-centric typology for smart city services. *Government Information Quarterly*, 31, S93–S105. DOI: 10.1016/j.giq.2014.01.010
- Lee J.H., Hancock M.G., Hu M.-C. (2014). Towards an effective framework for building smart cities: Lessons from Seoul and San Francisco. *Technological Forecasting and Social Change*, 89, 80–99. DOI: 10.1016/j.techfore.2013.08.03
- Maček A., Ovin R., Starc-Peceny U. (2019). Smart cities marketing and its conceptual grounds. *Naše gospodarstvo / Our Economy*, 65(4), 110–116.
- Minakov A.V., Suglobov A.E. (2023). The concept of digital marketing: New approaches to the use of marketing in the digital economy. *Voprosy regional'noi ekonomiki*, 1(54), 41–48 (in Russian).
- Molinillo S., Anaya-Sánchez R., Morrison A.M., Coca-Stefaniak J.A. (2019). Smart city communication via social media: Analysing residents' and visitors' engagement. *Cities*, 94, 247–255.
- Novikova A.D. (2024). Features of using opinion leaders in a media project. In: *Molodoi issledovatel' – 2024: sb. statei IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Young Researcher – 2024: Collection of Articles of the 4th International Scientific and Practical Conference.]. Penza (in Russian).

- Petrov P.A., Khokhlova N.S. (2023). Assessment of the city's readiness to implement the smart city concept. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'*, 13, 3(46), 423–432 (in Russian).
- Popov E.V., Semyachkov K.A. (2019). Optimization of the urban environment digitalization processes. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 5(103), 53–63 (in Russian).
- Popov E.V., Semyachkov K.A., Popova G.I. (2020). Socio-economic effects of smart cities formation. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(106), 34–45 (in Russian).
- Rabari C., Storper M. (2014). The digital skin of cities: Urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and big data. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 8(1), 27–42. DOI: 10.1093/cjres/rsu021
- Salikhov E.Z. (2019). Mediatization of social practices in a modern city. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 10(66), 50–56 (in Russian).
- Sandoval-Almazan R., Cruz D.V., Armas J.C.N. (2015). Social media in smart cities: An exploratory research in Mexican municipalities. In: *2015 48th Hawaii International Conference on System Sciences*. IEEE.
- Schaffers H., Komninos N., Pallot M. et al. (2011). Smart cities and the future internet: Towards cooperation frameworks for open innovation. *Lecture Notes in Computer Science*, 431–446. DOI: 10.1007/978-3-642-20898-0_31
- Sleptsova E.V., Sandul R.N. (2019). Opinion leaders as a marketing method to promote services. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 11-1(38), 113–115 (in Russian).
- Stratigea A., Papadopoulou C.-A., Panagiotopoulou M. (2015). Tools and technologies for planning the development of smart cities. *Journal of Urban Technology*, 22(2), 43–62. DOI: 10.1080/10630732.2015.1018725
- Zaitseva T.B. (2021). Media strategies of expertise. *Libri Magistri*, 4(18), 149–162 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Evgenii V. Popov – Doctor of Sciences (Economics), RAS Corresponding Member, Professor, Director of the Center for Socio-Economic Research, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: epopov@mail.ru)

Konstantin A. Semyachkov – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: k.semyachkov@mail.ru)

Svetlana V. Dubik – Research Assistant, Ural Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (66, 8 Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: svetlanamirovna05@gmail.com)

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.4

УДК 332.12;332.13;332.14 | ББК 65.04

© Невьянцева Л.С.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА ЭКОНОМИКИ

ЛИЛИЯ СЕРГЕЕВНА НЕВЬЯНЦЕВА

Институт экономики УрО РАН

Российская Федерация

e-mail: Inevyantseva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1009-4317

Статья посвящена актуальной проблеме формирования технологического суверенитета российской экономики. Автором предлагается рассмотреть межрегиональные взаимодействия в сфере реализации совместных инвестиционных проектов в отраслях экономики, имеющих важное стратегическое значение для достижения технологической независимости по критическим и сквозным продуктам и технологиям, оказавшихся под санкционным давлением западных стран. Предметом исследования выступает разработанный методический инструментарий формирования межрегиональных взаимодействий на базе приоритетных отраслей промышленности. Цель работы состоит в установлении эффективных межрегиональных взаимодействий на базе территориальных полюсов роста, обладающих максимальным инновационно-инвестиционным потенциалом, а также в раскрытии научной и практической сущности понятия «технологический суверенитет». Методология исследования включает метод системного анализа, обобщения, сравнения, систематизации аналитических данных. Основные результаты исследования заключаются в следующем: сформирован межрегиональный инвестиционный потенциал; установлены наиболее тесные инвестиционные связи между регионами; определено влияние полюсов роста на связанные регионы; выявлены отрасли, относящиеся к классу высокотехнологичных, имеющих сравнительное преимущество в конкретном регионе; сформированы потенциальные межрегиональные инвестиционные связи в разрезе отраслей. Полученные результаты исследования могут быть применены в практике государственного управления инвестицион-

Для цитирования: Невьянцева Л.С. (2024). Межрегиональное инвестиционное взаимодействие как инструмент обеспечения технологического суверенитета экономики // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 41–60. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.4

For citation: Nevyantseva L.S. (2024). Interregional investment interaction as a tool for ensuring technological sovereignty of the economy. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 41–60. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.4

ной деятельностью на национальном и региональном уровне для решения задач по обеспечению технологического суверенитета в отраслях экономики, а также в деятельности различных инвестиционных агентств, фондов и институтов привлечения и развития инвестиций. Практическая значимость исследования состоит в возможности формирования перспективных межрегиональных инвестиционных проектов в сфере достижения технологического суверенитета экономики.

Технологический суверенитет, межрегиональные инвестиционные взаимодействия, межрегиональный инвестиционный проект, высокотехнологичные отрасли, инструменты регулирования.

Введение.

Актуальность исследования

Инновационное и технологическое развитие российской экономики на современном этапе сопряжено с серьезными трудностями и ограничениями, обусловленными жесткой санкционной экономической политикой, проводимой рядом западных стран. Наложение запрета на импорт критически значимых для развития российской промышленности продуктов и технологий привело к замедлению, а в некоторых случаях и стагнации производства в высоко- и среднетехнологических отраслях, а также в базовых секторах экономики, которые на современном этапе являются фундаментом развития страны. Вследствие этого актуализируются вопросы повышения уровня собственной технологической и инновационной независимости в сфере критических и сквозных линий разработки и производств, которые в настоящее время в значительной степени связаны с иностранным ресурсным обеспечением. Для достижения данной цели в 2022 году Правительством РФ сформулирован сквозной вектор развития российской экономики – обеспечение технологического суверенитета страны и формирование целостной системы экономического развития, не зависящей от иностранных институтов¹.

Понятие «технологический суверенитет» в самом простом варианте можно рассматривать как синоним понятия «технологическая независимость» (Сухарев, 2024). В настоящее время концепция технологического суверенитета является одной из основных

стратегических целей развития экономики РФ, выступая ключевой структурной составляющей государственной промышленной политики, в том числе в области инновационно-технологического развития.

Актуальность исследования предопределила его цель, заключающуюся в поиске эффективных механизмов достижения технологического суверенитета экономики. Поскольку прекращение и ограничение деятельности в России компаний из недружественных стран привело к разрыву внешних кооперационных связей, важную роль для развития национальной экономики приобретает межрегиональное взаимодействие непосредственно на территории страны.

Основополагающим условием и фактором формирования технологической независимости и разработки инновационных продуктов является обеспеченность экономики собственными внутренними ресурсами. Учитывая это, считаем правильным, что для расширения ресурсной базы и активизации политики по обеспечению технологического суверенитета особое значение имеет государственная инвестиционная политика. Так, согласно планам Правительства страны, объем инвестиций в ключевых отраслях должен вырасти на 70% к 2030 году², при этом объемы инвестиций в проекты, направленные на обеспечение технологического суверенитета страны, в 2024 году составят свыше 65 млрд руб.³

Для интенсификации производственного процесса в высокотехнологичных и инновационных отраслях экономики, привле-

¹ URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/pmf-putin-17062022>

² URL: <https://iz.ru/1657671/2024-02-29/putin-prizval-k-2030-godu-uvlichit-obem-investitsii-v-kliuchevykh-otrasliakh-na-70?ysclid=lyltc63ewz166350438>

³ URL: <https://iz.ru/1639126/alena-svetunkova/osvoili-azy-kak-rossii-dobitsia-tekhnologicheskogo-suvereniteta?ysclid=lymyr45pnd621892426>

чения в данные ниши достаточного объема инвестиционных ресурсов перед органами власти встает задача по поиску эффективных механизмов решения указанных задач. Нами поставлена задача выявить перспективы реализации инвестиционной политики, тесно увязанной с промышленной и инновационной политикой, для максимального обеспечения инвестиционными ресурсами в соответствующих проектах, относящихся к приоритетным и отвечающим требованиям таксономии проектов, закрепленной в Постановлении Правительства РФ от 15 апреля 2023 года № 603. В частности, в документе выделены два приоритетных направления: проекты технологического суверенитета и проекты структурной адаптации экономики⁴.

Научная новизна исследования подразумевает, что для достижения технологического суверенитета целесообразно проведение государственной инвестиционной политики межрегионального характера, инструментом реализации которой выступает межрегиональный инвестиционный проект, реализуемый в критических и сквозных отраслях экономики. Особенность авторского исследования состоит в том, что политика реализации межрегиональных проектов основывается на концепции региональных территориальных полюсов роста. Предполагается, что в контурах инвестиционной интеграции территории взаимодействуют с центральным регионом – полюсом роста, обладающим наибольшей силой взаимовлияния; при этом в рамках региональной интеграции ключевая роль принадлежит определенной территории – полюсу (центру) роста, обладающему максимальным инновационно-инвестиционным потенциалом и способному оказывать положительное влияние на регионы-партнеры, вследствие чего можно

ожидать достижения синергетического инвестиционного эффекта и роста объемов производства в отраслях высокого уровня технологичности в системе межрегиональной интеграции.

Таким образом, цель настоящего исследования заключается в выявлении возможностей (потенциала) формирования межрегиональных инвестиционных проектов в отраслях, являющихся стратегически приоритетными для достижения технологического суверенитета экономики.

В рамках исследования требуется решение следующих задач:

- рассмотрение научных подходов к определению сущности технологического суверенитета экономики;
- определение сущности межрегионального инвестиционного взаимодействия;
- формирование межрегионального инвестиционного потенциала;
- создание эффективных инвестиционных связей между региональными экономиками для реализации межрегиональных проектов, отраслевая специализация которых соответствует перечню отраслей технологического суверенитета экономики.

Анализ данных и апробация методического подхода будут осуществляться на уровне субъектов Российской Федерации (региональном), а не на национальном, как принято исследовать технологический суверенитет. Закономерно, что ввиду федеративного устройства России общее экономическое развитие определяется непосредственно эффективностью развития региональных социально-экономических систем, и вклад субъектов Федерации в достижение технологического суверенитета экономики образует совокупный результат государственной национальной политики.

Объектом исследования выбран Уральский федеральный округ (далее – УрФО) –

⁴ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам ...: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603.

ведущий российский регион, объединяющий субъекты с различной промышленной специализацией, имеющей стратегически важное значение для развития российской экономики.

Методология исследования

Информационную базу исследования составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики за 2022 год по следующим показателям: объем затрат на инновационную деятельность организаций; объем затрат на НИОКР; объем затрат на технологическое обновление производства; количество занятых в регионе по видам экономической деятельности, относящимся к приоритетным направлениям технологического суверенитета.

Методологическая база исследования строится на основе общенаучных методов, а также на методах статистической обработки информации, сравнения, сопоставления и систематизации аналитических данных.

Для аналитической части статьи использовались стратегические акты и документы социально-экономического развития субъектов УрФО, интернет-ресурсы, данные практических экономических исследований.

В ходе оценки межрегиональных инвестиционных взаимодействий (а именно степени их интенсивности) использовалась гравитационная модель, связующим параметром которой помимо базового физического расстояния был выбран межрегиональный инвестиционный потенциал, что обусловлено целью настоящего исследования.

Для оценки отраслевых межрегиональных взаимодействий был рассчитан показатель концентрации видов экономической деятельности высоко- и среднетехнологического уровня. Выбор показателя обусловлен доступностью данных Росстата.

В целях представления данных, характеризующих интенсивность межрегионального инвестиционного взаимодействия и отраслевые межрегиональные связи, применялся метод формирования матриц.

Технологический суверенитет: научные подходы к определению

В настоящее время понятие технологического суверенитета только вводится в научный оборот и требует концептуализации в экономической науке. По результатам анализа научной литературы автором выделены следующие подходы к определению сущности технологического суверенитета экономики:

- 1) как инструмент обеспечения национальной и экономической безопасности (Афанасьев, 2022; Edler et al., 2020);
- 2) как элемент политики экономического протекционизма (Ештокин, 2022);
- 3) как элемент открытой экономики (Фальцман, 2018; Bauer, Erixon, 2020; March, Schieferdecker, 2023);
- 4) как фактор геополитического развития (Кротова, 2022; Петров, Филиппов, 2023);
- 5) как уровень технологического развития, равный мировому (Приходько, 2022; Geenens, 2017).

В рамках понимания технологического суверенитета в качестве инструмента обеспечения национальной и экономической безопасности подразумевается, что его достижение позволит сохранить интересы государства в глобальном экономическом пространстве и создать благоприятную среду для формирования собственной инновационной экосистемы. Со стороны политики экономического протекционизма технологический суверенитет представляет собой возможность создания передовых технологий исключительно за счет внутренних ресурсов без какого-либо участия иностранных контрагентов. При идентификации технологического суверенитета как фактора геополитического развития подразумевается, что страна располагает ресурсными возможностями для производства конкурентоспособных продуктов и технологий, которые могут составить конкуренцию импортным аналогам, что, в свою очередь, способствует повышению уровня экономической автономии на мировом рынке. С данным подходом тесно сопрягается понимание технологического суверенитета как определенного

уровня технологического развития, который равняется на мировой и превосходит его, а также оказывает существенное влияние на международное технологическое развитие.

Представленные подходы достаточно разнонаправленные, однако все они выделяют единую характеристику технологического суверенитета – это независимость отечественной промышленности от иностранных технологий и институтов. Исключение составляет подход с точки зрения открытой экономики, предполагающий, что обеспечение технологического суверенитета предполагает не только использование исключительно собственных отечественных разработок, но и иностранных, при этом объемы поступлений от высокотехнологичного экспорта должны обязательно намного превышать объемы высокотехнологичного импорта.

Помимо трактовок сущности технологического суверенитета в рамках выделенных подходов в научной литературе прослеживаются иные точки зрения к пониманию данного понятия.

Так, Б.Д. Матризаев не формулирует однозначной трактовки технологического суверенитета. По его мнению, для того чтобы уточнить понятие «технологический суверенитет», необходимо прежде всего четко установить, какие структурные составляющие являются наиболее значимыми и какова их ключевая функция. Исходя из этого, понятие технологического суверенитета можно рассматривать со стороны непосредственно его функции (цели), направленной на разработку технологических решений, обеспечивающих развитие стратегических областей экономики (Матризаев, 2022).

В.А. Коршук и Э.А. Чельшева предлагают рассмотреть технологический суверенитет в системе приоритетов государственной промышленной политики, в связи с чем, по их мнению, технологический суверенитет – это управляемое состояние промышленного производства, при котором сочетание ресурсов обеспечивает возможность производства критически важной продукции в таком объеме, которое является достаточным

либо превосходит потребности с соответствующими параметрами качества (Коршук, Чельшева, 2023).

В рамках нашего исследования особый интерес представляет рассмотрение технологического суверенитета именно в контексте отраслей промышленности, поскольку предполагается, что технологический суверенитет необходимо обеспечить именно в отдельных отраслях экономики. В частности, О.С. Сухарев полагает, что технологический суверенитет возможно обеспечить только по отдельному технологическому направлению (Сухарев, 2024). J. Edler и соавторы также считают, что для достижения технологического суверенитета необходимо определить критические технологии, которым требуется больший суверенитет (Edler et al., 2023).

Мы соглашались с мнением F. Crespi с коллегами относительно областей достижения технологического суверенитета. Так, ученые отмечают, что государственная политика направлена на обеспечение технологического суверенитета и конкурентоспособности в максимальном количестве отраслей, при том что достижение технологической независимости необходимо лишь в избранных отраслях, отнесенных к стратегически важным и критически необходимым для инновационного производства. Справедливо утверждение, что выделение ключевых технологий не свидетельствует о том, в каких отраслях необходимо обеспечить технологический суверенитет. Здесь необходим рациональный выбор отраслей с учетом ряда факторов: рисков, возможности доступа к зарубежным аналогам, общей доступности и т. д. При выборе отраслей, где требуется технологический суверенитет, следует обеспечить некое равновесие между ними (Crespi et al., 2021).

Автору наиболее близок подход, рассматривающий технологический суверенитет как инструмент обеспечения национальной и экономической безопасности, а также подход, характеризующий технологический суверенитет как элемент политики экономического протекционизма. Считаем, что технологический суверенитет обязательно

должен предполагать автономность национального производства, особенно в высокотехнологичных отраслях экономики, характеризующихся высоким уровнем импорта товаров и комплектующих. Таким образом, изучив методологические основы технологического суверенитета, можно выделить его основную цель – обеспечение и сохранение устойчивости отраслей, имеющих высокую степень национальной значимости, посредством ликвидации импортозависимости и формирования инновационных продуктов и технологий, не имеющих аналогов на международном рынке, а также обеспечение и защита национальной экономики от системных рисков и внешних негативных факторов (Невьянцева, 2024). По нашему мнению, при определении понятия «технологический суверенитет» также важно учитывать такой инструмент его обеспечения, как инвестиции, в частности, в стратегически значимые отрасли, поскольку налаживание эффективной системы финансирования отраслевых инвестиционных проектов может выступать сильным катализатором структурной трансформации экономических систем.

Межрегиональные инвестиционные взаимодействия – перспективный инструмент достижения технологического суверенитета экономики

В научной литературе межрегиональные инвестиционные взаимодействия изучены недостаточно. На практике, в отличие, например, от торгово-экономических взаимосвязей, межрегиональные инвестиционные отношения имеют меньшую популярность и только начинают расширять свою нишу. Разница в обеспечении инвестиционными ресурсами и ослабление внешних экономических отношений несут большие риски для производственных процессов в регионах, что может привести к замедлению экономического роста.

Как верно отмечает Е.А. Капогузов, создание и развитие инновационных и передовых производств сопровождается системой рисков и угроз, а также в целом осуществляется

в условиях экономической неопределенности. Данные факторы обуславливают поиск и внедрение потенциально эффективных путей аккумуляции производственных ресурсов и иных компетенций. С учетом этого для ликвидации технологического отставания перспективным инструментом выступают механизмы координации через взаимовыгодное сотрудничество (Капогузов, 2023).

Поскольку в научных работах понятие «межрегиональное инвестиционное взаимодействие» не встречается, автором будет рассмотрено общее понятие «межрегиональные экономическое взаимодействие» как обобщенная категория различных направлений взаимодействия между регионами.

В трудах ученых мнения относительно понятия «межрегиональное взаимодействие» различаются. Так, например, по мнению О.А. Бакуменко, межрегиональные взаимодействия – это комплекс обменов потоками ресурсов, осуществляемых в рамках соглашений между органами власти с целью представления общих интересов и повышения уровня устойчивого развития (Бакуменко, 2018). По мнению С.А. Скибина, межрегиональное взаимодействие – это совокупность взаимосвязанных экономических процессов, происходящих между регионами, приводящих к формированию единого социально-экономического пространства (Скибин, 2022). М.А. Тлепцериуков определяет межрегиональное взаимодействие как систему отношений между регионами, в рамках которой осуществляется обмен ресурсами, а также формирование совместных проектов и программ (Тлепцериуков, 2018). Б.А. Тамова трактует межрегиональные экономические взаимодействия как совокупность экономических отношений между регионами, реализуемых в рамках установленных государством правовых и социально-экономических отношений исходя из интересов каждого региона на условиях баланса интересов всех участников этого процесса (Тамова, 2015).

На основании рассмотренных подходов к определению межрегиональных экономических взаимодействий сформулируем

соответствующее авторское понятие, но с позиции инвестиционной деятельности, а также с учетом актуальных целей национального развития, связанных с технологической модернизацией экономики. Таким образом, межрегиональные инвестиционные взаимодействия можно представить как согласованную деятельность всех акторов инвестиционного процесса по вложению (привлечению) инвестиционных ресурсов в приоритетные инвестиционные проекты и государственные программы субъектов Федерации, направленные на структурную трансформацию региональной экономики, обновление технологической базы экономики территорий и повышение в ней доли инновационной составляющей, а также получение иных эффектов, положительно влияющих на социально-экономическое развитие взаимодействующих территорий.

По мнению автора, организация согласованной деятельности регионов может осуществляться в рамках политики межрегиональной инвестиционной интеграции. Интеграция выступает формой межрегионального взаимодействия и предполагает объединение региональных экономик для реализации совместного проекта. Таким образом, региональная инвестиционная интеграция представляет собой процесс объединения социально-экономических систем, в рамках которого осуществляется консолидация конкурентных преимуществ, инвестиционных и других ресурсов регионов-участников для взаимовыгодного инвестиционного взаимодействия, эффективной реализации инвестиционных проектов и достижения определенных целей социально-экономического развития.

Инструментом инвестиционного взаимодействия выступает межрегиональный инвестиционный проект. Аналогично, опираясь на современные цели экономического развития, межрегиональный инвестиционный проект можно представить как совокупность взаимосвязанных межтерриториальных проектов, сформированную с учетом единых стратегических отраслевых ориентиров развития региональных экономик (участни-

ков проекта) и реализуемых на связанных территориях с целью инновационно-технологических трансформаций экономических систем, а также достижения положительных социально-экономических эффектов в кратком и долгосрочном периодах.

Методический инструментарий формирования межрегиональных инвестиционных взаимодействий

Для формирования перспективных межрегиональных инвестиционных взаимодействий в целях реализации совместных проектов автором предлагается методический подход, объединяющий два последовательных связанных этапа:

- 1) формирование межрегионального инвестиционного потенциала;
- 2) формирование отраслевых приоритетов инвестиционной деятельности.

Формирование межрегионального инвестиционного потенциала

В настоящее время в экономической науке не сформировано универсальных методических подходов, оценивающих межрегиональное взаимодействие. Наиболее популярными методиками являются модель межотраслевого баланса Леонтьева «затраты – выпуск» и модель пространственной автокорреляции Морана. Так, модель Леонтьева характеризует межотраслевые взаимосвязи и позволяет провести оценку эффективности производства, а также прогнозирование экономических процессов. Вместе с тем данная модель не совсем пригодна для определения полных объемов затрат и результатов, что затрудняет оценку будущих экономических эффектов. Модель пространственной автокорреляции предполагает исчисление глобального и локального индексов Морана, позволяющих выявить тесноту взаимосвязи между территориальными единицами и осуществить их пространственную кластеризацию. Плюсом данного метода выступает точная идентификация доминирующих регионов – участников кластера. Недостатком является неточность влияния ядра кластера на связанные территории.

По мнению автора, для изучения и оценки межрегиональных инвестиционных вза-

имодействий оптимальным вариантом является использование гравитационного анализа. Как полагают К.В. Кушнир и другие авторы, для межрегиональных отношений особое значение имеет геопозиция, которая при этом выступает главным внешним фактором развития субъекта (Кушнир, 2022).

В целях решения данной задачи научный и практический интерес представляют модели гравитации, позволяющие идентифицировать «центры тяжести» экономических взаимодействий, их силу и направленность⁵ (Симарова, 2014). Гравитационная модель описывается следующим образом:

$$T_{ij} = f(V_i, W_j, S_{ij}), \quad (1)$$

где:

T_{ij} – мера взаимодействия между i (источником) и j (назначением);

V_i – параметры источника взаимодействия;

W_j – параметры назначения взаимодействия;

S_{ij} – параметры отдаленности источника от назначения.

Для установления перспективных межрегиональных инвестиционных связей в целях достижения технологического суверенитета экономики применим метод формирования матриц взаимовлияний между региональными системами.

Оценку потенциала межрегионального инвестиционного взаимодействия предлагается провести на базе методического алгоритма, предложенного А.В. Котовым для анализа асимметрии межрегиональных торгово-экономических связей.

Расчет показателей осуществляется следующим образом (рис.).

Особенность метода состоит в исследовании межрегиональных взаимодей-

ствий на основании двух подходов: гравитационного анализа и сетевого анализа (или теории графов). Достоинства гравитационного анализа заключаются в способности оценить степень участия региональной единицы в системе взаимодействий, а также уровень связанности пространства; достоинства сетевого анализа – в возможности идентификации наиболее тесно взаимосвязанных регионов (Котов, 2021).

В авторском исследовании модель оценки модифицирована на основе допущений для целей изучения межрегиональных инвестиционных связей⁶.

В рамках нашего исследования примем следующие значения индикатора интенсивности межрегиональных инвестиционных взаимодействий: при $F_{ij} > 1$ связь считается значимой; при $F_{ij} < 1$ – незначимой.

В дополнение методического подхода к формированию межрегиональных инвестиционных взаимодействий автором предлагается ввести коэффициент силы влияния полюса роста на потенциально взаимодействующие территории. Для данной цели можно применить следующую формулу:

$$K_{inf} = F_{ij} * C_{vi}, \quad (2)$$

где:

K_{inf} – коэффициент влияния полюса роста;

F_{ij} – интенсивность инвестиционных связей между полюсом роста и взаимодействующим с ним регионом;

C_{vi} – центральность полюса роста по собственному вектору значений.

Далее представим методический инструментарий формирования отраслевых приоритетов межрегиональных проектов.

⁵ Симарова И.С. (2014). Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства: дис. ... канд. экон. наук. Тюмень. 146 с.

⁶ На I этапе методического подхода А.В. Котова предполагается расчет нормированного товарообмена между парой регионов по формуле: $T_{ij} = (E_i + E_j) / (N_i + N_j)$, где E_i и E_j – показатели межрегионального вывоза, $N_i + N_j$ – численность населения в регионах i и j . Автором вместо данного показателя будет использован показатель межрегионального инвестиционного потенциала, рассчитываемый по формуле: $Int_{inv} = Inv_i + Inv_j$, где $Inv_i + Inv_j$ – показатели объема инвестиций на научно-технологическое развитие (сумма затрат на инновационную деятельность организаций, затрат на внутренние исследования и разработки, затрат на технологическое обновление производства).

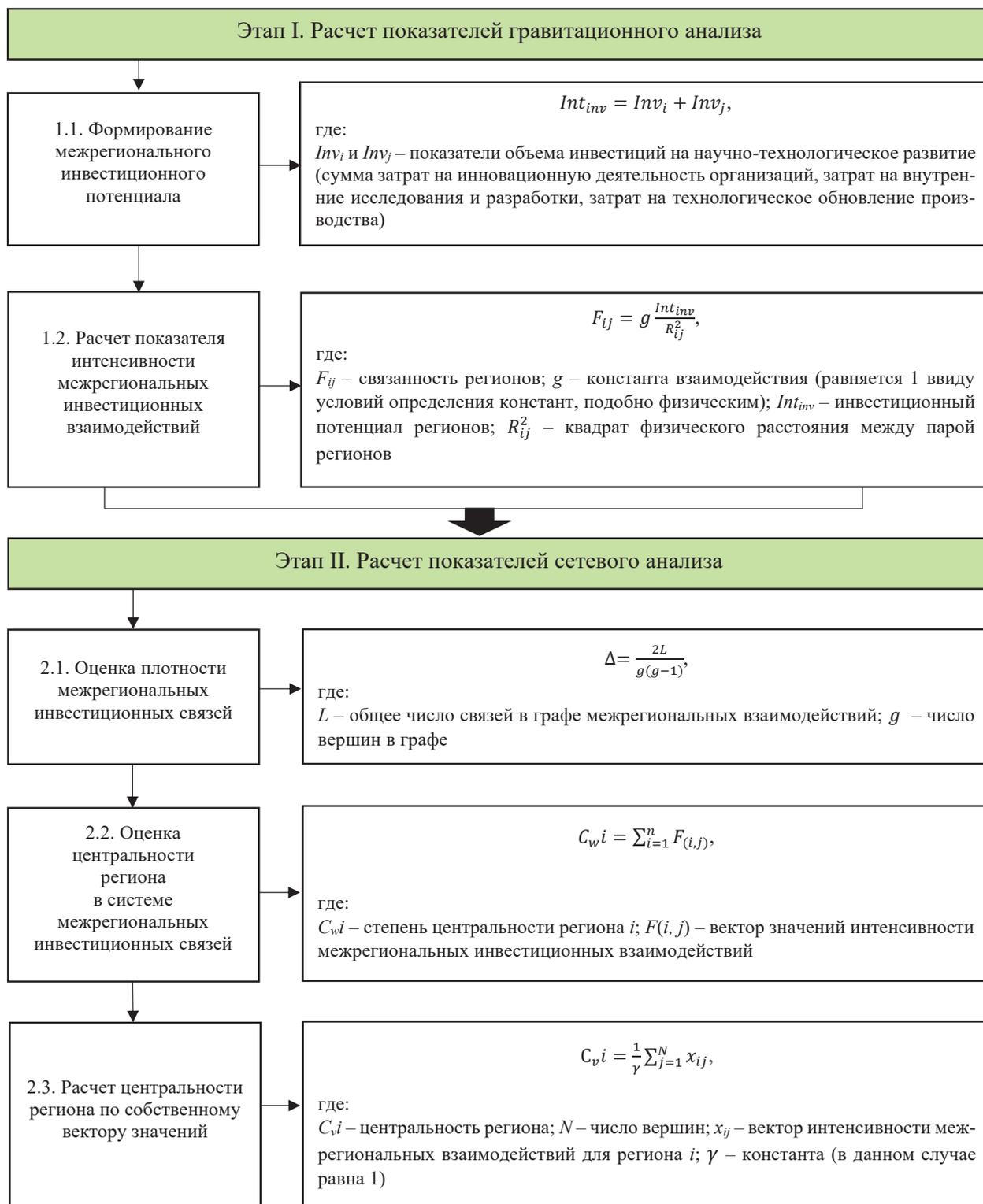

Рис. Алгоритм формирования межрегиональных инвестиционных взаимодействий
 Составлено по: (Котов, 2021).

Формирование отраслевых приоритетов инвестиционной деятельности

Для идентификации наиболее развитых и распространенных отраслевых специализаций будет задействован коэффициент локализации М. Портера, показывающий уровень сравнительного преимущества региональной экономики в определенном виде экономической деятельности.

В целях исчисления коэффициента локализации будет использоваться показатель занятости – «среднесписочная численность работников», что обусловлено доступностью информации Росстата. Вместе с тем отметим, что индикаторы занятости для исчисления коэффициента локализации отражают ресурсный подход, в связи с чем их применение несколько некорректно (Миролюбова, 2011). С другой стороны, как считает коллектив авторов (Дубровская и др., 2018), показатели занятости населения для вычисления коэффициента локализации отрасли представляются обоснованными, так как они способны ликвидировать неточности, связанные с недостатком информации (например, несовпадение ядра экономической активности центру прибыли, различия в уровне заработной платы и ценах и др.).

Концентрация видов экономической деятельности рассчитывается по формуле:

$$LQ = \frac{empl_i / \sum empl_{i1...in}}{\sum empl_i / \sum empl_r} * 100\% , \quad (3)$$

где:

$empl_i$ – количество занятых в регионе по виду экономической деятельности;

$\sum empl_{i1...in}$ – суммарное количество занятых в регионе по всем видам экономической деятельности, относящихся к классу высокотехнологичных;

$\sum empl_i$ – суммарное количество занятых по виду экономической деятельности в федеральном округе;

$\sum empl_r$ – суммарное количество занятых (общая занятость) в федеральном округе.

Если значение коэффициента превышает 1, то регион обладает сравнительным преимуществом в данном виде деятельности.

Далее необходимо сформировать матрицу отраслевых региональных взаимодействий. Для этого будет применена следующая формула:

$$LQ_{inf}^n = LQ_i^n * LQ_j^n * F_{ij}, \quad (4)$$

где:

LQ_{inf}^n – коэффициент связи отрасли между регионами;

n – отрасль;

LQ_i^n и LQ_j^n – уровень концентрации отрасли в регионах;

F_{ij} – интенсивность межрегиональных взаимодействий.

Таким образом, представленный автором двухэтапный методический подход в отличие от ранее рассмотренных позволяет:

- 1) установить особенности пространственной локализации межрегионального инвестиционного потенциала;
- 2) определить центральные регионы – региональные полюса роста, а также силу влияния на регионы-партнеры;
- 3) идентифицировать более сильные эффективные отраслевые межрегиональные взаимодействия для реализации совместного инвестиционного проекта.

Результаты

Формирование межрегиональных инвестиционных взаимодействий

Предварительно для формирования межрегионального инвестиционного потенциала сформирована матрица расстояний автомобильного сообщения между административными центрами субъектов Уральского федерального округа (УрФО). Расчеты произведены онлайн на специальной интернет-платформе⁷. Далее рассчитано значение интенсивности межрегиональных инвестиционных связей.

В результате расчетов идентифицированы следующие значения интенсивности

⁷ URL: <https://www.avtodispatcher.ru/distance/?ysclid=lui8vm71qc347635792>

Таблица 1. Матрица интенсивности межрегиональных инвестиционных связей

	Курганская область	Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов	Челябинская область
Курганская область	0,000	4,081	0,657	0,084	4,307	5,793
Свердловская область	4,081	0,000	0,975	0,263	6,073	20,861
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,657	0,975	0,000	0,535	1,346	0,719
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,084	0,263	0,535	0,000	0,125	0,186
Тюменская область без автономных округов	4,307	6,073	1,346	0,125	0,000	3,023
Челябинская область	5,793	20,861	0,719	0,186	3,023	0,000
<i>Среднее арифметическое F_{ij}</i>	2,984	6,451	0,846	0,239	2,975	6,116
Источник: расчеты автора.						

межрегиональных инвестиционных связей между областями (субъектами) УрФО:

- 1) Свердловская + Челябинская – максимальная интенсивность связи (20,9);
- 2) Свердловская + Тюменская без автономных округов (6,073);
- 3) Курганская + Челябинская (5,793);
- 4) Курганская + Тюменская без автономных округов (4,307);
- 5) Челябинская + Тюменская без автономных округов (3,023).
- 6) Тюменская область без автономных округов + ХМАО – Югра (1,346).
- 7) ЯНАО не имеет ни одной значимой инвестиционной связи с субъектами УрФО, что связано главным образом с его отдаленным географическим положением.

Интенсивность межрегионального взаимодействия в ходе реализации совместного проекта, согласно гравитационной модели, зависит от физического расстояния между субъектами, а также, в рамках авторского подхода, от величины межрегионального инвестиционного потенциала. Следовательно, чем меньше расстояние между субъектами и выше межрегиональный инвестиционный потенциал, тем сильнее интенсивность взаимодействия между регионами.

Так, наибольшую среднюю интенсивность взаимодействия с регионами имеет Свердловская область, затем Челябинская; примерно одинаковую среднюю интенсив-

ность (меньшую примерно на 3,5 п. в сравнении со Свердловской и Челябинской областями) имеют Курганская область и Тюменская область без АО; незначимая интенсивность межрегионального взаимодействия зафиксирована в ХМАО – Югра и ЯНАО.

Далее рассчитаны показатели сетевого анализа (табл. 2).

Показатель плотности межрегиональных инвестиционных связей отражает степень их интенсивности. Чем выше плотность связи, тем больше связей имеет регион с другими субъектами. Так, наибольшую плотность связей демонстрирует Тюменская область без АО, обладающая потенциалом взаимодействия со Свердловской, Курганской и Челябинской областями, а также с ХМАО – Югра. Немногом меньше плотность потенциальных взаимодействий у Курганской, Свердловской и Челябинской областей, которые имеют потенциал взаимодействия между собой, а также с Тюменской областью без АО. Минимальную плотность межрегиональных связей имеет ХМАО – Югра, обладающий потенциалом взаимодействия только с одним регионом – Тюменской областью без АО. Нулевой показатель плотности у ЯНАО, поскольку у него значимая интенсивность связей не установлена ни с одним регионом УрФО. Данные взаимосвязи также обусловлены спецификой гравитационного анализа и величиной межрегионального

Таблица 2. Показатели сетевого анализа межрегионального инвестиционного взаимодействия

	Курганская область	Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов	Челябинская область
Плотность межрегиональных инвестиционных связей	0,200	0,200	0,067	0,000	0,267	0,200
Центральность региона в системе межрегиональных инвестиционных связей	14,92	32,25	4,23	1,19	14,87	30,58
Центральность региона по собственному вектору значений	14,18	31,01	1,35	0,00	14,75	29,68

Источник: расчеты автора.

Таблица 3. Коэффициенты влияния полюса роста (Свердловской области) на взаимодействующие территории

Взаимодействующий регион	F_{ij}	K_{mf}
Курганская область	4,081	126,55
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,975	30,23
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,263	8,16
Тюменская область без автономных округов	6,073	188,32
Челябинская область	20,861	646,91

Источник: расчеты автора.

Таблица 4. Коэффициенты влияния полюса роста (Челябинской области) на взаимодействующие территории

Взаимодействующий регион	F_{ij}	K_{mf}
Курганская область	5,793	171,94
Свердловская область	20,861	619,15
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	0,719	21,34
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,186	5,52
Тюменская область без автономных округов	3,023	89,72

Источник: расчеты автора.

инвестиционного потенциала: чем меньше физическое расстояние между регионами и чем выше инвестиционный потенциал, тем сильнее плотность связи, следовательно, тем результативнее будет реализован межрегиональный проект.

Показатели центральности региона и центральности по собственному вектору значений приблизительно равноценны, однако последний обладает более уточненной оценкой. По данному показателю представляется возможным идентифицировать территориальные полюса роста в экономическом пространстве. При этом сила влияния региона (полюса роста) также обусловлена особенностью гравитационной модели – географическим расстоянием между другими субъектами и величиной совместного с ним инвестиционного потенциала.

Согласно значениям показателя центральности, потенциальными полюсами роста в межрегиональных инвестиционных связях могут выступать два региона – Свердловская и Челябинская области, экономики которых сходны. В исследовании Ж.В. Горностаевой отмечено, что в отличие от докризисной модели сейчас сформировалась двухполюсная модель роста современной экономики, и эти подходы не противоречат, а дополняют друг друга (Gornostaeva, 2020).

В результате получены следующие коэффициенты влияния (табл. 3, 4).

Согласно расчетам, на Курганскую область более сильное влияние оказывает Челябинская; на Тюменскую область без АО – Свердловская (причем разница с Челябинской областью по значению коэффициента влияния составляет 98,6 ед.); на ХМАО – Югра и ЯНАО –

Таблица 5. Коэффициенты концентрации отраслей высокого технологического уровня и среднего высокого технологического уровня в субъектах УрФО, %

Отрасль	Курганская область	Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов	Челябинская область
Производство химических веществ и химических продуктов	0,181	3,512	5,550	5,935	5,568	3,896
Производство лекарственных средств и материалов	2,500	0,532	0,020	0,000	1,327	0,210
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	0,184	4,179	0,591	0,000	1,145	2,444
Производство электрического оборудования	0,497	2,409	1,459	0,000	3,427	1,975
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	7,323	4,662	5,787	17,98	8,923	8,114
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	4,542	0,592	9,565	0,339	2,901	4,268
Производство прочих транспортных средств и оборудования	9,022	8,362	1,278	0,000	0,960	3,342

Источник: расчеты автора.

Свердловская область. Также Свердловская область оказывает большее влияние на Челябинскую, что обусловлено более сильным инновационным и инвестиционным потенциалом Свердловской области.

Формирование отраслевых приоритетов инвестиционной деятельности

Для достижения технологического суверенитета первоочередной задачей выступает развитие приоритетных отраслей экономики, относящихся к классу высокотехнологичных и имеющих высокий уровень импортозависимости. Перечень таких отраслей утвержден приказом Росстата от 15 декабря 2017 года № 832⁸.

В целях формирования отраслевых приоритетов был рассчитан коэффициент локализации Портера (табл. 5).

Далее сформированы матрицы отраслевых межрегиональных связей (табл. 6).

Таким образом, потенциал эффективных инвестиционных взаимодействий для реализации приоритетных инвестиционных проектов можно сформировать в рамках следующих региональных интеграций (табл. 7). Знаком «+» помечены связанные с полюсом роста территории; полюса роста, оказывающие наибольшее влияние на связанные ре-

гионы, выделены соответствующим цветом без знакового обозначения.

Далее представим перспективные отраслевые специализации, закрепленные в стратегических документах субъектов УрФО (табл. 8). Отметим, что речь идет не в целом об отрасли, а именно об отраслевых направлениях (специализациях).

Сопоставив информацию табл. 8 и результаты сформированной матрицы отраслевых взаимодействий, можно проследить, что потенциальная интеграция регионов в сфере инвестиционной деятельности по приоритетным направлениям промышленного развития соответствует заявленным стратегическим задачам отраслевой политики субъектов УрФО. Это свидетельствует, что регионы своевременно адаптировались к новым технологическим изменениям, и политика межрегионального инвестиционного взаимодействия, реализация приоритетных совместных высокотехнологичных проектов, по нашему мнению, будет способствовать качественной структурной трансформации в промышленности всех участников, что в совокупности обеспечит весомый вклад в достижение технологического суверенитета экономики.

⁸ Об утверждении Методики расчета показателей «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом внутреннем продукте» и «Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъекта Российской Федерации»: Приказ от 15 декабря 2017 г. № 832.

Таблица 6. Матрицы межрегиональных инвестиционных взаимодействий по видам экономической деятельности

Субъект	Курганская область	Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область	Челябинская область
Производство химических веществ и химических продуктов						
Курганская область	0,000	2,594	0,660	0,090	4,341	4,085
Свердловская область	2,594	0,000	19,004	5,482	118,756	285,436
ХМАО – Югра	0,660	19,004	0,000	17,622	41,595	15,547
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,090	5,482	17,622	0,000	4,131	4,301
Тюменская область	4,341	118,756	41,595	4,131	0,000	65,578
Челябинская область	4,085	285,436	15,547	4,301	65,578	0,000
Производство лекарственных средств и материалов						
Курганская область	0,000	5,428	0,033	0,000	14,288	3,041
Свердловская область	5,428	0,000	0,010	0,000	4,287	2,331
ХМАО – Югра	0,033	0,010	0,000	0,000	41,595	15,547
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Тюменская область	14,288	4,287	41,595	0,000	0,000	65,578
Челябинская область	3,041	2,331	15,547	0,000	65,578	0,000
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий						
Курганская область	0,000	3,138	0,033	0,000	0,907	2,605
Свердловская область	3,138	0,000	2,408	0,000	29,059	285,436
ХМАО – Югра	0,071	2,408	0,000	0,000	0,036	0,024
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Тюменская область	0,907	29,059	0,911	0,000	0,000	0,842
Челябинская область	2,605	213,063	1,039	0,000	8,460	0,000
Производство электрического оборудования						
Курганская область	0,000	4,886	0,476	0,000	7,336	5,686
Свердловская область	4,886	0,000	3,427	0,000	50,137	99,252
ХМАО – Югра	0,476	3,427	0,000	0,000	6,730	2,072
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Тюменская область	7,336	50,137	6,730	0,000	0,000	20,461
Челябинская область	5,686	99,252	2,072	0,000	20,461	0,000
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки						
Курганская область	0,000	139,325	27,842	11,057	281,433	344,213
Свердловская область	139,325	0,000	26,305	22,039	252,631	789,119
ХМАО – Югра	27,842	26,305	0,000	55,651	69,504	33,761
Ямало-Ненецкий автономный округ	11,057	22,039	55,651	0,000	20,049	27,128
Тюменская область	281,433	252,631	69,504	20,049	0,000	218,869
Челябинская область	344,213	789,119	33,761	27,128	218,869	0,000
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов						
Курганская область	0,000	10,973	28,543	0,129	56,751	112,299
Свердловская область	10,973	0,000	5,521	0,053	10,430	52,709
ХМАО – Югра	28,543	5,521	0,000	1,735	37,349	1,040
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,129	0,053	1,735	0,000	0,123	0,269
Тюменская область	56,751	10,430	37,349	0,123	0,000	37,429
Челябинская область	112,299	52,709	1,040	0,269	37,429	0,000
Производство прочих транспортных средств и оборудования						
Курганская область	0,000	437,035	7,575	0,000	37,303	174,668
Свердловская область	437,035	0,000	10,419	0,000	48,751	582,977
ХМАО – Югра	7,575	10,419	0,000	0,000	1,651	3,071
Ямало-Ненецкий автономный округ	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000	0,000
Тюменская область	37,303	48,751	1,651	0,000	0,000	9,699
Челябинская область	174,668	582,977	3,071	0,000	9,699	0,000

Источник: расчеты автора.

Таблица 7. Потенциал отраслевых межрегиональных связей для формирования и реализации инвестиционных проектов высоко- и среднетехнологического уровня

Отрасль	Курганская область	Свердловская область	Ханты-Мансийский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ	Тюменская область без автономных округов	Челябинская область
Производство химических веществ и химических продуктов					+	+
Производство лекарственных средств и материалов			+		+	
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий						+
Производство электрического оборудования					+	+
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	+				+	+
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	+				+	
Производство прочих транспортных средств и оборудования	+	+				+

Источник: составлено автором.

Таблица 8. Приоритетные отраслевые специализации промышленности, относящиеся к группам стратегических ориентиров национального развития

Регион	Стратегические отраслевые приоритеты
Курганская область	Производство автотранспортных средств, прицепов, готовых металлических изделий, лекарственных средств и материалов, машин и оборудования, не включенных в другие группировки, прочей неметаллической минеральной продукции, прочих готовых изделий; транспортных средств и оборудования; электрического оборудования, а также транспортировка и хранение
Свердловская область	Химическая промышленность (переработка углеводородного сырья, композитная отрасль; фармацевтика; подотрасли машиностроения; порошковая металлургия, отходоперерабатывающий сектор, ферросплавы, лигатуры, глубокая переработки титана и т.д.); аддитивные технологии, высокоточное и оптоэлектронное приборостроение; беспилотные летательные аппараты, робототехника и межмашинное взаимодействие)
ХМАО – Югра	Новая энергия, медицина, биотехнологии, АПК, IT-сектор
ЯМАО	Добыча полезных ископаемых; производство нефтепродуктов, готовых изделий, химических веществ и химических продуктов, а также деятельность в области информации и связи; транспортировка и хранение
Тюменская область	Формирование отраслей, связанных с глубокой переработкой углеводородного сырья; создание нефтехимических производств высоких переделов; импортозамещение машиностроительной продукции, в т.ч. оборудования и материалов для нефтегазового комплекса; энергетическое машиностроение, кабельная и электротехническая продукция; оборудования и материалы для судостроения, станков и инструментов и др.
Челябинская область	Модернизация бюджетобразующих отраслей: металлургии, машиностроения, добычи железных руд и руд цветных металлов; сельскохозяйственной отрасли; строительной отрасли; производство композитов, материалы с заданными свойствами; производство компонентов (сенсорика и автоматика, средства роботизации, электрооборудование, микроэлектроника и т.д.); радиомедицина

Составлено по: Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года № 207-р, Курганской области; Стратегия социально-экономического развития Свердловской области до 2035 года; О Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа - Югры до 2036 года с целевыми ориентирами до 2050 года: Распоряжение Правительства ХМАО – Югры от 3 ноября 2022 года № 679-рп; Стратегия социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа на период до 2035 года; Стратегия социально-экономического развития Тюменской области до 2030 года; Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2035 года.

Выводы и заключение

Мы разделяем утверждение А.Б. Гусева и М.А. Юревича относительно того, что восстановление национального суверенитета напрямую зависит от государственной системы управления межрегиональными проектами. Как справедливо отмечают авторы, в стратегической перспективе государству необходимо обеспечить реализацию таких проектов в каждой отрасли и во всех регионах. В процессе экономического развития природа мегапроектов также трансформируется. Проекты предыдущего технологического уклада замещаются новыми, которые основаны на современной производственно-технологической базе (Гусев, Юревич, 2022).

На современном этапе экономического развития государственная политика реализации межрегиональных инвестиционных проектов находится на начальной стадии формирования, не получив широкого применения. В УрФО реализовывался один межрегиональный проект – «Урал промышленный – Урал полярный», в рамках которого были задействованы три основных блока: транспортный, энергетический и освоения природных ресурсов. К сожалению, проект не увенчался успехом ввиду причин управленческого и политического характера, а также низкой инвестиционной привлекательности минерально-сырьевого сегмента.

В настоящее время в УрФО не реализуются межрегиональные инвестиционные проекты в отраслях, стратегически значимых для технологического суверенитета экономики. К реализации планируется проект, прямо не связанный с процессом производства продукции, а направленный на его координацию. Он предполагает создание Уральского межрегионального научно-образовательного центра мирового уровня «Передовые производственные технологии и материалы», в рамках которого

будут консолидированы потенциалы научно-образовательных организаций Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Функции центра направлены на содействие производству и реализации конкурентоспособных технологий, а также их коммерциализации. Кроме того, центр будет участвовать в подготовке высококвалифицированных кадров в сфере научно-технологических разработок и задач. Главная цель его деятельности заключается в обеспечении прорывного развития по приоритетным направлениям и повышения конкурентоспособности региональных экономик – участников проекта⁹.

В рамках настоящего исследования в качестве потенциального инструмента обеспечения технологического суверенитета экономики предлагается формирование и реализация межрегиональной инвестиционной политики, ключевым предметом которой выступает межрегиональный инвестиционный проект. Обязательным требованием к данному проекту является соответствие пулу прорывных отраслевых высокотехнологичных проектов, закрепленных в таксономии¹⁰. По мнению автора, межрегиональная инвестиционная интеграция для реализации совместных проектов в отраслях, имеющих высокий уровень концентрации во всех регионах-участниках, может значительно ускорить процессы достижения технологического суверенитета, поскольку время сильно ограничено. При этом межрегиональная инвестиционная политика должна увязываться со стратегическими ориентирами структурно-промышленной, технологической и инновационной государственной региональной политики, что позволит сформировать устойчивый фундамент для укрепления и роста экономических специализаций и повышения результативности инвестиционной деятельности, способствуя, таким образом, ускорению достижения технологического суверенитета страны.

⁹ URL: <https://xn--11acdrs.xn--p1ai/?ysclid=m0qqzh49e7213554905>

¹⁰ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам ...: Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2023 г. № 603.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьев А.А. (2022). «Технологический суверенитет» как научная категория в системе современного знания // Экономика предпринимательства и права. № 122 (3). С. 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243
- Бакуменко О.А. (2018). Организационно-экономический механизм управления межрегиональным взаимодействием субъектов РФ (на примере Северо-Западного федерального округа) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 117–131. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8
- Гусев А.Б., Юревич М.А. (2022). Государственная система управления мегапроектами как модель восстановления национального суверенитета // ВТЭ. № 3. С. 62–76. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_62_76
- Дубровская Ю.В., Кудрявцева М.Р., Козоногова Е.В. (2018). «Умный» бенчмаркинг как основа стратегического планирования регионального развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.7
- Ештокин С.В. (2022). Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. Т. 12. № 3. С. 1301–1314. DOI: 10.18334/vines.12.3.116193
- Коршук В.А., Чельшева Э.А. (2023). Технологический суверенитет как приоритет промышленной политики Российской Федерации в условиях санкционного давления // Общество и цивилизация. № 5 (2). С. 60–66.
- Котов А.В. (2021). Асимметрия межрегиональных экономических связей в России: синтез гравитационного и сетевого подходов // Межтерриториальное неравенство: проблема или драйвер развития: мат-лы VI Междунар. симпозиума по региональной экономике (г. Екатеринбург, 23–25 июня 2021 г.). С. 45–51.
- Кротова М.В. (2022). Возможности методологии системного анализа применительно к разработке стратегии обеспечения технологического суверенитета России // Россия: тенденции и перспективы развития. № 17-2. С. 104–108.
- Кушнир К.В. (2022). Вопросы развития специализированных видов туризма с позиции межрегионального сотрудничества (на примере Российского Приазовья) // Сервис в России и за рубежом. № 4 (101). С. 145–154. DOI: 10.5281/zenodo.7089573
- Матризаев Б.Д. (2022). Исследование теоретических макроструктурных особенностей обеспечения стратегического технологического суверенитета и долгосрочного лидерства // Теоретическая экономика. № 8. С. 49–59. DOI: 10.52957/22213260_2022_8_49
- Миролюбова Т.В. (2011). Идентификация региональных кластеров в экспортно-ориентированном секторе региональной экономики // Вестник ПГУ. Сер.: Экономика. № 4. С. 40–49.
- Невьянцева Л.С. (2024). Научные подходы к исследованию сущности технологического суверенитета экономики // Вестник Российского экон. ун-та им. Г.В. Плеханова. № 2 (134). С. 19–27. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-2-19-27
- Петров М.Н., Филиппов Я.С. (2023). Технологический суверенитет: эволюция Российских и зарубежных экономических моделей // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 13. № 5А. С. 305–314. DOI: 10.34670/AR.2023.38.40.116
- Приходько И.И. (2022). Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского фед. ун-та им. В.И. Вернадского. Экономика и управление. Т. 8 (74). № 4. С. 88–96.
- Скибин С.А. (2022). Межрегиональная интеграция как эффективный способ государственного управления экономикой региона // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 3-2. С. 267–273.
- Сухарев О.С. (2024). Технологический суверенитет России: формирование на базе развития сектора «Экономика знаний» // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 1. С. 47–64. URL: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_1_47_64

- Тамова Б. А. (2015). Межрегиональное экономическое взаимодействие как фактор регионального стратегического развития // Вестник Адыгейского гос. ун-та. Сер. 5: Экономика. № 4 (170). С. 130–133.
- Тлепцеров М.А. (2018). Развитие системы межрегиональных связей как метод повышения экономической безопасности страны // Научные труды КубГТУ. № 6. С. 968–973. URL: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0054/2253.pdf> (дата обращения 13.09.2024).
- Фальцман В.К. (2018). Технологические суверенитеты России. Статистические измерения // Современная Европа. № 3 (82). С. 83–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320188391>
- Bauer M., Erixon F. (2020). Europe's Quest for Technology Sovereignty: Opportunities and Pitfalls. *ECIPE Occasional Paper*, 2. Available at: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2020/05/ECI_20_OccPaper_02_2020_Technology_LY02.pdf
- Crespi F., Caravella S., Mengini M. (2021). European technological sovereignty: The emerging basis for a political strategy. *Intereconomics*, 56, 348–354. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- Geenens R. (2017). Sovereignty as autonomy. *Law and Philosophy*, 36 (5), 495–524. Available at: doi.org/10.1007/s10982-017-9295-3
- Gornostaeva Z.V. (2020). Marketing management of technological and social entrepreneurship in the poles of growth of the modern global economy. *Poles of Growth of the Global Economy: Emergence, Changes and Prospects for the Future*, 73, 287–295. DOI: [10.1007/978-3-030-15160-7_30](https://doi.org/10.1007/978-3-030-15160-7_30)
- Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. *Defining Rationales, Ends and Means, Research Policy*, 52 (6). Available at: doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765
- Edler J., Blind K., Frietsch R. [et al.] (2020). *Technology sovereignty. From demand to concept*. Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, Policy Brief, 2.
- Капогузов Е.А. (2023). Технологический суверенитет России в терминах глобальной конкурентоспособности: На примере выбора стратегии. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 1, 28–34.
- March Ch., Schieferdecker I. (2023). Technological sovereignty as ability, not autarky. *International Studies Review*, 25 (2). Available at: <https://doi.org/10.1093/isr/viad012>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лилия Сергеевна Невьянцева – Институт экономики Уральского отделения РАН (Российская Федерация, 620000, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: inevyantseva@yandex.ru)

Nevyantseva L.S.

INTERREGIONAL INVESTMENT INTERACTION AS A TOOL FOR ENSURING TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE ECONOMY

The article is devoted to the urgent problem of formation of technological sovereignty of the Russian economy. We propose to consider interregional cooperation in the sphere of joint investment projects in the economic sectors that are strategically important for achieving technological independence in critical and cross-cutting products and technologies that are under the sanctions pressure of Western countries. The subject of the study is the developed methodological toolkit for the formation of interregional interactions on the basis of priority industries. The aim of the work is to establish effective interregional interactions on the basis of territorial growth poles with maximum innovation and investment potential, as well as to reveal the scientific and practical essence of the concept of “technological sovereignty”. The research methodology includes the method of system analysis,

generalization, comparison, systematization of analytical data. The main results of the study are as follows: the interregional investment potential is formed; the closest investment ties between the regions are established; the influence of growth poles on the connected regions is determined; the high-tech industries with a comparative advantage in a particular region are identified; potential interregional investment ties in the context of industries are formed. The obtained results of the research can be applied in the practice of state management of investment activity at the national and regional levels to solve the problems of ensuring technological sovereignty in sectors of the economy, as well as in the activities of various investment agencies, funds and institutions for attracting and developing investments. The practical significance of the article lies in the possibility of forming promising interregional investment projects in the sphere of achieving technological sovereignty of the economy.

Technological sovereignty, interregional investment interactions, interregional investment project, high-tech industries, regulatory tools.

REFERENCES

- Afanas'ev A.A. (2022). Technological sovereignty as a scientific category in the contemporary knowledge system. *Ekonomika predprinimatel'stva i prava*, 122(3), 2377–2394. DOI: 10.18334/epp.12.9.116243 (in Russian).
- Bakumenko O.A. (2018). The organizational and economic mechanism of managing inter-regional interaction between Russia's constituent entities. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(3), 117–131. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.8 (in Russian).
- Gusev A.B., Yurevich M.A. (2022). The state management system of megaprojects as a model for restoring sovereignty. *VTE*, 3, 62–76. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_62_76 (in Russian).
- Dubrovskaya Yu.V., Kudryavtseva M.R., Kozonogova E.V. (2018). "Smart" benchmarking as a basis for strategic planning in regional development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(3), 100–116. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.7 (in Russian).
- Eshtokin S.V. (2022). End-to-end technologies of the digital economy as a factor in shaping a country's technological sovereignty. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki*, 12(3), 1301–1314. DOI: 10.18334/vinec.12.3.116193 (in Russian).
- Korshuk V.A., Chelysheva E.A. (2023). Technological sovereignty as a priority of the industrial policy of the Russian Federation under sanctions pressure. *Obshchestvo i tsivilizatsiya*, 5(2), 60–66 (in Russian).
- Kotov A.V. (2021). Assymetry interregional economic relations in Russia: Synthesis of gravitational and network approaches. In: *Mezhterritorial'noe neravenstvo: problema ili draiver razvitiya: mat-ly VI Mezhdunar. simpoziuma po regional'noi ekonomike (g. Ekaterinburg, 23–25 iyunya 2021 g.)* [Inter-Territorial Inequality: A Problem or a Driver of Development: Proceedings of the 6th International Symposium on Regional Economics (Yekaterinburg, June 23–25, 2021)]. Yekaterinburg (in Russian).
- Krotova M.V. (2022). Possibilities of system analysis methodology as applied to the development of a strategy for ensuring Russia's technological sovereignty. *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya*, 17-2, 104–108 (in Russian).
- Kushnir K.V. (2022). Specialized types of tourism as a project fro cross-regional cooperation in the Russian Azov Sea Coast. *Servis v Rossii i za rubezhom=Services in Russia and Abroad*, 4(101), 145–154. DOI: 10.5281/zenodo.7089573 (in Russian).
- Matrizaev B.D. (2022). Investiogation of theoretical macro-structueral specifics of ensurinfg the strategic technological sovereignty and long-term leadership. *Teoreticheskaya ekonomika*, 8, 49–59. DOI: 10.52957/22213260_2022_8_49 (in Russian).

- Miroljubova T.V. (2011). Identification of regional clusters in the export-oriented sector of the regional economy. *Vestnik PGU. Ser.: Ekonomika*, 4, 40–49 (in Russian).
- Nevyantseva L.S. (2024). Scientific approaches to explore the essence of the technological sovereignty of the economy. *Vestnik Rossiiskogo ekon. un-ta im. G.V. Plekhanova=Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*, 2(134), 19–27. DOI: 10.21686/2413-2829-2024-2-19-27 (in Russian).
- Petrov M.N., Filippov Ya.S. (2023). Technological sovereignty: Evolution of Russian and foreign economic models. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*, 13(5), A. C. 305–314. DOI: 10.34670/AR.2023.38.40.116 (in Russian).
- Prikhod'ko I.I. (2022). Theoretical aspects of the concept of technological sovereignty. *Uchenye zapiski Krymskogo fed. un-ta im. V.I. Vernadskogo. Ekonomika i upravlenie*, 8(74), 4, 88–96 (in Russian).
- Skibin S.A. (2022). Interregional integration as an effective way of state management of the region's economy. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 3-2, 267–273 (in Russian).
- Sukharev O.S. (2024). Technological sovereignty of Russia: Formation on the basis of development of the “knowledge economy” sector. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 1, 47–64. Available at: https://doi.org/10.52180/2073-6487_2024_1_47_64 (in Russian).
- Tamova B.A. (2015). Inter-regional economic cooperation as a factor of regional strategic development. *Vestnik Adygeiskogo gos. un-ta. Ser. 5: Ekonomika*, 4(170), 130–133 (in Russian).
- Tleptserukov M.A. (2018). Development of system of interregional communications as method of increase in economic security of the country. *Nauchnye trudy KubGTU*, 6, 968–973. Available at: <https://ntk.kubstu.ru/data/mc/0054/2253.pdf> (accessed: September 13, 2024; in Russian).
- Faltsman V.K. (2018). Statistical measurements of Russia's technological sovereignty. *Sovremennaya Evropa*, 3(82), 83–91. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope320188391> (in Russian).
- Bauer M., Erixon F. (2020). Europe's quest for technology sovereignty: Opportunities and pitfalls. *ECIPE Occasional Paper*, 2. Available at: https://ecipe.org/wp-content/uploads/2020/05/ECI_20_OccPaper_02_2020_Technology_LY02.pdf
- Geenens R. (2017). Sovereignty as autonomy. *Law and Philosophy*, 36(5), 495–524. Available at: doi.org/10.1007/s10982-017-9295-3
- Gornostaeva Z.V. (2020). Marketing management of technological and social entrepreneurship in the poles of growth of the modern global economy. *Poles of Growth of the Global Economy: Emergence, Changes and Prospects for the Future*, 73, 287–295. DOI: 10.1007/978-3-030-15160-7_30
- Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy. *Defining Rationales, Ends and Means, Research Policy*, 52(6). Available at: doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765
- Edler J., Blind K., Frietsch R. et al. (2020). *Technology Sovereignty. From Demand to Concept*. Fraunhofer Institute for Systems and Innovation Research, Policy Brief, 2.
- Kapoguzov E.A. (2023). Technological sovereignty of Russia in terms of the global competitiveness: On the case study of choosing a strategy. *Journal of Regional and International Competitiveness*, 1, 28–34.
- Crespi F., Caravella S., Mengini M. (2021). European technological sovereignty: The emerging basis for a political strategy. *Intereconomics*, 56, 348–354. Available at: <https://doi.org/10.1007/s10272-021-1013-6>
- March Ch., Schieferdecker I. (2023). Technological sovereignty as ability, not autarky. *International Studies Review*, 25(2). Available at: <https://doi.org/10.1093/isr/viad012>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya S. Nevyantseva – Candidate of Sciences (Economics), Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620000, Russian Federation; e-mail: inevyantseva@yandex.ru)

ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛИТИКА

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.5

УДК 339.564 | ББК 65.428.2

© Якушев Н.О.

ОЦЕНКА И НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПОРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ РФ

НИКОЛАЙ ОЛЕГОВИЧ ЯКУШЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: nilrus@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-4255-4493; ResearcherID: I-8530-2016

В экономической научной литературе экспортная деятельность рассматривается как один из источников экономического роста территорий, один из ключевых ориентиров достижения национальной цели «устойчивая и динамичная экономика» в России. Развитие экспортной деятельности сопряжено с ее оценкой в территориальном разрезе, выявлением тенденций, происходящих в структуре экспорта. В свою очередь оценка экспортной деятельности базируется на методических подходах, различающихся в зависимости от учета количественных и качественных показателей экспорта. В связи с этим исследование нацелено на разработку и апробацию методического подхода к оценке экспортной деятельности территорий, применение которого позволяет определить направления ее развития в региональном разрезе. В статье приведены результаты анализа отечественных и зарубежных научных исследований, касающихся выделения характеристик экспортной деятельности, определения ее влияния на региональное экономическое развитие. Представлена типологизация субъектов РФ на основе разработанного подхода к оценке экспортной деятельности, базирующегося на результатах анализа научной литературы и работах В. Balassa. Приведена специализация регионов по экспорту продукции. Проанализирована экспортная деятельность в секторальном и региональном разрезе. Разработаны предложения, касающиеся направлений экспортной деятельности субъектов РФ. Научная новизна исследования заключается в разработке и апробации подхода к оценке экспортной деятельности территорий, который позволяет определить «экспортный профиль» региона. С его помощью можно обозначить экспортный вклад каждого промышленного сектора и его отраслевую направленность в регионе, а также выделить приоритеты развития экспортной деятельности как источника экономического роста территорий. Представленные результаты

Для цитирования: Якушев Н.О. (2024). Оценка и направления экспортной деятельности субъектов РФ // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 61–80. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.5

For citation: Yakushev N.O. (2024). Assessment and directions of export activities of the RF constituent entities. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 61–80. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.5

будут полезны как специалистам в сфере внешнеэкономической деятельности, так и научным работникам, занимающимся исследованиями в данной области.

Оценка, территория, регион, экспортная деятельность, специализация экспорта, направления, развитие.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания № FMGZ-2022-0002 «Методы и механизмы социально-экономического развития регионов России в условиях цифровизации и четвертой промышленной революции».

Введение

В условиях вызовов глобализации 2.0¹ и возникновения новых нарративов в международной торговле обеспечение стабильного функционирования национальной экономики становится ключевым приоритетом для развития территорий (Абалкин, 2002; Ускова и др., 2013; Глазьев, 2015). Одним из составных элементов этого процесса выступает экспорт (Абалкин, 2002; Глазьев, 2015). При этом акцент на структурной его составляющей и роли субъектов РФ в экспортной деятельности является стратегически важным для развития экономики территорий (Татаркин, Куклин, 2012; Ильин, 2018). Эффективность реализации экспортной деятельности во многом предопределена ориентирами ее управления, а также типом экономической системы (Глазьев, 2016; Гулин, 2017; Ketels, 2015). Наряду с этим речь идет не только про экспортную деятельность как таковую, но и про типы такой деятельности, например про несырьевой экспорт. В России экономическая политика учитывает несырь-

евой экспорт как необходимое условие для роста экономики².

Активное участие страны в процессах международной торговли предопределило необходимость развития экспортной деятельности на уровне отдельных отраслевых сегментов, а также регионов Российской Федерации³. Так, стоит отметить, что структура товаров российского экспорта в 2021 году в большей степени включала сырье, продукцию низких переделов, простые изделия. В совокупном объеме российского экспорта доля данных позиций суммарно составила 79,5%⁴. При этом доля продукции с высокой добавленной стоимостью достигала лишь 13,3% от общих объемов всех поставок российского экспорта. В сравнении с 2013 годом здесь наблюдается увеличение на 7,5 п. п. Эта тенденция может быть обусловлена реализацией госпрограмм⁵ и национального проекта⁶ в сфере экспорта. В России на законодательном уровне не закреплено понятие «экспортная деятельность». Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 164⁷ наце-

¹ Какой будет «Глобализация 2.0»? URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29449> (дата обращения 20.04.2024).

² Национальный проект «Международная кооперация и экспорт». URL: <http://static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVvAkvbZotaYtVKNEKaALYA.pdf> (дата обращения 20.04.2024).

³ Усиление экспортного потенциала: опыт регионов на совещании ПФО в Иннополисе. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2024/05/14/usilenie-eksportnogo-potentsiala-opit-regionov-na-soveschani-pfo-v-innopolise (дата обращения 20.04.2024); Путин: несырьевой неэнергетический экспорт из РФ к 2030 году должен вырасти на две трети. URL: <https://www.interfax-russia.ru/main/putin-nesyrevoyn-energeticheskiy-eksport-iz-rf-k-2030g-dolzhen-vyrasti-na-dve-treti> (дата обращения 20.04.2024).

⁴ Справочные и аналитические материалы Федеральной таможенной службы России по таможенной статистике внешней торговли Российской Федерации. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения 21.04.2024).

⁵ Государственная программа Российской Федерации «Развитие внешнеэкономической деятельности». URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/gp_rf_razvitie_vneshneekonomicheskoy_deyatelnosti (дата обращения 21.04.2024).

⁶ Национальный проект «Международная кооперация и экспорт». URL: <http://static.government.ru/media/files/FL01MAEp8YVvAkvbZotaYtVKNEKaALYA.pdf> (дата обращения 21.04.2024).

⁷ Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ (посл. ред.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397 (дата обращения 22.04.2024).

лен на обеспечение для страны и входящих в нее субъектов благоприятных условий в сфере внешнеторговой деятельности, однако представленная в нем трактовка понятия внешнеторговой деятельности не отличается целостным характером по отношению к трактовке и регулированию экспортной деятельности. Кроме того, проблемы, связанные с типом структуры экспорта и слабой диверсификацией экспортной деятельности России и ее регионов, остаются, что, в свою очередь, требует разработки дополнительных подходов к оценке и рекомендаций для их решения.

В связи с этим цель исследования заключается в разработке и апробации методического подхода к оценке экспортной деятельности территорий и определении направлений ее развития в региональном разрезе. Объектом исследования выступает экспортная деятельность субъектов РФ. Достижение цели связано с решением следующих задач: рассмотреть теоретические аспекты, которые затрагивают вопросы оценки экспортной деятельности территории и разработать подход к ее оценке; провести апробацию предложенного подхода на данных официальной статистики внешней торговли РФ и осуществить типологизацию регионов; определить направления развития экспортной деятельности субъектов РФ.

Теоретические аспекты исследования

В экономической науке анализ развития экспортной деятельности территорий осуществляется как посредством оценки количественных индикаторов, так и качественных характеристик. Одной из основополагающих по данному направлению выступает оценка специализации экспорта, она развивается в научных работах В. Balassa и базируется на теории сравнительных преимуществ в международной торговле, которая используется при анализе экспорта стран. В исследовании В. Balassa применяется индекс торговой специализации, он определяется как отношение экспорта страны в определенной товарной категории к ее доле в общем товарном экспорте (Balassa, 1965).

В дальнейшем предложенный подход был апробирован в совместном исследовании В. Balassa, М. Noland на материалах двух стран – Японии и США (Balassa, Noland, 1989). В работе доказывается, что в период 1967–1983 гг. структура специализации экспорта Японии резко изменилась. Так, Япония перешла от специализации на производстве неквалифицированной трудоемкой продукции к продукции, требующей высокого уровня развития человеческого капитала. В то же время ухудшалось положение страны в отношении производства и реализации продукции, выпущенной с использованием природных ресурсов. При этом США сохранили свою специализацию на товарах, в производстве которых ключевая роль отводится физическому и человеческому капиталу, одновременно увеличив свои сравнительные преимущества в создании продукции, предполагающей природные ресурсы.

В исследованиях современных ученых-экономистов проблемы экспортной деятельности территорий раскрываются через вопросы оценки товарной структуры и ее составляющих. В некоторых работах ученых по оценке экспорта широко используется базовая модель, учитывающая развитие экономики территорий (Отмахова и др., 2019; Андреева и др., 2021; Лаврикова и др., 2022; Triyawan et al., 2021; Adedoyin et al., 2022; Acikdilli et al., 2022). В основе лежит применение относительного метода, опирающегося на количественную оценку экспортной деятельности, при этом учитывается специфика экономики территорий. Относительный метод предполагает сопоставление оценок экспортной деятельности территорий и оценок развития экономики, что позволяет глубже анализировать взаимосвязь экспортной деятельности и развития экономики, учитывая текущие ресурсы конкретной территории.

Определение тактических ориентиров экспортной деятельности является одним из основных вопросов в исследованиях, касающихся развития экономики территорий (Гулин и др., 2018; Кузнецова, Цедилин, 2018; Карачев, Виноградова, 2024; Смирнов, 2024;

Сычева, 2024; Lee, Habte-Giorgis, 2004; Yang et al., 2004; Peters et al., 2022). В этом случае рассматривается взаимосвязь между тактическими факторами развития экспортной деятельности и ростом экономики территории. Основной посыл в работах касается того, как ключевые факторы экспортной деятельности, такие как диверсификация продуктов и рынков, интенсивность НИОКР и капиталоемкость, влияют на экспортную деятельность, а также как экспортная деятельность в конечном итоге связана с экономическими показателями развития территорий.

Особое внимание в научных работах уделяется оценке специализации экспорта для развития территорий (Андреева и др., 2024; Чеплинские, Лукин, 2024; Juliansyah et al., 2022; Singh, Gautam, 2022; Paravisini et al., 2023). Акцент делается на переходе от торговли более однородными товарами к диверсификации экспорта.

В некоторых исследованиях учитываются различные организационные и управленческие характеристики, связанные с уровнем развития экспортной деятельности (Лаврикова и др., 2019; Изотов, 2021; Орлова, 2024; Валяева, 2024; Ha et al., 2020; Elia, 2021). С использованием метода множественного классификационного анализа выявляются ключевые типы (от наименее до наиболее активных) экспортной деятельности, что позволяет разрабатывать рекомендации в рамках реализации государственной экономической политики.

В ряде исследований подчеркивается необходимость изучения отраслевой характеристики экспортной деятельности, влияющей на развитие территорий (Оболенский, 2024; Шамова, Мыслякова, 2024; Nasim, Gunawijaya, 2021; Adewumi et al., 2023). Обращено внимание на анализ конкретных успешных кейсов осуществления экспортной деятельности, возникающих в отдельных отраслевых секторах.

Важную роль исследователи отводят оценке вклада экспорта малых и средних предприятий в несырьевых секторах в развитие экспортной деятельности территорий (Андреева и др., 2019; Якушев, 2020;

Балакирев, 2024; Королев, Королева, 2024; Ha et al., 2020; Cieslik et al., 2024; Kabir et al., 2024). В этих работах представлены субъекты экспортной деятельности, принимающие решения об экспорте, а также экспортирующие и неэкспортирующие малые и средние предприятия. Акцент в исследованиях делается на восприятии рисков и соотношении затрат и выгод, связанных с экспортом, а также на реакции на различные типы стимулов, способствующих развитию экспортной деятельности.

Исходя из проведенного обзора источников научной литературы, в нашем исследовании внимание акцентировано на территориях, различающихся по уровню развития и характеру экспортной деятельности. Основной упор в работе делается на отраслевой структуре экспорта, в рамках которой учитываются структурные составляющие, отражающие специализацию экспортной деятельности (совокупные преимущества как в сфере производства сырья, полуфабрикатов, так и несырьевой продукции). Один регион может обладать внушительным промышленным потенциалом, научно-технологическими возможностями за счет ресурсов территории, а другой – специализироваться на производстве продукции первичной обработки.

Также в статье с учетом представленных выше результатов исследований оценка экспортной деятельности территорий будет осуществляться с использованием комплексной системы показателей, учитывающей как относительные индикаторы, так и показатели, позволяющие охарактеризовать специфику экспорта.

Анализ структуры и выявление особенностей экспорта для развития территорий осуществляются с использованием количественных показателей. Для определения приоритетов и возможностей экспортной деятельности учитывается ее развитие в рамках мировой торговли, а также вклад в отраслевой структуре экспорта.

Оценка экспортной деятельности основывается на методическом подходе В. Balassa, что позволяет охарактеризовать базовую специализацию экспорта и выделить отрас-

левые секторы регионов в поставках на зарубежные рынки.

Резюмируя, стоит отметить, что развитие экспортной деятельности подразумевает включенность регионов в реализацию национальных целей и задач в рамках стимулирования несырьевого сектора экономики, что помогает выстраивать экспортную политику государства для развития территории. При этом экспортная деятельность для экономики территории выступает одним из источников развития. Кроме того, для роста экономики территорий экспортную деятельность стоит рассматривать как основополагающий элемент структурной политики, способствующий реализации научно-технологического и экономического потенциала. Вместе с тем необходимо определять основные инструменты для оценки формирования и развития экспортной деятельности территории.

Методические аспекты исследования

Оценка экспортной деятельности территорий осуществлялась с опорой на комплексный подход, который учитывает рассмотренные теоретические аспекты исследования, затрагивающие как количественные, так и качественные характеристики экспортной деятельности территорий. В статье оценка специализации экспортной деятельности субъектов Российской Федерации основывается на подходе В. Balassa и осуществляется путем анализа сравнительных преимуществ экспорта стран. Учитывались следующие составляющие:

- вклад экспорта в экономику территорий;
- структура товарного экспорта и специфика экспортной деятельности;
- тип и специализация экспорта территории в разрезе отраслевых сегментов;
- преобладающее направление экспорта территорий;
- «растущие» направления экспорта несырьевого сектора в мировой торговле.

Реализация подхода к оценке специализации и направлений экспортной деятельности субъектов РФ осуществлялась в несколько этапов.

На первом этапе систематизируется экспорт по товарным группам в стоимостном выражении на основе таможенной номенклатуры внешнеэкономической деятельности в разрезе субъектов РФ.

На втором этапе проводится соотношение единицы измерения стоимости объемов экспорта в регионе к уровню страны для проведения корректных расчетов при оценке специализации экспортной деятельности.

На третьем этапе по каждой товарной группе рассчитывается доля экспорта в общих объемах поставок страны на международный рынок для выявления ключевых позиций российского экспорта.

На четвертом этапе определяется произведение стоимости объемов экспорта страны и экспорта регионов по одному из шести товарных сегментов.

На пятом этапе вычисляется произведение стоимости объемов экспорта страны по одному из шести товарных сегментов и стоимости всех объемов экспорта региона.

На шестом этапе проводится анализ специализаций экспортной деятельности субъектов РФ на основе соотношения результатов, полученных на четвертом и пятом этапах.

На седьмом этапе осуществляется типологизация субъектов РФ по шести сегментным группам на основе полученных оценок специализации экспортной деятельности. Территория признается специализированной по конкретному сегменту экспорта, если показатель равен или больше единицы.

На восьмом этапе анализируются изменения специализации экспортной деятельности субъектов РФ. Выделяются изменения по количеству регионов, входящих в группы, а также определяются те территории, где произошла трансформация.

На девятом этапе осуществляется детализация субъектов РФ по экспортной ориентации в зависимости от принадлежности к одной из сегментных групп, где их значение по специализации экспортной деятельности получилось меньше единицы. Приоритет в сегментных группах экспорта отдается тем субъектам, роль которых высока в наращивании несырьевого экспорта.

На десятом этапе определяются приоритетные направления экспортной деятельности субъектов РФ путем выявления «растущих» товарных позиций в мировой торговле. Трактовка полученных результатов осуществляется с учетом ориентации экспорта и специализации территорий на тех или иных сегментах.

Научная значимость исследования заключается в разработке научно обоснованного подхода к оценке специализации экспортной деятельности территорий и определению приоритетных направлений экспорта, связанных с развитием экспортно-ориентированных производств несырьевого сектора, позволяющих использовать ресурсы регионов как источники экономического роста. Кроме того, предложенный подход дает возможность сформировать экспортный профиль региона (специализация, ориентация в экспорте), который отражает изменения экспортного сектора и помогает определить основные отраслевые контуры экспортной деятельности субъектов РФ.

Результаты исследования

Оценка экспортной деятельности позволяет учитывать ключевые макроэкономические индикаторы в разрезе территорий. Например, доля экспорта в ВВП является одним из основных макроэкономических показателей как для анализа вклада экспорта в экономику отдельной страны, так и для межстрановых сопоставлений. Доля экспорта в ВВП России в 2021 году находилась на уровне 23,6%. Для сравнения, в Германии это значение составляло 38,6%, а в Японии – 15,8%. При этом в структуре экспорта стран с развитой экономикой большую часть занимает несырьевой экспорт, в то время как структура российского экспорта характеризуется сырьевой направленностью: нефть и нефтепродукты (в совокупности – 46,4%) и природный газ (12,1%)⁸.

Оценка экспортной деятельности в субъектах РФ показывает, что 21 регион формирует 85,5% всех поставок страны на мировой

рынок. При этом 41,8% в этом объеме экспорта принадлежит Москве как основному экспортному хабу страны. В 7 регионах из 21 значения показателя соотносятся с общероссийским уровнем (доля экспорта в ВВП 29,9% в 2021 году). Эти субъекты специализируются на экспорте товаров сырьевой направленности и полуфабрикатов. Вместе с тем необходимым условием для обеспечения диверсификации как экономики страны в целом, так и конкретного региона, а также минимизации высоких рисков для региональной экономики является развитие несырьевого экспорта.

Экспортная деятельность субъектов РФ может быть проанализирована с использованием различных индикаторов. Одной из ключевых задач становится определение экспортной специализации, что позволит выявить структурные особенности экспортной деятельности, а также отраслевые экспортные направления. Оценка специализации экспортной деятельности территорий базируется на подходе В. Balassa, который использует индекс выявленных сравнительных преимуществ в международной торговле и рассчитывается посредством отношения экспорта региона товарной группы к экспорту страны в целом по отраслевому сегменту. Территория признается специализирующейся на экспорте по конкретному сегменту, если значения показателя равны единице или больше ее. В результате аналитической оценки может быть определен экспортный профиль региона, а также отраслевая экспортная ориентация для целей обеспечения диверсификации экономики.

Оценка специализации экспортной деятельности в субъектах Российской Федерации позволила выделить их следующие группы (табл. 1):

- группа регионов (47 субъектов) по экспорту продукции агропродовольственной сферы;
- группа регионов (9 субъектов) по экспорту сырья, материалов, товаров топливно-энергетического комплекса;

⁸ База данных таможенной статистики внешней торговли России Федеральной таможенной службы. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения 23.05.2024).

- группа регионов (37 субъектов) по экспорту товаров химической отрасли;
- группа регионов (44 субъекта) по экспорту материалов и товаров из древесины, целлюлозно-бумажной продукции;
- группа регионов (26 субъектов) по экспорту продукции металлургической промышленности;

- группа регионов (38 субъектов) по экспорту машиностроительной продукции.

По результатам исследования выявлено, что у территории может отсутствовать ярко выраженная экспортная специализация, может выделяться одно направление экспортной деятельности, а также несколько направлений специализации.

Таблица 1. Типологизация субъектов РФ по специализации экспортной деятельности в разрезе сегментных групп в экспорте

Специализация в экспорте/территория (субъект), 2021 год	ИСЭ, ед.	ПТСЭ
Сегмент экспорта № 1 «Продукция агропродовольственной сферы и с/х сырье»		
Магаданская область, Камчатский край, Чеченская Республика, Калининградская область, Тамбовская область, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Приморский край, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия, Курская область, г. Севастополь, Ростовская область, Республика Алтай, Республика Адыгея, Республика Крым, Пензенская область, Краснодарский край, Алтайский край, Астраханская область, Республика Ингушетия, Орловская область, Воронежская область, Мурманская область, Ставропольский край, Амурская область, Саратовская область, Омская область, Белгородская область, Смоленская область, Еврейская автономная область, Хабаровский край, Брянская область, Псковская область, Владимирская область, Московская область, Курганская область, Чувашская Республика, Новосибирская область, Томская область, Республика Мордовия, Чукотский автономный округ, Тульская область, Липецкая область, Республика Башкортостан, Оренбургская область, Карачаево-Черкесская Республика	-1 субъект	Волгоградская область
Сегмент экспорта № 2 «Сырье, материалы, товары топливно-энергетического комплекса»		
Республика Саха (Якутия), Тюменская область, Сахалинская область, Республика Тыва, г. Москва, Чукотский автономный округ, Кемеровская область, Санкт-Петербург, Республика Татарстан	-1 субъект	Республика Бурятия
Сегмент экспорта № 3 «Товары химической отрасли»		
Новгородская область, Ставропольский край, Пермский край, Кировская область, Тульская область, Ивановская область, Забайкальский край, Омская область, Саратовская область, Воронежская область, Владимирская область, Самарская область, Ярославская область, Чувашская Республика, Вологодская область, Смоленская область, Республика Крым, Курская область, Ленинградская область, Республика Башкортостан, Республика Алтай, Нижегородская область, Республика Татарстан, Московская область, Волгоградская область, Тамбовская область, Ульяновская область, Свердловская область, Калужская область, Рязанская область, Брянская область, Алтайский край, Кабардино-Балкарская Республика, Красноярский край	-4 субъекта	Республика Мордовия, Тверская область, Удмуртская Республика, Курганская область
Сегмент экспорта № 4 «Материалы и товары из древесины, целлюлозно-бумажная продукция»		
Республика Карелия, Костромская область, Еврейская автономная область, Республика Коми, Томская область, Архангельская область, Иркутская область, Республика Ингушетия, Кировская область, Псковская область, Хабаровский край, Республика Мордовия, Курганская область, Брянская область, Красноярский край, Республика Марий Эл, Владимирская область, Смоленская область, Тверская область, Удмуртская Республика, Астраханская область, Новгородская область, Алтайский край, Забайкальский край, Пензенская область, Ивановская область, Приморский край, Вологодская область, Республика Адыгея, Ленинградская область, Республика Бурятия, Пермский край, Нижегородская область, Калужская область, Республика Дагестан, Ярославская область, Республика Башкортостан, Московская область, Ульяновская область, Амурская область, Чувашская Республика, Санкт-Петербург, Новосибирская область, Свердловская область	0 субъектов	Свердловская область

Сегмент экспорта № 5 «Продукция металлургической промышленности»		
Липецкая область, Челябинская область, Свердловская область, Белгородская область, Красноярский край, Мурманская область, Республика Хакасия, Вологодская область, Оренбургская область, Калужская область, Тульская область, Иркутская область, Удмуртская Республика, Псковская область, Республика Ингушетия, Республика Мордовия, Кемеровская область, Брянская область, Кабардино-Балкарская Республика, Волгоградская область, Пензенская область, Краснодарский край, Хабаровский край, г. Севастополь, Нижегородская область, Республика Северная Осетия	-5 субъектов	Орловская область, Московская область, Курганская область, Ивановская область, Тверская область
Сегмент экспорта № 6 «Машиностроительная продукция»		
Рязанская область, Ульяновская область, Республика Марий Эл, Тверская область, Курганская область, Республика Бурятия, Астраханская область, Ярославская область, Чувашская Республика, Республика Мордовия, Нижегородская область, Удмуртская Республика, Орловская область, Московская область, Калужская область, Брянская область, Ивановская область, Республика Башкортостан, г. Севастополь, Новосибирская область, Пензенская область, Владимирская область, Республика Крым, Алтайский край, Смоленская область, Республика Адыгея, Свердловская область, Псковская область, Самарская область, Омская область, Санкт-Петербург, Томская область, Воронежская область, Республика Алтай, Ростовская область, Саратовская область, Костромская область, Республика Карелия	-6 субъектов	Республика Калмыкия, Приморский край, Республика Дагестан, Курская область, Челябинская область, Тульская область
Примечание: ИСЭ – изменения по количеству территории (субъектов) в специализации экспорта (2021 год к 2019 году), ед; ПТСЭ – перечень территорий (субъектов) в специализации экспорта, где произошли изменения в 2021 году по сравнению с 2019 годом. Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 ; База данных таможенной статистики внешней торговли России Федеральной таможенной службы. URL: https://customs.gov.ru/statistic (дата обращения 23.05.2024).		

Анализ товарной структуры российского экспорта свидетельствует о преобладании сырья, материалов и товаров топливно-энергетического комплекса (60,6%). Эта специализация выявлена в 9 субъектах (республики Саха (Якутия), Татарстан, Тыва, Тюменская, Сахалинская, Кемеровская области, Москва, Санкт-Петербург, Чукотский автономный округ) в связи с функционированием деятельности предприятий и организаций топливно-энергетического комплекса. Региональный экспорт в большей степени специализирован на сырье (энергетические товары), продукции низких переделов.

Второе место в товарной структуре экспорта занимает продукция металлургической промышленности (11,5%). Такая ситуация характерна для 26 регионов, в которых преобладают производства черной и цветной металлургии, а также изготовление изделий, конструкций, товаров из металлов. Основной список экспортных товаров в данном сегменте включает металлопрокат (сталь), полуфабрикаты черной металлургии, алюминий и изделия из него, полуфабрикаты

цветной металлургии, прочие товары цветной и черной металлургии бытового назначения и применяемые в других сферах деятельности.

Третью позицию в структуре российского экспорта занимают товары химической отрасли (8,5%). Данная специализация получила распространение в 37 регионах. Это обусловлено наличием в них имеющейся производственной базы и локализацией отраслевых проектов по химической промышленности. Экспортируется сырье (химкомпоненты, эфиры, спирты и прочее), используемое для производства продукции с высокой добавленной стоимостью, полимеры, крупнотоннажная химическая продукция в первичных формах (удобрения), пластиковые изделия и материалы, косметика, фармацевтика и другое.

В общей структуре российского экспорта доля продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья составляет 8,1%. Это одно из важнейших направлений экспортной деятельности, несмотря на то что уступает поставкам товаров химической от-

расли. Специализация экспорта по данному направлению наблюдается в 47 регионах. В этих субъектах сделан акцент на функционировании агропродовольственной деятельности, а также на повышении рентабельности предприятий, производящих пищевую продукцию. В основной перечень товаров для экспорта входят сырье (злаки), мороженая рыба, подсолнечное масло, готовая пищевая продукция.

Пятую позицию (доля 7,4%) в совокупных объемах российских поставок на мировой рынок занимает продукция машиностроения. Необходимо отметить, что это основополагающий приоритетный сегмент для наращивания российского несырьевого экспорта, который связан с производством высокотехнологичной и сложной продукции. На экспорте данной сегментной группы специализируется 38 регионов. Развитие в этих субъектах связано с наличием как крупной промышленной базы, основы формирования которой заложены в советский период, так и с реновацией действующих и развитием новых предприятий, технопарков, совместных проектов с иностранными контрагентами для производства продукции и для внутреннего рынка, и на экспорт. Главными статьями экспорта являются машиностроительная продукция, применяемая в атомной промышленности, наземные транспортные средства, электрооборудование, электротехническая продукция, оптические аппараты и приборы гражданского назначения, прочее вспомогательное оборудование и машины.

Доля экспорта материалов и товаров из древесины, целлюлозно-бумажной продукции в совокупных объемах российских поставок составляет 3,8%. Такая экспортная специализация характерна для 44 регионов из всех федеральных округов. Подобная специализация связана с наличием в субъектах крупных производств в сфере деревообработки и целлюлозно-бумажной промышленности, а также с функционированием малых и средних предприятий. Основой экспортной специализации в данной группе выступают сырье (целлюлоза), бумажные

изделия (тарный картон, гофропродукция, экоупаковка и экопакеты и др.), материалы для топлива (пеллеты), продукция средних переделов, используемая в строительстве (пиломатериалы, доски и прочее), мебель, изделия для интерьера, другие позиции, связанные с деревообработкой.

Значимым с научной точки зрения является не только анализ структуры экспорта и выделение специализаций, но и сопоставление сегментов экспорта в динамике (2021 год к 2019 году) на предмет выявления изменений. При этом стоит отметить, что во всех регионах, где произошли изменения, данный сегмент остался в 2021 году как экспортно ориентированное направление.

Так, в разрезе сегментов экспорта субъекты РФ подразделяются следующим образом:

- продукция агропродовольственной сферы и с/х сырье: Волгоградская область, Республика Карелия, Архангельская область, Ивановская область, Тверская область, Калужская область, Сахалинская область;

- товары химической отрасли: Томская область, Удмуртская Республика, Орловская область, Республика Мордовия;

- материалы и товары из древесины, целлюлозно-бумажная продукция: Карачаево-Черкесская Республика;

- продукция металлургической промышленности: Орловская область, Московская область, Приморский край, Курганская область, Смоленская область, Саратовская область, Республика Марий Эл, Самарская область;

- машиностроительная продукция: Республика Дагестан, Тульская область, Республика Калмыкия, Кировская область, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Челябинская область, Москва, Красноярский край.

В целом стоит резюмировать, что экспортная деятельность субъектов РФ в 2021 году осталась в большей степени ориентированной на поставки сырья и материалов топливно-энергетического комплекса (специализация экспорта в 9 регионах, что составляет 60,6% от всех объемов российских поставок), а также полуфабрикатов химии, черной и

цветной металлургии, продукции с/х сырья (злаки), но при этом также присутствуют несырьевые позиции в виде простых изделий, пищевых продуктов, стройматериалов, продукции машиностроения.

Для определения направлений развития экспортной деятельности субъектов РФ важно учитывать тенденции, происходящие на мировом экспортном рынке. Согласно данным цифровой платформы Trade Map, к основным товарам в мировом экспорте, которые составляют долю больше 1%, относятся 17 позиций, которые представлены как сырьем (энергоресурсы; руда, шлак, зола и др.) и товарами низких переделов (черные металлы и др.), так и несырьевой продукцией (машиностроительная продукция; фармацевтика; одежда; мебель и прочие товары; *рис.*).

В мировом экспорте доля несырьевых товаров достигает 41,9% (8 из 17 позиций), а продукции машиностроения – 35%. Кроме того, в динамике (в 2022 году по сравнению с 2005 годом) наблюдается увеличение доли по трем из восьми товарным позициям в мировом экспорте: электрические машины и оборудование, их части – 1%; фармацевтика – 1%; мебель, постельные принадлежности, матрасы, основы матрацные, диванные подушки и аналогичные набивные принадлежности мебели – 0,1%. Таким образом, мировой экспорт товаров формируется в большей степени за счет несырьевого сектора (продукция машиностроения – 35,7%), создающего высокую добавленную стоимость в экономике. Вместе с тем в российском экспорте важное место занимают топливно-

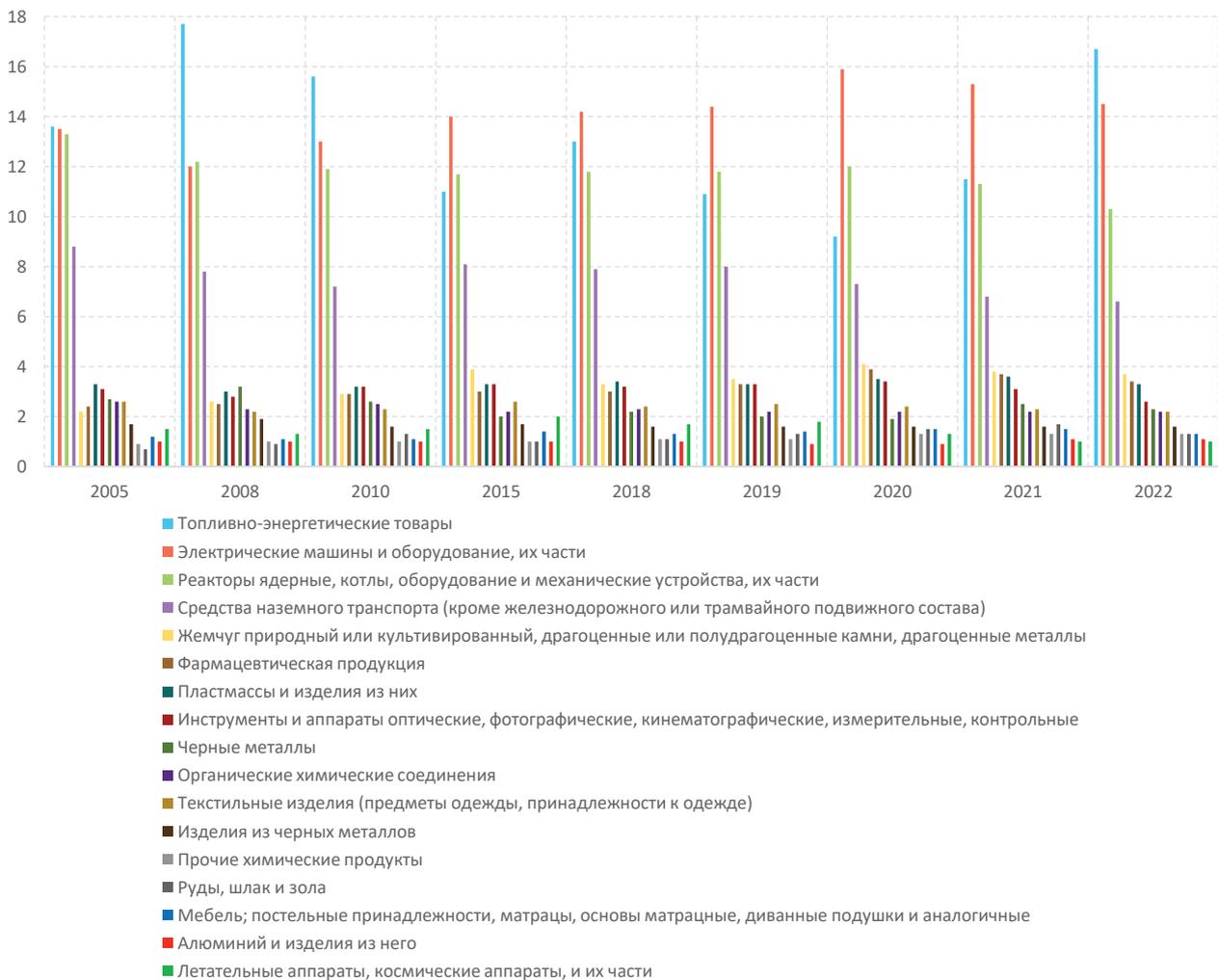

Рис. Доля товаров в стоимости мирового экспорта, %

Источник: данные цифровой платформы Trade Map. URL: <https://www.trademap.org> (дата обращения 24.05.2024).

энергетические товары и полуфабрикаты (черные металлы, алюминий и первичные изделия из них). Санкционные ограничения и зависимость от мирового сырьевого рынка негативно сказываются на развитии российской экономики.

Несырьевой экспорт является одним из приоритетов для российской экономики. Для выделения потенциальных направлений развития экспортной деятельности субъектов Российской Федерации необходимо опреде-

лить товары несырьевого сектора в мировой торговле, которые входят в первую двадцатку по доле стоимости и показывают рост за определенный период времени. Оценка товарных позиций в мировой торговле за период с 2019 по 2022 год (доковидный и постковидный периоды) на основе данных цифровой платформы Trade Map позволила выделить следующие растущие направления мирового экспортного рынка для определения ориентиров экспортной деятельности субъектов РФ (табл. 2).

Таблица 2. Растущие товарные позиции из несырьевого сектора в мировой торговле (импорте товаров) в 2019–2022 гг., млрд долл. США

Товарная позиция	2019 год	2022 год	2022 год к 2019 году, %
Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура	2908,9	3810,8	131,0
Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части	2292,4	2660,0	116,0
Средства наземного транспорта (кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава)	1527,2	1628,3	106,6
Фармацевтическая продукция	657,4	890,5	135,5
Инструменты и аппараты оптические, фотографические, кинематографические, измерительные, контрольные	618,8	673,1	108,8
Мебель; постельные принадлежности, матрацы, основы матрацные, диванные подушки и аналогичные	243,5	290,6	119,3
Текстильные изделия (предметы одежды и принадлежности к одежде)	212,9	229,4	107,8
Продукция из пластмассы			
Изделия для транспортировки или упаковки товаров	55,3	68,3	123,5
Трубы, трубки, шланги и их фитинги (например, соединения, колена, фланцы)	26,6	33,9	127,4
Плиты, листы, пленка, лента самоклеящиеся	21,9	27,1	123,8
Посуда столовая и кухонная, приборы столовые и кухонные принадлежности, прочие предметы домашнего быта	19,5	25,3	129,7
Детали строительные	11,3	15,4	136,6
Ванны, души, раковины для стока воды, раковины для умывания, биде, унитазы, сиденья и крышки	4,4	5,5	123,3
Изделия из черных металлов			
Крепежные изделия	42,8	53,5	125,2
Изделия столовые, кухонные или прочие изделия для бытовых нужд и их части	11,9	15,3	128,8
Печи отопительные, печи отопительно-варочные и печи для приготовления пищи	10,2	14,7	143,5
Цистерны, бочки, барабаны, канистры, ящики и аналогичные емкости	6,4	7,8	122,1
Изделия из алюминия			
Фольга алюминиевая (без основы или на основе из бумаги, картона, пластмассы или аналогичных)	12,9	18,8	145,1
Металлоконструкции алюминиевые (кроме сборных строительных металлоконструкций)	12,7	16,1	126,5
Бочки, барабаны, банки, ящики и аналогичные емкости	5,2	7,8	150,4
Изделия столовые, кухонные или прочие изделия для бытовых нужд и их части из алюминия; мочалки	5,3	6,9	130,0
Ранжирование товарных позиций проведено по стоимости в мировой торговле за 2022 год. Источник: данные цифровой платформы Trade Map. URL: https://www.trademap.org (дата обращения 27.05.2024).			

Первое направление связано с развитием продукции среднетехнологичных и высокотехнологичных производств (рост по товарным позициям в интервале от 106,6 до 136,6%). К данному направлению относится продукция из пластмассы, которая включает перечень товаров от изделий для транспортировки или упаковки товаров до предметов, применяемых в быту, а также используемых в строительстве и для других целей; продукция машиностроения (в т. ч. электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура; реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства, их части и другие товарные позиции); фармацевтика.

Второе направление связано с развитием товаров трудоемких и ресурсоемких производств (рост по товарным позициям в интервале от 107,8 до 150,4%). Сюда относятся текстильные изделия (предметы одежды и принадлежности к одежде); мебель, постельные принадлежности, матрацы, основы матрацные, диванные подушки и аналогичные; изделия из черных металлов, начиная от транспортной тары, крепежных изделий, столовых и кухонных принадлежностей до отопительного оборудования; изделия из алюминия, включая металлоконструкции алюминиевые, фольгу, предметы для бытовых нужд (столовые, кухонные или прочие), транспортную тару.

Следовательно, развитие экспортной деятельности субъектов РФ с учетом тенденций в мировой торговле, приоритетов государственной экономической политики в несырьевом экспорте, а также базовой специализации регионов в экспорте должно фокусироваться в следующих направлениях:

- продукция машиностроения, на которой специализируются 38 субъектов РФ; в рамках данного направления необходимо сделать акцент на развитии электромобилестроения, что связано как с разработкой компонентной базы и комплектующих, так и с реализацией проектов в данной сфере; в целом для достижения общемирового уровня значению требуется почти пятикратное

увеличение объемов производимой продукции машиностроения в общем объеме стоимости российского экспорта; это потребует серьезных структурных преобразований в экономике и разработки стратегических решений в машиностроительной отрасли;

- фармацевтика и продукция из пластмассы входят в сегмент экспорта «товары химической отрасли», выступающий экспортной специализацией для 37 субъектов РФ; производство фармацевтической продукции, например, может включать в себя длительные процессы, связанные с исследованием и разработкой, сертификацией и, в некоторых случаях, защитой прав интеллектуальной собственности; вместе с тем изготовление изделий из пластмассы требует меньших трудозатрат и более экономично в производстве, что позволяет увеличивать объем реализуемой продукции за краткосрочный и среднесрочный период и создает возможности для расширения рынков сбыта;

- изделия из черных металлов, изделия из алюминия относятся к сегменту экспорта «продукция металлургической промышленности», на них специализируется 26 регионов; в целом изготовление несырьевых товаров по этому направлению требует формирования условий для стимулирования развития металлообработки на принципиально новой базе, соответствующей современным международным стандартам;

- мебель относится к сегменту экспорта «материалы и товары из древесины, целлюлозно-бумажная продукция», на ней сделан акцент при осуществлении экспортной деятельности в 44 регионах; это приводит к необходимости повышения конкурентных позиций мебельной промышленности на мировом рынке за счет требований к сертификации продукции;

- одежда не является специализацией в экспортной деятельности в субъектах РФ, но при этом на мировой арене это один из растущих рынков экспорта; стоит рассматривать производство одежды как одно из потенциальных направлений для российского экспорта; в России развитие в регионах текстильного и швейного производства

в основном связано с внутренним рынком; ключевыми регионами-производителями данной продукции являются Москва, Санкт-Петербург, Ивановская область, Самарская область, Ульяновская область, Волгоградская область, Алтайский край, Республика Чувашия;

– продукция агропродовольственной сферы и с/х сырье по доле стоимости в мировой торговле не входят в первый круг экспортных позиций, но при этом по ряду товаров имеют также уверенный рост в интервале 104–115%: подсолнечное масло, соевое масло, шоколадные и кондитерские изделия; на продовольственных товарах и с/х сырье сделан акцент при осуществлении экспортной деятельности в 47 регионах, однако требуются дальнейшее увеличение объемов и поиск новых рынков для обеспечения наращивания российского несырьевого экспорта.

Заключение

В ходе исследования для достижения цели были решены пять задач. В рамках первой проведен анализ научной литературы и обосновано, что выявление характеристик экспортной деятельности территорий возможно через оценку различных индикаторов, отражающих экспортную специализацию регионов. В исследовании используется подход В. Balassa для анализа сравнительных преимуществ территорий в международной торговле с учетом оценки отраслевой направленности их экспорта.

В результате решения второй задачи на основе предложенного подхода к оценке специализации экспортной деятельности территории, базирующегося на работах В. Balassa, удалось определить, что товары топливно-энергетического комплекса составляют 60,6% от всех объемов российских поставок, на их экспорте специализируются 9 регионов. Вместе с тем продукция машиностроения, которая достигает 7,4% совокупных объемов экспорта, выступает в качестве специализации для 38 субъектов. В 47 регионах сделан акцент на экспорте продукции агропродовольственной сферы и с/х сырья. Материалы и товары из древесины,

целлюлозно-бумажная продукция являются специализацией в экспорте 44 регионов. В 37 субъектах РФ в качестве экспортной специализации выступают товары химической отрасли. Продукция металлургической промышленности получила распространение в экспорте 26 регионов. Также определено, что регион может иметь несколько базовых специализаций или не иметь выраженной специализации в экспорте, но быть экспортно ориентированным в одном из 6 сегментов. Например, продукция агропродовольственной сферы и с/х сырье – в 6 субъектах, товары химической отрасли – в 4 регионах, материалы и товары из древесины, целлюлозно-бумажная продукция – в 1 субъекте, продукция металлургической промышленности – в 6 субъектах, машиностроительная продукция – в 10 субъектах.

Итогом решения третьей задачи стало определение направлений развития экспортной деятельности субъектов РФ с учетом тенденций на глобальном экспортном рынке (доля в стоимости мирового экспорта товаров, %), а также усиления товарных позиций несырьевого сектора в мировой торговле. Это позволило выделить 7 перспективных отраслевых направлений для развития экспорта регионов: продукция машиностроения (с упором на электромобилестроение, что имеет наибольший рост в мировом экспорте); фармацевтическая продукция; мебель и прочие товары; текстильные изделия (одежда); изделия из пластмассы; изделия из алюминия; изделия из черных металлов.

Резюмируя, стоит еще раз подчеркнуть, что развитие экспортной деятельности субъектов РФ и, как следствие, усложнение экспорта должно предопределяться путем реализации проектов в сфере среднетехнологических и высокотехнологических производств. Однако экспортная деятельность российских регионов в 2021 году оставалась в большей степени ориентированной на поставки сырья и материалов топливно-энергетического комплекса, а также полуфабрикатов химии, черной и цветной металлургии, продукции с/х сырья (злаки). Сохранение подобной структуры экспорта может негативно ска-

заться на реализации инвестиционных проектов в регионах. В то время как изменения структуры экономики могут сопровождаться противоположными результатами, которые заключаются в минимизации высоких рисков для региональной экономики, а также в обеспечении высокой устойчивости экономики территорий к кризисным явлениям. Также это будет способствовать увеличению поступлений в бюджет, расширению участия регионов в экспортной деятельности, более сбалансированному и эффективному росту внешнеторговых связей.

Исследование вносит вклад в развитие экономической науки и практики в части разработки подхода к оценке экспортной деятельности территорий. В качестве на-

учной новизны выступает подход к оценке экспортной деятельности территорий, который позволяет определить «экспортный профиль» региона. С его помощью можно обозначить экспортный вклад каждого промышленного сектора и его отраслевую направленность в регионе, а также выделить приоритеты развития экспортной деятельности как источника для роста экономики территорий. Практическая значимость исследования связана с выделением направлений экспортной деятельности субъектов РФ.

Представленные результаты будут полезны как специалистам в сфере внешнеэкономической деятельности, так и научным работникам, занимающимся исследованием в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

- Абалкин Л.И. (2002). Логика экономического роста. Москва: Институт экономики РАН. 228 с.
- Андреева Е.Л., Красных С.С., Ратнер А.В. (2024). Методика оценки неоиндустриальной экспортной специализации регионов // Российский внешнеэкономический вестник. № 5. С. 25–35. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2021-5-25-35>
- Андреева Е.Л., Линецкий А.Ф., Тарасов А.Г. (2021). Особенности внешнеторговой деятельности России и ее регионов в условиях обострения геополитической ситуации // Теория и практика общественного развития. № 5. С. 54–60. DOI: [10.24158/tpor.2021.5](https://doi.org/10.24158/tpor.2021.5)
- Андреева Е.Л., Тарасов А.Г., Ратнер А.В. (2019). Типологизация институциональных факторов поддержки внешнеэкономической деятельности региона // Журнал экономической теории. Т. 16. № 4. С. 758–769. DOI: [10.31063/2073-6517/2019.16-4.12](https://doi.org/10.31063/2073-6517/2019.16-4.12)
- Балакирев В.В. (2024). Необходимые и достаточные условия при экспортных поставках // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 103–110. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2021-3-103-110>
- Валяева Е.С. (2024). Региональные особенности внешнеэкономической деятельности в современных условиях // Российский внешнеэкономический вестник. № 7. С. 122–133.
- Гладков И.С. (2022). Внешнеторговые связи Российской Федерации: новый поворот // Власть. Т. 30. № 1. С. 116–122.
- Глазьев С.Ю. (2015). О неотложных мерах по укреплению экономической безопасности России и выводу российской экономики на траекторию опережающего развития. Москва: Институт экономических стратегий, Русский биографический институт. 60 с.
- Глазьев С.Ю. (2016). Экономика будущего. Есть ли у России шанс? («Коллекция Изборского клуба»). Москва: Книжный мир. 640 с.
- Гулин К.А., Мазилев Е.А., Кремин А.Е., Теребова С.В., Якушев Н.О. (2017). Малое предпринимательство в экономике территорий: монография / под науч. рук. К.А. Гулина. Вологда: ФГБУН ВолНИЦ РАН. 128 с.
- Гулин К.А., Якушев Н.О., Мазилев Е.А. (2018). Активизация экономического роста в регионах РФ на основе стимулирования развития несырьевого экспорта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11. № 3. С. 57–70. DOI: [10.15838/esc.2018.3.57.4](https://doi.org/10.15838/esc.2018.3.57.4)
- Изотов Д.А. (2021). Влияние торговых мегаформатов в АТР на российский экспорт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 1. С. 41–55. DOI: [10.15838/esc.2021.1.73.4](https://doi.org/10.15838/esc.2021.1.73.4)

- Карачев И.А., Виноградова Д.Е. (2024). Экспортная конкурентоспособность регионов Российской Федерации // Российский внешнеэкономический вестник. № 6. С. 7–19. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2020-00057>
- Королев В.И., Королева Е.Н. (2024). Разработка экспортной стратегии компании // Российский внешнеэкономический вестник. № 11. С. 54–64.
- Кузнецова Г., Цедилин Л. (2018). Стимулирование несырьевого экспорта: международный опыт и российская практика // Мировая экономика и международные отношения. № 5 (62). С. 72–79. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-72-79>
- Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. (2019). Локализация зарубежного производства как инструмент развития экспортной базы РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 3. С. 24–38. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2
- Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. (2020). Влияние внешнеэкономической деятельности на региональное развитие: компаративный анализ российского и зарубежного опыта // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 6. С. 54–67. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.3
- Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Тарасов А.Г. (2022). Оценка внешнеэкономического потенциала региона в условиях санкций // Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН. С. 518–531.
- Медведев П.М. (2007). Факторы эффективности экспорта российских предприятий // Регион. № 2. С. 64–82.
- Оболенский В.П. (2024). Внешняя торговля России: содействие процессам воспроизводства // Российский внешнеэкономический вестник. № 9. С. 7–22. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2019-00001>
- Орлова Г.А., Зеленюк А.Н., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В. (2024). Государственная поддержка экспортеров // Российский внешнеэкономический вестник. № 3. С. 33–45.
- Отмахова Ю.С., Усенко Н.И., Девяткин Д.А., Сонгкассири В. (2019). Оценка экспортного потенциала страны с учетом глобального спроса на мировом рынке продовольствия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 4. С. 104–122. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.7
- Портер М. (2016). Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран. Москва: Альпина Паблишер. 947 с.
- Проблемы формирования и реализации социально-экономического потенциала развития территорий (2018): монография / кол. авт.; под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, К.А. Гулина, Т.В. Усковой, О.Н. Калачиковой. Вологда: ВолНЦ РАН. 386 с.
- Селиверстов В.Е. (2009). Новое позиционирование Сибири в контексте реализации долгосрочной стратегии, направленной на закрепление населения макрорегиона // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Социально-экономические науки. Т. 9. Вып. 4. С. 231–235.
- Смирнов Е.Н. (2024). Международная торговля: вызовы современных геополитических конфликтов // Международная торговля и торговая политика. № 10 (1). С. 20–35. DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-20-35>
- Сычева К.Г. (2024). Торговое сотрудничество России: формирование стратегического партнерства в условиях санкций // Международная торговля и торговая политика. № 10 (1). С. 144–162. DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-144-162>
- Татаркин А.И., Куклин А.А. (2012). Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона // Экономика региона. № 2. С. 25–39.
- Ускова Т.В., Лукин Е.В., Воронцова Т.В., Смирнова Т.Г. (2013). Проблемы экономического роста территории. Вологда: ИСЭРТ РАН. 170 с.
- Чеплинские И.Р., Лукин Е.В. (2024). Особенности экспортной специализации регионов СЗФО в рамках концепции экономической сложности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 17. № 2. С. 81–95. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.4

- Шамова Е.А., Мыслякова Ю.Г. (2024). Оценка уровня диверсификации экспорта регионов России // *Российский внешнеэкономический вестник*. № 9. С. 33–45.
- Якушев Н.О. (2020). Совершенствование инструментов оценки и управления экспортной деятельностью МСП в регионе // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 3. С. 143–157. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.10
- Acikdilli G., Mintu-Wimsatt A., Kara A., Spillan J.E. (2022). Export market orientation, marketing capabilities and export performance of SMEs in an emerging market: A resource-based approach. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 4 (30), 526–541.
- Adedoyin F.F., Afolabi J.O., Yalçiner K., Bekun F.V. (2022). The export-led growth in Malaysia: Does economic policy uncertainty and geopolitical risks matter? *Journal of Public Affairs*, 1 (22).
- Adewumi O.M., Lien G., Mydland O. (2023). Optimizing effects of firms' technological and non-technological processes on export-led innovation. *Economics of Innovation and New Technology*, 1–23.
- Balassa B. (1965). Trade liberalization and 'revealed' comparative advantage. *The Manchester School of Economic and Social Studies*, 33, 99–123.
- Balassa B., Noland M. (1989). "Revealed" comparative advantage in Japan and the United States. *Journal of International Economic Integration*, 8–22.
- Cieślak A., Michałek J.J., Szczygielski K. (2024). Direct versus indirect exports in post-communist Europe and central Asia: The role of innovation activities and internationalization. *Eastern European Economics*, 1 (62), 1–17.
- Elia S., Giuffrida M., Mariani M.M., Bresciani S. (2021). Resources and digital export: An RBV perspective on the role of digital technologies and capabilities in cross-border e-commerce. *Journal of Business Research*, 132, 158–169.
- Estrin S., Mickiewicz T.M., Stephan U., Wright M. (2019). Entrepreneurship in emerging markets. *The Oxford Handbook of Management in Emerging Markets*. Oxford University Press, 4, 457–494.
- Ha V., Holmes M.J., Hassan G. (2020). Does foreign investment benefit the exporting activities of Vietnamese firms? *The World Economy*, 6 (43), 1619–1646.
- Helmers C., Pasteels J.-M. (2006). *Assessing Bilateral Trade Potential at the Commodity Level: An Operational Approach*. Geneva: International Trade Center, 69–88.
- Juliansyah H., Ganesha Yu., Ichsan I., Nailufar F., Terfiadi S.Yu. (2022). Effect of export import and investment on economic growth in Indonesia (VECM Analysis Method). *Journal of Malikussaleh Public Economics*, 1 (5), 16–32.
- Kabir P., Matray A., Muller K., Xu Ch. (2024). EXIM's exit: The real effects of trade financing by export credit agencies. *National Bureau of Economic Research*, w32019. DOI: 10.3386/w32019
- Ketels C. (2015). What is regional strategy? *Strategies for Shaping Territorial Competitiveness*, 37–54.
- Lee J., Habte-Giorgis B. (2004). Empirical approach to the sequential relationships between firm strategy, export activity, and performance in US manufacturing firms. *International Business Review*, 1 (13), 101–129.
- Nasim E.S., Gunawijaya J.M. (2021). The export potential of tobacco industry and Indonesian tobacco products. *Jurnal Ilmiah Manajemen Dan Bisnis*, 1 (7), 1–35.
- Paravisini D., Rappoport V., Schnabl P. (2023). Specialization in bank lending: Evidence from exporting firms. *The Journal of Finance*, 4 (78), 2049–2085.
- Peters B., Roberts M.J., Vuong V.A. (2022). Firm R&D investment and export market exposure. *Research Policy*, 10 (51).
- Singh V.K., Gautam A. (2022). Investigating the relationship between export antecedents and export performance of handloom industry. *FIIB Business Review*, 23197145221082853.
- Triyawan A., Latifa H., Seriki L.L., Alfaqeeh A. (2021). Influence of export and import toward economic growth in Canada in 2010–2019. *Fokus Ekonomi: Jurnal Ilmiah Ekonomi*, 2 (16), 341–355.

Yang C.H., Chen J.R., Chuang W.B. (2004). Technology and export decision. *Small Business Economics*, 22, 349–364.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Олегович Якушев – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: nilrus@yandex.ru)

Yakushev N.O.

ASSESSMENT AND DIRECTIONS OF EXPORT ACTIVITIES OF THE RF CONSTITUENT ENTITIES

The economic scientific literature considers export activity as one of the sources of economic growth of territories, one of the key guidelines for achieving the national goal of “sustainable and dynamic economy” in Russia. The development of export activity is associated with its assessment in the territorial context, identification of trends in the export structure. In turn, the assessment of export activity is based on methodological approaches that differ depending on the consideration of quantitative and qualitative indicators of export. In this regard, the study is aimed at developing and testing a methodological approach to the assessment of export activity of territories, the application of which allows determining the directions of its development in the regional context. The article presents the results of the analysis of Russian and foreign scientific research concerning the allocation of characteristics of export activity, determination of its influence on regional economic development. The paper presents the typology of the RF constituent entities on the basis of the developed approach to the assessment of export activity, based on the results of the analysis of scientific literature and the works of B. Balassa. We present regional specialization in terms of product exports. We analyze export activity in the sectoral and regional context. We developed proposals concerning the directions of export activity of the RF constituent entities. The scientific novelty of the study lies in the development and testing of the approach to the assessment of export activity of territories, which makes it possible to determine the “export profile” of the region. With its help, it is possible to identify the export contribution of each industrial sector and its sectoral orientation in the region, as well as to highlight the priorities for the development of export activities as a source of economic growth of territories. The presented results will be useful for both specialists in the sphere of foreign economic activity and researchers engaged in research in this area.

Assessment, territory, region, export activities, export specialization, destinations, development.

REFERENCES

- Abalkin L.I. (2002). *Logika ekonomicheskogo rosta* [The Logic of Economic Growth]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Acikdilli G., Mintu-Wimsatt A., Kara A., Spillan J.E. (2022). Export market orientation, marketing capabilities and export performance of SMEs in an emerging market: A resource-based approach. *Journal of Marketing Theory and Practice*, 4(30), 526–541.
- Adedoyin F.F., Afolabi J.O., Yalçiner K., Bekun F.V. (2022). The export-led growth in Malaysia: Does economic policy uncertainty and geopolitical risks matter? *Journal of Public Affairs*, 1(22).
- Adewumi O.M., Lien G., Mydland O. (2023). Optimizing effects of firms’ technological and non-technological processes on export-led innovation. *Economics of Innovation and New Technology*, 1–23.

- Andreeva E.L., Krasnykh S.S., Ratner A.V. (2024). Measuring neo-industrial export specialization of regions. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 5, 25–35. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2021-5-25-35> (in Russian).
- Andreeva E.L., Linetsky A.F., Tarasov A.G. (2021). The features of foreign trade activities of Russia and its regions under conditions of the aggravating geopolitical situation. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya=Theory and Practice of Social Development*, 5, 54–60. DOI: 10.24158/tipor.2021.5 (in Russian).
- Andreeva E.L., Tarasov A.G., Ratner A.V. (2019). Typology of institutional factors supporting the foreign economic activity of a region. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii=Russian Journal of Economic Theory*, 16(4), 758–769. DOI: 10.31063/2073-6517/2019.16-4.12 (in Russian).
- Balakirev V.V. (2024). Necessary and sufficient conditions for export operations. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 3, 103–110. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2021-3-103-110> (in Russian).
- Balassa B. (1965). Trade liberalization and ‘revealed’ comparative advantage. *The Manchester School of Economic and Social Studies*, 33, 99–123.
- Balassa B., Noland M. (1989). “Revealed” comparative advantage in Japan and the United States. *Journal of International Economic Integration*, 8–22.
- Cheplinskite I.R., Lukin E.V. (2024). Characterizing export specialization of Northwestern Federal District regions within the framework of the economic complexity concept. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17(2), 81–95. DOI: 10.15838/esc.2024.2.92.4 (in Russian).
- Cieślík A., Michałek J.J., Szczygielski K. (2024). Direct versus indirect exports in post-communist Europe and central Asia: The role of innovation activities and internationalization. *Eastern European Economics*, 1(62), 1–17.
- Elia S., Giuffrida M., Mariani M.M., Bresciani S. (2021). Resources and digital export: An RBV perspective on the role of digital technologies and capabilities in cross-border e-commerce. *Journal of Business Research*, 132, 158–169.
- Estrin S., Mickiewicz T.M., Stephan U., Wright M. (2019). Entrepreneurship in emerging markets. *The Oxford Handbook of Management in Emerging Markets*. Oxford University Press, 4, 457–494.
- Gladkov I.S. (2022). Foreign trade relations of the Russian Federation: A new turn. *Vlast'*, 30(1), 116–122 (in Russian).
- Glaz'ev S.Yu. (2015). *O neotlozhnykh merakh po ukrepleniyu ekonomicheskoi bezopasnosti Rossii i vyvodu rossiiskoi ekonomiki na traektoriyu operezhayushchego razvitiya* [On Urgent Measures to Strengthen Russia's Economic Security and Put the Russian Economy on a Trajectory of Advanced Development]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategii, Russkii biograficheskii institut.
- Glaz'ev S.Yu. (2016). *Ekonomika budushchego. Est' li u Rossii shans? (“Kolleksiya Izborskogo kluba”)* [The Economy of the Future. Does Russia Have a Chance? (“Izborsk Club Collection”)]. Moscow: Knizhnyi mir.
- Gulin K.A., Mazilov E.A., Kremin A.E., Terebova S.V., Yakushev N.O. (2017). *Maloe predprinimatel'stvo v ekonomike territorii: monografiya* [Small Business in the Economy of Territories: Monograph]. Vologda: FGBUN VolNTs RAN.
- Gulin K.A., Yakushev N.O., Mazilov E.A. (2018). Promoting economic growth in regions of the Russian Federation by boosting the development of non-resource-based exports. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 11(3), 57–70. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.4 (in Russian).
- Ha V., Holmes M.J., Hassan G. (2020). Does foreign investment benefit the exporting activities of Vietnamese firms? *The World Economy*, 6(43), 1619–1646.
- Helmets C., Pasteels J.-M. (2006). *Assessing Bilateral Trade Potential at the Commodity Level: An Operational Approach*. Geneva: International Trade Center.

- Ilyin V.A., Shabunova A.A., Gulin K.A., Uskova T.V., Kalachikova O.N. (Eds.). (2018). *Problemy formirovaniya i realizatsii sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala razvitiya territorii: monografiya* [Problems of Formation and Realization of Socio-Economic Potential of Territorial Development: Monograph]. Vologda: VolRC RAS.
- Izotov D.A. (2021). Impact of trade mega-formats in the APR on Russian export. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(1), 41–55. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.4 (in Russian).
- Juliansyah H., Ganesha Yu., Ichsan I., Nailufar F., Terfiadi S.Yu. (2022). Effect of export import and investment on economic growth in Indonesia (VECM Analysis Method). *Journal of Malikussaleh Public Economics*, 1(5), 16–32.
- Kabir P., Matray A., Muller K., Xu Ch. (2024). EXIM's exit: The real effects of trade financing by export credit agencies. *National Bureau of Economic Research*, w32019. DOI: 10.3386/w32019
- Karachev I.A., Vinogradova D.E. (2024). Export competitiveness of Russian regions. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 6, 7–19. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2020-00057> (in Russian).
- Ketels C. (2015). What is regional strategy? *Strategies for Shaping Territorial Competitiveness*, 37–54.
- Korolev V.I., Koroleva E.N. (2024). Developing company's export strategy. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 11, 54–64 (in Russian).
- Kuznetsova G., Tsedilin L. (2018). Non-primary export promotion: International experience and Russian practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya=MEMO Journal*, 5(62), 72–79. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-5-72-79> (in Russian).
- Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. (2019). Localization of foreign production as a tool to develop the export base of the Russian Federation. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(3), 24–38. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2 (in Russian).
- Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. (2020). The impact of foreign economic activity on regional development: Comparative analysis of Russian and foreign experience. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(6), 54–67. DOI: 10.15838/esc.2020.6.72.3 (in Russian).
- Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V., Tarasov A.G. (2022). Assessment of the region's foreign economic potential in the context of sanctions. In: *Riski i vozmozhnosti razvitiya regionov Rossii v usloviyakh sanktsionnogo davleniya* [Risks and Opportunities for the Development of Russia's Regions under Sanctions Pressure]. Yekaterinburg: Institut ekonomiki UrO RAN (in Russian).
- Lee J., Habte-Giorgis B. (2004). Empirical approach to the sequential relationships between firm strategy, export activity, and performance in US manufacturing firms. *International Business Review*, 1(13), 101–129.
- Medvedev P.M. (2007). Factors of export efficiency of Russian enterprises. *Region*, 2, 64–82 (in Russian).
- Nasim E.S., Gunawijaya J.M. (2021). The export potential of tobacco industry and Indonesian tobacco products. *Jurnal Ilmiah Manajemen Dan Bisnis*, 1(7), 1–35.
- Obolenskii V.P. (2024). Russia's foreign trade: Promoting reproduction processes. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 9, 7–22. DOI: <https://doi.org/10.24412.2072-8042-2019-00001> (in Russian).
- Orlova G.A., Zelenyuk A.N., Savinov Yu.A., Taranovskaya E.V. (2024). State support of exporters. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 3, 33–45 (in Russian).
- Otmakhova Yu.S., Usenko N.I., Devyatkin D.A., Songkasiri V. (2019). Assessing export potential of the country in the context of global demand in the world food market. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(4), 104–122. DOI: 10.15838/esc.2019.4.64.7 (in Russian).

- Paravisini D., Rappoport V., Schnabl P. (2023). Specialization in bank lending: Evidence from exporting firms. *The Journal of Finance*, 4(78), 2049–2085.
- Peters B., Roberts M.J., Vuong V.A. (2022). Firm R&D investment and export market exposure. *Research Policy*, 10(51).
- Porter M. (2016). *Mezhdunarodnaya konkurentsia. Konkurentnye preimushchestva stran* [International Competition. Competitive Advantages of Countries]. Moscow: Al'pina Publisher.
- Seliverstov V.E. (2009). New positioning of Siberia in the context of implementing a long-term strategy aimed at securing the population of the macro-region. *Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta. Ser.: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*, 9(4), 231–235 (in Russian).
- Shamova E.A., Myslyakova Yu.G. (2024). Assessment of export diversification in Russian regions. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik=Russian Foreign Economic Journal*, 9, 33–45 (in Russian).
- Singh V.K., Gautam A. (2022). Investigating the relationship between export antecedents and export performance of handloom industry. *FIIB Business Review*, 23197145221082853.
- Smirnov E.N. (2024). International trade: Challenges of modern geopolitical conflicts. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika=International Trade and Trade Policy*, 10(1), 20–35. DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-20-35> (in Russian).
- Sycheva K.G. (2024). Russian trade cooperation: Forming a strategic partnership in the context of sanctions. *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika=International Trade and Trade Policy*, 10(1), 144–162. DOI: <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2024-1-144-162> (in Russian).
- Tatarkin A.I., Kuklin A.A. (2012). Changing the paradigm of region's economic security research. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 2, 25–39 (in Russian).
- Triyawan A., Latifa H., Seriki L.L., Alfaqeeh A. (2021). Influence of export and import toward economic growth in Canada in 2010–2019. *Fokus Ekonomi: Jurnal Ilmiah Ekonomi*, 2(16), 341–355.
- Uskova T.V., Lukin E.V., Vorontsova T.V., Smirnova T.G. (2013). *Problemy ekonomicheskogo rosta territorii* [Problems of Economic Growth of the Territory]. Vologda: ISERT RAN.
- Valyaeva E.S. (2024). Regional features of foreign economic activity in modern conditions. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik*, 7, 122–133 (in Russian).
- Yakushev N.O. (2020). Improving the tools for assessing and managing export activities of SMEs in the region. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(3), 143–157. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.10 (in Russian).
- Yang C.H., Chen J.R., Chuang W.B. (2004). Technology and export decision. *Small Business Economics*, 22, 349–364.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai O. Yakushev – Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: nilrus@yandex.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.6

УДК 332.146.2:[338.49:36] | ББК 65.9-962:65.207.2

© Сычева И.В., Сычева Н.А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРИНЦИПОВ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ НА ОБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНОВ

ИРИНА ВИКТОРОВНА СЫЧЕВА

Тульский государственный университет

Тула, Российская Федерация

e-mail: sychova15@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3074-2684

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВНА СЫЧЕВА

Тульский государственный университет

Тула, Российская Федерация

e-mail: sychova15@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3909-6479

Проблема разработки методологии устойчивого развития территорий и хозяйствующих субъектов, позволяющего улучшить качество жизни людей за счет изменения отношения к управлению природным, экономическим и человеческим капиталом, остро стоит на повестке дня. Исследование эволюции методологии устойчивого развития показало, что постепенно происходит формирование различных методических инструментов для оценки этого процесса на уровне компаний, регионов и городов. Наибольшая работа учеными и практиками на сегодняшний день проведена в сфере ESG-рейтингования бизнес-компаний. Однако этого нельзя сказать об исследованиях по оценке устойчивости развития второго крупного сегмента национальной экономики – учреждений социальной сферы. Разработка научного подхода к решению данной проблемы с позиции ESG-концепции и стала целью проведенного исследования. За основу были взяты данные ESG-рейтингования регионов и городов, проводимого различными российскими экспертными агентствами, в котором объектами изучения выступают, в том числе, отдельные сегменты

Для цитирования: Сычева И.В., Сычева Н.А. (2024). Методологические аспекты распространения принципов устойчивого развития на объекты социальной инфраструктуры регионов // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 81–98. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.6

For citation: Sycheva I.V., Sycheva N.A. (2024). Methodological aspects of extending the sustainable development principles to the objects of regional social infrastructure. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 81–98. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.6

социальной инфраструктуры. Однако в ходе анализа результатов рейтингования выявлена невозможность их сопоставления, что связано с использованием различными агентствами собственных алгоритмов, включающих различные технологии оценки, критериальные блоки и показатели. Поэтому авторами посредством критического анализа ESG-рейтингования регионов было произведено выделение S-компоненты и предложена авторская методика оценки устойчивого развития социальной инфраструктуры регионов в рамках совокупного и внутриотраслевого ранжирования. В ее основу были положены выделенные общие оценочные показатели рейтинговых агентств, дополненные другими индикаторами, имеющими значимость с позиции авторов. Практическая апробация методики позволила выполнить оценку устойчивости развития социальной инфраструктуры четырех классических отраслей в 18 субъектах Центрального федерального округа и провести их ранжирование по совокупной оценке. Результаты исследования представляют интерес для федеральных и региональных профильных ведомств в части формирования основных положений бюджетной социальной политики и определения приоритетов устойчивого развития социальной инфраструктуры регионов.

Устойчивое развитие, ответственный бизнес, социальная инфраструктура, ESG, ЭКГ-концепции, рейтингование.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта ректора ФГБОУ ВО «Тульский государственный университет» для поддержки молодых ученых № ФУМ/24/01/ГРР от 01.03.2024.

Постановка проблемы

В конце XIX – начале XX века человечество сделало выбор в пользу техногенного типа развития экономики, которому присуще интенсивное потребление природных ресурсов без их должного возобновления, что постепенно породило кислотные дожди, загрязнение водных ресурсов, снижение углеродного слоя Земли, истребление почвы, лесов, растений, животных, пчел, птиц, рыб, насекомых и других представителей флоры и фауны и в конечном итоге привело к глобальным изменениям климата. В связи с этим в последние десятилетия в мировом сообществе началось осознание места и огромной роли природы в жизни человечества, активизировалась деятельность по ее сохранению. Появилось множество новых понятий, выражающих те или иные аспекты этого процесса: социально ориентированная экономика, зеленая экономика, цикличная экономика, устойчивое развитие, принципы концепции ESG и др.

Всеобъемлющим среди них является понятие «устойчивое развитие». Оно родилось в 1972 году на дискуссионной площадке

Римского клуба, международной общественной организации, где известными политиками, чиновниками, бизнесменами и учеными началось обсуждение глобальных проблем загрязнения планеты и голода с целью привлечения к ним внимания мировой общественности¹. Большой резонанс получил доклад Д. Медоуза, разработанный группой исследователей Массачусетского технологического института и опубликованный в 1972 году, в котором в пяти сценариях из двенадцати возможных было представлено будущее катастрофическое положение планеты в связи с избыточным ростом потребления.

За прошедшие 50 лет под эгидой ООН постепенно стала формироваться общемировая методология устойчивого развития планеты, которая в своей эволюции прошла ряд этапов (рис. 1). Определение это понятие получило в 1987 году в докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» (доклад комиссии Г.Х. Брундтланд).

Под устойчивым развитием стали понимать такое развитие общества, которое

¹ The club of Rome. URL: <https://www.clubofrome.org>

Рис. 1. Этапы развития методологии устойчивого развития планеты

Источник: составлено авторами.

удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности (Kiprizli, 2022). В разных странах на разных континентах стали проводиться экологические, экономические, математические, социальные и другие научные исследования по тем или иным аспектам устойчивого развития (Аврора, 2018; Сунцов, 2018; Сабина и др., 2020; Константиныди и др., 2023; Маташева и др., 2023; Tausch, 2013; Bobylev et al., 2022), что привело к разработке содержания национальных стратегий устойчивого развития, содержащих цели, задачи и критериальные показатели в сфере экологической, социальной и корпоративной политики во многих странах мира, включая Россию.

Несмотря на то, что в 1990-е гг. в России наблюдалась высокая турбулентность в обществе и в экономике, и речь шла о вопросах выживания, первый нормативно-правовой акт по устойчивому развитию был утвержден Указом Президента РФ Б.Н. Ельцина еще в 1994 году², а через два года правительство страны представило Концепцию перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (далее – Концепция 1996), утвержденную последующим Указом Президента РФ³.

Хотя многие зарубежные (например, Holden et al., 2016; Long, 2022) и отечественные (например, Шешуков, 2023) исследователи придерживаются формулировки понятия «устойчивое развитие» комиссии Г.Х. Брундтланд, именно в Концепции 1996 года содержится, по мнению

² О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития: Указ Президента РФ от 4 февраля 1994 г. № 236.

³ О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 1440.

С.Н. Бобылева⁴, наиболее полное толкование этого термина В ней сказано: «...Устранение сложившихся противоречий возможно только в рамках стабильного социально-экономического развития, не разрушающего своей природной основы»⁵. Поэтому целевым вектором устойчивого развития, на наш взгляд, выступает обеспечение высокого качества жизни населения при минимальном потреблении ресурсов и минимизации формируемых жизнедеятельностью людей перерабатываемых промышленных и бытовых отходов.

Реально российское государство активизировало политику устойчивого развития после подписания в декабре 2015 года наряду со 191 страной Парижского соглашения об изменении климата⁶. По инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина был принят и реализуется с 2019 года ряд национальных проектов, касающихся в той или иной степени устойчивого развития страны, в том числе социальной сферы: «Экология», «Образование», «Здравоохранение», «Жилье и городская среда»⁷, а с 2024 года – «Продолжительная и активная жизнь» и «Кадры»⁸. В них определены мероприятия и источники финансирования для повышения качества жизни людей в рамках реализации целей устойчивого развития страны.

Второй стороной процесса активизации сохранения эколого-социального равновесия становятся субъекты предпринимательской деятельности. Среди них выделяются экспортно ориентированные компании, которые в силу сложившейся в деловом мире политики зеленой и социально ориентированной экономики вынуждены соблюдать определенные экологические требования, предъявляемые к технологиям производства

продуктов, самим продуктам в процессе их использования, в том числе к упаковкам, а также к своему социальному позиционированию в местах присутствия. Это позволяет бизнесу понимать, что при дополнительных расходах на реализацию таких экологических мероприятий он выигрывает в повышении своего положительного имиджа со стороны ключевых стейкхолдеров, в том числе государства, покупателей, инвесторов, кредиторов и др. В качестве примера можно привести эколого и социально ориентированную деятельность тульской компании ОХК «Щекиноазот», поставляющей в больших объемах химическую продукцию не только на внутренний, но и на внешний рынок. В 2016–2022 гг. ее природоохранные и социальные расходы составили 2 млрд 533 млн руб. Компания проводит широкую социальную политику, софинансируя из прибыли содержание объектов ведомственной и муниципальной социальной инфраструктуры (районной больницы и сельских ФАПов, городских скверов и парков, спортивных и других объектов). При этом объем образования отходов производства в компании сократился на 31%; выбросы вредных веществ в атмосферный воздух были снижены более чем на 20%, водопотребление речной воды – на 51%; водоотведение – на 25%, сброс в водные объекты – почти на 28%⁹.

С целью привлечения внимания к социально-эколого-ориентированным компаниям и регионам в мире и в России предпринимаются попытки количественной оценки уровня их устойчивого развития. В качестве основного метода оценки с 2019 года применяется рейтингование критериев ESG, т. е. критериев, оценивающих по уровню количественных и качественных показателей достижение целей устойчивого раз-

⁴ Бобылев С.Н. (2021). Экономика устойчивого развития: учебник. Москва: Кнорус. 672 с.

⁵ О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 1440.

⁶ О подписании Парижского соглашения, принятого 12 декабря 2015 г. 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата: Распоряжение Правительства РФ от 14 апреля 2016 г. № 670-р.

⁷ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204.

⁸ В России запустят пять новых нацпроектов. URL: <https://rg.ru/2024/03/03/v-etom-plane.html>

⁹ ОХК «Щекиноазот». URL: <http://n-azot.ru> (дата обращения 20.04.2024).

Таблица 1. Поле рейтингов ESG в России

Рейтинговое агентство	Объекты рейтингования			Начало публикаций, год
	регионы	города	компании	
1. Рейтинговое агентство «Национальные кредитные рейтинги» и РБК	-	-	+	2022
2. Рейтинговое агентство «Эксперт РА»	+	+	+	2018
3. Рейтинговое агентство «АК&М»	-	-	+	2022
4. Аналитическое кредитное рейтинговое агентство «АКРА»	-	-	+	2021
5. Национальное рейтинговое агентство «НРА»	+	+	+	2021
6. Российский союз промышленников и предпринимателей	-	-	+	2014
7. Российская государственная корпорация развития ВЭБ.РФ и Сбер	+	+	-	2023
8. НКО «Фонд защиты окружающей среды – Экофон»	+	-	-	2022
9. Рейтинговое агентство «SGM»	+	+	-	2014
10. Рейтинговое агентство «Инфрагрин»	+	+	+	2022

Составлено по: данные рейтинговых агентств.

вития субъекта в срезе трех компонент: воздействие на состояние окружающей среды (E – Environment), качество проведения социальной политики (S – Social) и эффективность корпоративного управления (G – Governance). В России рейтингование ESG ведут на трех уровнях: субъектов Федерации, городов и бизнес-компаний. При этом, как показал анализ, на каждом уровне работают разные рейтинговые агентства. В табл. 1 представлена информация о крупных рейтинговых агентствах и субъектах их рейтинговой оценки.

Только три агентства из представленных осуществляют оценку ESG-рейтингов в объектах всех трех уровней. Деятельность других локализована в объектах одного-двух уровней. Агентство «Инфрагрин» занимает особое место в системе рейтингования, аккумулируя результаты исследований других агентств. Основная часть рейтинговых агентств анализирует и ранжирует соблюдение принципов ESG только в крупных компаниях. И это не случайно, поскольку в последние годы инвесторы, выбирая для своих вложений компании, ориентируются, в том числе, на высокий рейтинг соблюдения ими принципов ESG. Подробный анализ мировой и отечественной практик применения ESG-критериев в оценке компаний приведен в работе Д.Е. Шешукова

(Шешуков, 2023). Немалый интерес к таким компаниям проявляют и финансовые структуры, в частности коммерческие банки, а также государство. Первые – с позиции будущей стратегии кредитования, государство – с позиции поддержки перспективного бизнеса. Интерес к рейтингованию проявляют и сами крупные российские компании, особенно экспортно ориентированные, для осознания своего места в российском и зарубежных бизнес-сообществах.

Следует отметить, что каждый из оценщиков использует свою методологию рейтингования, свои критерии-показатели, что сильно усложняет понимание места объекта в общей совокупности рейтингов (Афанасьев, Шаш, 2022; Веренько и др., 2022; Гренадерова, 2023; Ефимова, 2023; Жатикова, Щербаченко, 2023; Овечкина и др., 2023). В связи с этим предпринимаются попытки унифицировать показатели рейтингования. Так, для участников финансового рынка в 2023 году Банк России выпустил «Рекомендации по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития)» «...в целях гармонизации методологий и практики присвоения ESG-рейтингов, включая обеспечение их наглядности, прозрачности и сопоставимости между собой»¹⁰. В этом документе под ESG-рейтингом понимается

¹⁰ Информационное письмо о рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) от 30 июня 2023 г. № ИН-02-05/46. URL: https://esg-disclosure.ru/otchetnost/regulations/doc/20230630_in_02_05046.PDF?ysclid=lvwlstftyn164186923

«выраженное публично независимое внешнее мнение о профиле рейтингуемого лица»¹¹. Для каждой компоненты ESG предложен набор элементов с количественными и качественными показателями. Компаниям рекомендуется определить свой перечень показателей из 158 предложенных. При этом все количественные показатели должны быть представлены по возможности не менее чем за последние три года.

Популярность рейтингов растет. И постепенно формируется международная и российская методология составления ESG-рейтингов. После прошедшего в 2023 году Петербургского международного экономического форума в России начался переход от ESG-рейтингования к ЭКГ-рейтингованию, в котором значительное место отводится взаимоотношениям организаций и государства. На форуме был успешно презентован отечественный рейтинг ответственного бизнеса с русской аббревиатурой «ЭКГ — экология, кадры, государство». А со 2 января 2024 года в качестве не рекомендательного, а уже нормативного в инструментарий концепции устойчивого развития был введен национальный стандарт Российской Федерации «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)»¹². В нем изложена методика добровольной оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, «...в центре внимания которых находятся не только коммерческие интересы, но и сохранение окружающей среды, использование наилучших доступных технологий, установление дополнительных социальных гарантий для сотрудников и членов их семей, реализация экологических, социальных, образовательных, благотворительных и иных проектов, связанных с повышением уровня жизни и комфорта населения»¹³.

Результаты рейтингования публикуются на сайте <https://экг-рейтинг.рф> в разрезе субъектов Федерации, секторов экономики по видам экономической деятельности и категориям бизнеса (ИП, микро-, малый, средний и крупный) с расшифровкой набранных баллов по каждому критерию оценки. По сути, в сфере российского бизнеса произошел прорыв к созданию единой методологии оценки устойчивого развития субъектов предпринимательской деятельности. В отличие от рекомендаций Банка России в этом национальном стандарте раскрыта методология проведения рейтинговой оценки субъектов предпринимательской деятельности с указанием источников получения информации по каждому количественному и качественному показателю и алгоритмов работы с ними (с. 3–36 Национального стандарта).

В то же время на уровне городов и регионов проблема унификации показателей и создания единой методологии оценки устойчивого развития остается открытой, хотя именно состояние территориальных единиц в этом срезе мониторинга должно быть прерогативой внимания общества и государства. Более того, на наш взгляд, такая оценка состояния регионов должна вестись по каждому отраслевому комплексу: энергетике, промышленности, сельскому хозяйству, транспорту, ЖКХ и др., включая социальную инфраструктуру, обеспечивающую охрану здоровья населения, образование и социальный присмотр и формирующую культурный код России. Особенно остро эта проблема стоит именно перед социальной инфраструктурой, которая является одним из крупнейших получателей бюджетных ресурсов. Для ее развития предусмотрен большой комплекс поручений Президента РФ правительству по модернизации объектов социальной инфраструктуры для достижения национальных целей

¹¹ Информационное письмо о рекомендациях по разработке методологии и присвоению ESG-рейтингов (рейтингов устойчивого развития) от 30 июня 2023 г. № ИН-02-05/46. URL: https://esg-disclosure.ru/otchetnost/regulations/doc/20230630_in_02_05046.PDF?ysclid=lvwlstftyn164186923

¹² Национальный стандарт Российской Федерации: ГОСТ Р 71198-2023 «Индекс деловой репутации субъектов предпринимательской деятельности (ЭКГ-рейтинг)» (2024). Методика оценки и порядок формирования ЭКГ-рейтинга ответственного бизнеса. Москва: Российский институт стандартизации. 37 с.

¹³ Там же.

развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года¹⁴. Поручения касаются строительства, капитального ремонта и оснащения образовательных и медицинских организаций, объектов культуры и спортивных комплексов. В связи с этим считаем целесообразным выделить внутри ESG-рейтинга регионов составляющую «социальная инфраструктура» и провести ее оценку на уровне каждой отрасли и их совокупности. Это предопределило цель исследования – разработать научный подход к решению проблемы оценки устойчивости развития региональной социальной инфраструктуры с позиции ESG-концепции – и решение следующих задач:

1) обосновать необходимость перехода к оценке устойчивого развития социальной инфраструктуры региона с позиции концепции ESG-рейтингования;

2) распространить принципы ESG-рейтингования организаций бизнеса, регионов и городов на оценку устойчивого развития объектов социальной инфраструктуры;

3) разработать методику совокупной и внутриотраслевой оценки устойчивого развития социальной инфраструктуры регионов по S-компоненте ESG-рейтинга в методологии оценки устойчивого развития территорий.

Методология и результаты исследования

Из десяти рейтинговых агентств, указанных в табл. 1, оценкой устойчивого развития регионов России занимаются шесть, городов – четыре. Учитывая, что «Эксперт РА» закончил аналитику регионов в 2021 году, а «Инфрагрин» только аккумулирует в совокупный ESG-рейтинг разнообразные рейтинги других агентств, в табл. 2 представлены основные характеристики ESG-рейтингов регионов четырех агентств. Они рассчитывают интегральный ESG-рейтинг и выделяют по каждой компоненте E, S и G ряд показателей-критериев оценки, объединенных в блоки. Имеет место разное коли-

чество блоков: от 6 в «SGM» до 36 в «Экофон». Соответственно, используется разное количество показателей-критериев, по которым оценивается уровень устойчивости развития регионов: от 45 в «НРА» до 260 в «Экофон».

Таблица 2. Характеристики системы ESG-рейтингов регионов России в 2022 году

Характеристика	Рейтинговые агентства			
	«ВЭБ.РФ» и «Сбер»	«SGM»	«НРА»	«Экофон»
1. Количество блоков показателей, в т. ч. по компонентам, ед.:	16	6	7	36
E	6	1	3	17
S	6	2	2	13
G	4	3	2	6
2. Общее количество показателей-критериев, в т. ч. по компонентам, ед.:	50	53	45	260
E	10	12	14	106
S	30	15	17	113
G	10	26	14	31
Составлено по: данные рейтинговых агентств.				

Для сопоставления результатов ESG-рейтингов (табл. 3) были взяты данные открытых источников рейтингования субъектов Центрального федерального округа (ЦФО) по трем агентствам из четырех рассмотренных за 2022 год, поскольку «ВЭБ.РФ» и «Сбер» разместили информацию об интегральном показателе только по ТОП-20 субъектам страны за 2023 год, а «SGM» на момент исследования отчет за 2023 год не представило.

В качестве критерия разброса значений был использован общепринятый статистический показатель – коэффициент вариации. Сравнение полученных коэффициентов вариации свидетельствует, что двенадцать субъектов ЦФО из восемнадцати (67%) имеют значительную и высокую степень рассеивания ESG-рейтингов, в том числе шесть – высокую колеблемость значений, представ-

¹⁴ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г.

Таблица 3. ESG-рейтинги субъектов ЦФО за 2022 год, место

Субъект ЦФО	Рейтинговые агентства			Коэффициент вариации ESG-рейтинга, %
	«SGM»	«НРА»	«Экофон»	
Белгородская область	10	4	6	37,33
Брянская область	48	41	22	29,68
Владимирская область	35	63	60	23,83
Воронежская область	15	20	15	14,16
Ивановская область	39	76	64	25,83
Калужская область	16	17	30	30,38
Костромская область	73	53	75	14,82
Курская область	23	19	7	41,64
Липецкая область	11	28	23	34,49
г. Москва	1	1	2	35,34
Московская область	3	9	4	49,16
Орловская область	47	36	51	14,19
Рязанская область	28	50	45	22,98
Смоленская область	55	64	73	11,48
Тамбовская область	38	30	29	12,47
Тверская область	70	64	73	5,42
Тульская область	26	26	48	31,11
Ярославская область	25	45	18	39

Составлено по: данные рейтинговых агентств.
Расчет коэффициента вариации выполнен по алгоритму сайта: http://www.rnz.ru/statistika/raschet_koefficienta_variatsii.php

для практически неоднородную их совокупность, так как коэффициент вариации выше нормального уровня в 33% (табл. 4). Например, Курская область дрейфует с 7 места на 23, Московская область – с 3 на 9, Ярославская область – с 18 на 45. Таким образом, наблюдаются более чем двойные разрывы в позиционировании одного и того же субъекта Федерации в разных ESG-рейтингах. Это связано с разбросом критериев-показателей оценки, включая содержание даже однотипных, из-за чего один и тот же субъект в разных шкалах рейтинговых оценок получает диаметрально противоположные позиции.

Исследование причин высокого уровня диспропорции в ESG-рейтингах было продолжено в дифференцированном срезе ESG-компонент наиболее авторитетного агентства «НРА», которое проводит рейтингование устойчивости субъектов не только на региональном уровне в России, но и в странах Евразийского экономического союза (ЕАС).

Таблица 4. Группировка субъектов ЦФО по степени рассеивания занимаемых мест в ESG-рейтингах

Степень рассеивания	Коэффициент вариации, %	Количество субъектов ЦФО	Субъекты ЦФО
Незначительная	Меньше 10	1	Тверская область
Средняя	Свыше 10 до 20	5	Воронежская область; Костромская область; Орловская область; Смоленская область; Тамбовская область
Значительная	Свыше 20 до 33	6	Брянская область; Владимирская область; Ивановская область; Калужская область; Рязанская область; Тульская область
Высокая	Свыше 33	6	Белгородская область; Курская область; Липецкая область; г. Москва; Московская область; Ярославская область
Итого		18	
Источник: составлено авторами.			

В табл. 5 представлена выдержка ESG-компонент для субъектов ЦФО в сравнении с их средним уровнем и в целом по 85 субъектам России. Их сопоставление выявило целесообразность анализа показателей-критериев, формирующих содержание компоненты S, поскольку она имеет самую низкую оценку по России (0,476) и более низкую оценку по сравнению с компонентой E (0,545 против 0,577) при одинаковом уровне с компонентой G (0,546) на уровне субъектов ЦФО.

Таблица 5. Дифференцированные оценки уровня ESG по данным агентства НРА в 2022 году

Субъект ЦФО	Компоненты			ESG
	E	S	G	
Белгородская область	0,679	0,735	0,692	0,702
Брянская область	0,679	0,559	0,346	0,528
Владимирская область	0,429	0,529	0,423	0,460
Воронежская область	0,643	0,618	0,538	0,600
Ивановская область	0,393	0,500	0,346	0,413
Калужская область	0,571	0,529	0,731	0,611
Костромская область	0,393	0,441	0,615	0,483
Курская область	0,607	0,588	0,615	0,604
Липецкая область	0,571	0,441	0,692	0,568
г. Москва	0,714	0,794	0,833	0,781
Московская область	0,643	0,647	0,654	0,648
Орловская область	0,607	0,559	0,462	0,543
Рязанская область	0,607	0,559	0,346	0,504
Смоленская область	0,536	0,382	0,462	0,460
Тамбовская область	0,536	0,529	0,615	0,560
Тверская область	0,536	0,382	0,462	0,460
Тульская область	0,714	0,588	0,423	0,575
Ярославская область	0,536	0,441	0,577	0,518
Средний уровень по ЦФО	0,577	0,546	0,546	0,527
Средний уровень по 85 субъектам России	0,511	0,476	0,597	0,528

Составлено по: оценка методик рейтинговых агентств.

Аналогичная картина, как показали исследования, имеет место и при ESG-рейтинговании городов. Таким образом, можно констатировать, что в отличие от рейтингования компаний методология присвоения рейтингов территориям находится в зачаточном состоянии и нуждается в разработке соответствующего национально-го стандарта. Он должен содержать, на наш

взгляд, различные отраслевые блоки, характеризующие социально-экономическое развитие территорий, в том числе промышленности, сельского хозяйства, транспорта, ЖКХ и др., включая социальную инфраструктуру. В ней осуществляют свою деятельность миллионы организаций, реализующих социальные задачи государства: учреждения здравоохранения, образования, культуры, спорта и другие. Эти объекты, с одной стороны, оказывая социальные услуги, принадлежат к социуму – компоненте S в аббревиатуре ESG – и показателями своей деятельности формируют рейтинги устойчивости регионов, поэтому их состояние можно рассматривать через призму существующих оценок рейтинговых агентств. С другой стороны, объекты социальной инфраструктуры являются, как и бизнес-компании, хозяйствующими субъектами и требуют самостоятельной оценки устойчивости собственного развития на пообъектном уровне, поэтому к компоненте S можно применять определенные показатели – критерии, принятые для ответственного бизнеса. И такая оценка на сегодняшний день для частных социальных организаций проводится. В стороне остаются бюджетные организации. Таким образом, состояние объектов социальной инфраструктуры можно рассматривать на пересечении двух сложившихся в настоящее время подходов к оценке устойчивости: в территориальном срезе и в бизнес-срезе, адаптированном к бюджетной сфере. Это – парадигма авторского подхода к решению данной проблемы.

Остановимся на первом срезе, для чего было проанализировано содержание социальных компонент рейтингования регионов трех российских агентств. Выявлено, что на сегодняшний день ни одно из них не отвечает требованиям полноты оценки развития объектов социальной инфраструктуры. Во-первых, не выделены отраслевые блоки внутри S-компоненты, соответствующие разным видам инфраструктуры (социальной, транспортной, жилищно-коммунальной и др.), что привело к выпадению из рассмотрения таких классических объектов социальной

Таблица 6. Анализ отраслевого содержания компоненты S в региональном рейтинговании

Выделяемые рейтинговыми агентствами блоки по компоненте S		
«ВЭБ.РФ» и «Сбер»	SGM	НРА
<ul style="list-style-type: none"> - Демография - Здоровоохранение и здоровый образ жизни - Уровень доходов и занятость населения - Образование и культура - Комфортные условия жизни и безопасность - Инклюзивность 	<ul style="list-style-type: none"> - Население (демография) - Социальная инфраструктура (здравоохранение, образование, безопасность) 	<ul style="list-style-type: none"> - Население - Человеческий капитал (безработица, оплата труда, пенсии, жилье, медицинские кадры, высшее образование, дороги, безопасность, социальные конфликты, инклюзивность) - Права человека
Составлено по: оценка методик рейтинговых агентств.		

инфраструктуры, как учреждения культуры и спорта, социального обеспечения и др. (табл. 6).

Во-вторых, величину ряда используемых показателей сложно оценить и проверить ее достоверность, например показателя «Условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности» в методике «ВЭБ.РФ» и «Сбер». Были бы полезны ссылки на сайты, результаты опросов и другие источники информации, которые использовались для получения исходных данных при составлении рейтинга. В-третьих, методики SGM, «ВЭБ.РФ» и «Сбер» не учитывают движение показателей в динамике. Между тем, устойчивость развития инфраструктуры, как и любого объекта, можно оценить только в процессе развития, а не на конкретный момент времени. Этого недостатка лишена методика «НРА». С учетом отмеченных замечаний и использования положительного опыта регионального рейтингования авторами была разработана методика совокупной и внутриотраслевой оценки устойчивого развития социальной инфраструктуры регионов по S-компоненте ESG-рейтинга в методологии оценки устойчивого развития территорий.

В методике авторами выделены четыре этапа. На первом в соответствии с ранее проведенными исследованиями (Сычева, Сычева, 2012) введена отраслевая классификация объектов социальной инфраструктуры: организации здравоохранения,

образования, культуры и искусства, физической культуры и спорта. Правомерность такого выделения позднее была подтверждена Постановлением Правительства РФ¹⁵ от 21 сентября 2021 года № 1587, в котором к объектам устойчивой социальной инфраструктуры отнесены объекты образования, здравоохранения и социального обслуживания, культуры и искусства, спорта, а также объекты, используемые для организации отдыха граждан и туризма.

На втором этапе по выделенным блокам объектов социальной инфраструктуры произведен подбор показателей оценки. Показатели должны отвечать требованиям объективности и прослеживаемости во времени, поэтому быть опубликованными в открытых источниках статистических данных в динамике за последние три года. Сравнительный анализ показателей рейтинговых агентств по S-компоненте выявил наличие ряда общих. Кроме того, в разработанную методику добавлены и другие показатели Росстата, отражающие процесс развития социальной инфраструктуры регионов (табл. 7).

На третьем этапе происходит обработка данных по каждому показателю каждого блока. Ввиду наличия разных единиц измерения производится нормализация значений показателей. Расчет нормализованного показателя I_j ведут по каждому региону. В зависимости от смыслового значения показателя – по формуле (1), если оно в идеале

¹⁵ Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации инструментов финансирования устойчивого развития в Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 21 сентября 2021 г. № 1587 (ред. от 30.12.2023).

Таблица 7. Показатели Росстата для дифференцированной оценки устойчивости социальной инфраструктуры регионов

Показатель	Единица измерения	Авторская методика	Методики рейтинговых агентств		
			«ВЭБ.РФ» и «Сбер»	НРА	SGM
1. Здравоохранение					
1.1. Число больничных коек на 10 тыс. чел. населения	койки	+	+	-	+
1.2. Мощность поликлиник, посещений в смену на 10 тыс. чел. населения	посещения в смену	+	-	-	+
1.3. Численность врачей всех специальностей на 10 тыс. чел. населения	чел.	+	+	-	+
1.4. Численность среднего медицинского персонала на 10 тыс. чел. населения	чел.	+	-	-	+
2. Образование					
2.1. Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в дошкольных образовательных организациях на 1000 детей	места	+	-	-	-
2.2. Удельный вес обучающихся во 2 (3) смены в общеобразовательных организациях от общей численности обучающихся	%	+	+	-	-
2.3. Численность студентов профессиональных образовательных организаций, обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена, на 10 тыс. чел. населения	чел.	+	-	-	+
2.4. Численность студентов, обучающихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 тыс. чел. населения	чел.	+	+	+	+
3. Физическая культура и спорт					
3.1. Стадионы с трибунами на 1500 мест и более на 10 тыс. чел. населения	ед.	+	-	-	-
3.2. Плоскостные спортивные сооружения (площадки и поля) на 10 тыс. чел. населения	ед.	+	-	-	-
3.3. Спортивные залы на 10 тыс. чел. населения	ед.	+	-	-	-
3.4. Плавательные бассейны на 10 тыс. чел. населения	ед.	+	-	-	-
4. Культура и искусство					
4.1. Численность зрителей театров на 1000 чел. населения	чел.	+	-	-	-
4.2. Число посещений музеев на 1000 чел. населения	чел.	+	-	-	-
4.3. Библиотечный фонд на 1000 чел. населения	экз.	+	-	-	-

Составлено по: данные Росстата и рейтинговых агентств.

должно расти, или по формуле (2) в противоположном случае.

$$I_j = \frac{X_j - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (1)$$

$$I_j = 1 - \frac{X_j - X_{\min}}{X_{\max} - X_{\min}} \quad (2)$$

Результатом является получение ряда нормализованных показателей каждого региона за последний год наблюдения. Для учета динамики поведения статистического показателя в течение трех лет использован подход норми-

рования, предложенный в работе Ю.С. Аитовой (Аитова, 2020). Каждый нормализованный показатель в зависимости от величины попадает в один из трех диапазонов известной оценки тесноты связи (табл. 8). Далее просматривается поведение статистического показателя за три года, начиная с первого (рост, снижение, сохранение или разнонаправленность), и в зависимости от него нормализованному показателю присваивается соответствующий балл по шкале от 1 до 9. Для блока «Здравоохранение» фрагмент расчета показан в табл. 9.

Балльные оценки разных нормализованных показателей позволяют перейти к внутриотраслевой оценке состояния каждого выделенного блока через расчет средней арифметической (табл. 10).

Таблица 8. Присвоение балльных оценок показателям социальной инфраструктуры в зависимости от уровня и динамики поведения

Диапазоны принадлежности нормализованного показателя	Характер динамики показателя за три года	Балльная оценка R
0,70–1,00	Рост	9
	Сохранение или разнонаправленность	8
	Снижение	7
0,30–0,69	Рост	6
	Сохранение или разнонаправленность	5
	Снижение	4
0,00–0,29	Рост	3
	Сохранение или разнонаправленность	2
	Снижение	1

Составлено по: (Аитова, 2020).

Таблица 9. Расчет балльных оценок показателя 1.1 в блоке «Здравоохранение» (по состоянию на 01.01.2023)

Субъект ЦФО	2020 год	2021 год	2022 год	Нормализованный показатель I _н	Балльная оценка R _i
Белгородская область	69,3	70,7	69,4	0,27	2
Брянская область	75,7	73,9	74,4	0,38	5
Владимирская область	83,4	86,1	83,8	0,58	5
Воронежская область	78,6	77,9	78,3	0,46	5
Ивановская область	86,4	87,8	88,7	0,69	9
Калужская область	79,6	72,4	66,0	0,19	1
Костромская область	102,7	100,6	103,1	1,00	9
Курская область	87,1	88,5	81,7	0,53	4
Липецкая область	81,6	81,6	82,3	0,55	6
Московская область	76,8	65,5	66,5	0,20	2
Орловская область	78,4	78,8	86,4	0,64	6
Рязанская область	76,2	76,5	77,1	0,43	5
Смоленская область	96,6	96,8	96,1	0,85	5
Тамбовская область	74,0	75,1	76,5	0,42	6
Тверская область	92,3	94,0	92,9	0,78	8
Тульская область	82,8	83,6	81,0	0,52	5
Ярославская область	93,0	98,1	92,9	0,78	8
г. Москва	69,8	61,7	57,1	0,00	2

Источник: рассчитано авторами.

Таблица 10. Внутриотраслевые оценки устойчивости социальной инфраструктуры регионов ЦФО в блоке «Здравоохранение»

Субъект ЦФО	Показатель блока «Здравоохранение»				Сумма баллов	Средняя балльная оценка устойчивости R _i
	1.1	1.2	1.3	1.4		
Белгородская область	2	3	3	8	16	4
Брянская область	5	3	1	7	16	4
Владимирская область	5	3	3	5	16	4
Воронежская область	5	3	6	7	21	5,25
Ивановская область	9	3	2	4	18	4,5
Калужская область	1	2	2	1	6	1,5
Костромская область	9	2	2	7	20	5
Курская область	4	3	5	7	19	4,75
Липецкая область	6	2	2	7	17	4,25
Московская область	2	3	2	2	9	2,25
Орловская область	6	3	2	7	18	4,5
Рязанская область	5	9	5	8	27	6,75
Смоленская область	5	3	5	4	17	4,25
Тамбовская область	6	2	3	9	20	5
Тверская область	8	3	5	5	21	5,25
Тульская область	5	3	3	5	16	4
Ярославская область	8	3	4	5	20	5
г. Москва	2	3	9	2	16	4

Источник: рассчитано авторами.

Рассчитанные для регионов внутриотраслевые оценки устойчивости дают возможность сгруппировать регионы в кластеры по формуле Г. Стерджеса. В нашем случае количество кластеров – четыре, шаг – 1,4 (рис. 2). Более 80% регионов попали во второй и третий кластеры, что свидетельствует о наличии у них значительного потенциала повышения устойчивости в сфере здравоохранения.

Аналогичные расчеты были проведены по остальным блокам социальной инфраструктуры (рис. 3). Они показали, что наиболее равномерное распределение по кластерам наблюдается в блоке «Культура». Именно в нем наибольшее число регионов (пять) попадает в самый высокий – первый кластер устойчивости регионов. Наибольшее наполнение субъектами в самом слабом четвертом кластере имеет место в блоке «Физическая культура и спорт».

(7,1)	I	Рязанская	6,75
(5,7)	II	Тверская	5,25
		Воронежская	5,25
		Костромская	5,00
		Тамбовская	5,00
		Ярославская	5,00
		Курская	4,75
		Ивановская	4,50
(4,3)	III	Орловская	4,50
		Липецкая	4,25
		Смоленская	4,25
		Белгородская	4,00
		Брянская	4,00
		Владимирская	4,00
	Тульская	4,00	
	г. Москва	4,00	
(2,9)	IV	Калужская	1,50
(1,5)		Московская	2,25

Рис. 2. Распределение регионов ЦФО на кластеры устойчивости социальной инфраструктуры по блоку «Здравоохранение»

Источник: рассчитано авторами.

Физическая культура и спорт		Культура и искусство		Образование									
I	Смоленская	7,25	I	Ивановская	7,00	I	Тамбовская	7,25					
II	Белгородская	6,00		Тамбовская	7,00		II	Белгородская	7,00	II	Владимирская	5,25	
	Владимирская	6,00		Тверская	7,00	Воронежская		5,50	Воронежская		5,50	Воронежская	5,50
	Липецкая	5,75		Костромская	6,67	Ивановская		6,00	Костромская		5,50	Курская	5,50
	Рязанская	5,75		II	г. Москва	6,00		Курская	5,50		Орловская	5,50	Орловская
	Тамбовская	5,75	Калужская		5,33	Орловская		5,50	Рязанская		5,75	Рязанская	5,75
	Тверская	5,75	Тульская		5,33	Ярославская		5,67	Тверская		5,25	Тверская	5,25
Костромская	5,50	III	Смоленская	4,67	Тульская	5,67	Тульская	5,25	Тульская	5,25			
III	Брянская		4,50	Курская	4,33	II	Ярославская	6,00	II	Ярославская	6,00		
	Ивановская		4,75	Белгородская	3,67		г. Москва	5,75		г. Москва	5,75		
Калужская	4,50	IV	Воронежская	3,67	II	Брянская	4,75	I	I	Брянская	4,75		
IV	Орловская		4,25	Липецкая		3,67	Калужская			4,00	Калужская	4,00	
	Воронежская		3,50	IV		Брянская	3,33			Липецкая	4,50	Липецкая	4,50
	Курская		3,50			Владимирская	3,00			Смоленская	4,75	Смоленская	4,75
	Московская	3,50	Московская	2,33	Московская	2,5	Московская	2,5					
Тульская	3,50												
Ярославская	3,50												
г. Москва	3,25												

Рис. 3. Распределение регионов ЦФО на кластеры устойчивости по блокам социальной инфраструктуры

Источник: рассчитано авторами.

На четвертом (заключительном) этапе производится расчет совокупной (итоговой) оценки устойчивости социальной инфраструктуры регионов по формуле средневзвешенной:

$$SI = \sum_{i=1}^4 \bar{R}_i \cdot k_i, \text{ где: } k_i = \frac{n_i}{\sum_1^{15} n_i}, \quad (3)$$

где:

\bar{R}_i – средняя балльная оценка устойчивости i-го блока;

k_i – коэффициент весомости i-го блока, представляющий отношение числа показателей n_i в каждом i-м блоке к суммарному количеству показателей всех блоков.

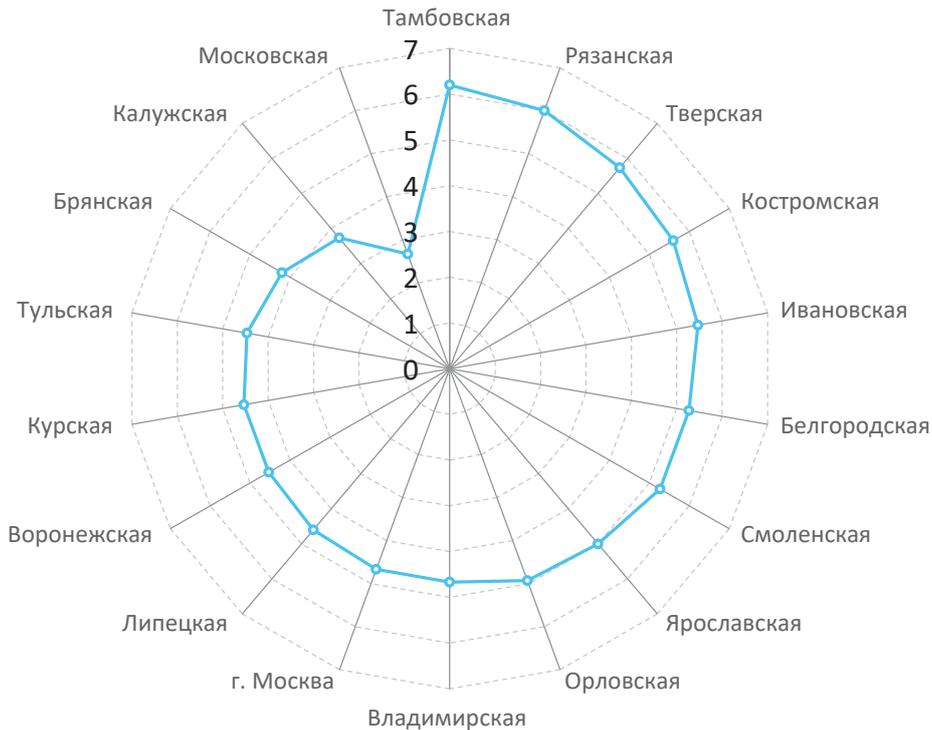

Рис. 4. Распределение регионов ЦФО по степени устойчивости социальной инфраструктуры

Источник: рассчитано авторами.

Результаты расчета, представленные на рис. 4, показали, что наилучший уровень устойчивости социальной инфраструктуры к 2023 году имела Тамбовская область, а наихудший – Московская область.

Высокий рейтинг Тамбовской области обусловлен позитивной динамикой показателей в сфере образования, а также культуры и искусства (первый кластер устойчивости), а также нахождением во втором кластере блоков здравоохранения и физической культуры и спорта. Наихудший рейтинг Московской области, в свою очередь, на наш взгляд, связан с тем, что ввод объектов социальной инфраструктуры в столичном регионе не успевал за быстрым ростом численности населения. При этом учитывалось только количественное обеспечение региона объектами социальной инфраструктуры без анализа их качественного наполнения в соответствии с современным запросом потребителей, что еще раз подчеркивает необходимость реализации второго подхода к оценке устойчивости социальной инфраструктуры регионов в части создания методики ее пообъектной оценки.

Заключение

Развитие современного общества требует реализации на практике принципов и механизмов разрабатываемой мировым сообществом методологии устойчивого развития планеты на уровне каждого государства, каждого региона, каждой компании и каждого домохозяйства. Наиболее развитой частью этой методологии на сегодняшний день оказался тот ее сегмент, который посредством ESG-рейтингования оценивает состояние устойчивости бизнес-организаций. В последние годы наблюдается расширение масштабов этой деятельности: от компаний к территориям – городам и регионам, что позволяет в перспективе перейти к разработке методически взаимосвязанной системы показателей – индикаторов рейтингования объектов разных уровней в срезе их устойчивого развития. Особое место в этой иерархии объектов занимают учреждения социальной инфраструктуры регионов, реализующие социальные задачи государства и являющиеся, исключая частные организации, основным получателем бюджетных средств. Их состояние в современном мире

оказывает не меньшее влияние на устойчивость развития территорий, поскольку обеспечивает определенный уровень качества жизни людей.

К решению данной задачи – созданию методологии устойчивого развития социальной инфраструктуры – предлагается подойти с позиции выделения S-компоненты из ESG-рейтингов регионов по классическим блокам социальной инфраструктуры и проведения собственного рейтингования ее состояния по объектам в рамках федеральных округов и страны в целом. Это позволит найти «болевые» точки составляющих блоков социальной инфраструктуры в субъек-

тах Федерации при распределении ресурсов федерального бюджета, в том числе средств национальных проектов, на инвестиционные цели.

Проведенное исследование демонстрирует также возможность использования органами государственной власти субъекта Федерации разработанной методики дифференцированной оценки устойчивости социальной инфраструктуры при решении аналогичных задач на субрегиональном уровне – при финансировании инвестиционных проектов социальной направленности в муниципальных образованиях региона.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврора М.Р. (2018). Экологическая экономика и экономика окружающей среды: генезис, соотношение и проблемы // Известия Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та. № 1. С. 161–166.
- Аитова Ю.С. (2020). Оценка развития социальной инфраструктуры в регионах российской федерации с позиции воспроизводства человеческого капитала // Вестник евразийской науки. Т. 12. № 4. DOI: 10.15862/35ECVN420. URL: <https://esj.today/PDF/35ECVN420.pdf> (дата обращения 20.05.2024).
- Афанасьев М.П., Шаш Н.Н. (2022). ESG-трансформация в корпоративном секторе: систематизация глобального подхода // Проблемы прогнозирования. № 6 (195). С. 185–197. DOI: 10.47711/0868-6351-195-185-197
- Веренько Н., Гришанкова С., Каменков А. (2022). ESG-рейтинги: сущность, значение и возможности применения // Банковский вестник. № 11 (712). С. 58–68.
- Гренадерова М.В. (2023). ESG-рейтинги и рэнкинги: их значение для компаний и региона присутствия // Вестник Северо-Восточного фед. ун-та им. М.К. Аммосова. Сер.: Экономика. Социология. Культурология. № 4 (32). С. 69–78. DOI: 10.25587/2587-8778-2023-4-69-78
- Ефимова О.В. (2023). ESG-рейтинги: актуальные проблемы формирования и использования // Вестник Академии знаний. № 4 (57). С. 104–109.
- Жатикова Д.В., Щербаченко П.С. (2023). Методология присвоения ESG-рейтингов // Вестник университета. № 8. С. 99–108. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-8-99-108
- Константиности Х.А., Яковлева Е.Ю., Бобылев С.Н., Соловьева С.В. (2023). Оценка устойчивости развития и перспектив esg-трансформации субъектов Российской Федерации // Экономика устойчивого развития. № 1 (53). С. 176–180. DOI: 10.37124/20799136_2023_1_53_176
- Лебедева М.А. (2022). Барьеры перехода к «ZERO WASTE» в сфере обращения с твердыми коммунальными отходами в регионах СЗФО // Проблемы развития территории. Т. 26. № 5. С. 110–123. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.8
- Маташева Х.П., Возкаев С.-У.С.-А., Бакашева А.Б. (2023). Экономико-математическое моделирование процессов устойчивого экономического развития // Индустриальная экономика. № S1. С. 92–96. DOI: 10.47576/2949-1886_2023_S1_92
- Овечкина А.И., Петрова Н.П., Присяжная Р.И. (2023). ESG-трансформация российских компаний: проблемы и перспективы // Известия Санкт-Петербургского гос. экон. ун-та. № 3-1 (141). С. 107–113.
- Сабина А.Л., Сычева И.В., Измалкова С.А., Сычева Н.А. (2020). Финансовое обеспечение модернизации системы мониторинга состояния атмосферного воздуха в горнопромышленном регионе // Известия Тульского гос. ун-та. Науки о Земле. № 2. С. 379–391.

- Сунцов С.А. (2018). История понятия и концепции устойчивого развития // Молодой ученый. № 41 (227). С. 24–28.
- Сычева И.В., Сычева Н.А. (2012). Исследование содержания категории «социальная инфраструктура» // Известия Тульского гос. ун-та. Экономические и юридические науки. № 2-1. С. 230–238.
- Сычева И.В., Сычева Н.А., Шульженко Н.А. (2024). Проблемы логистики обращения с твердыми коммунальными отходами в объектах социальной инфраструктуры региона // Известия Тульского гос. ун-та. Науки о Земле. № 1. С. 641–653.
- Шешуков Д.Е. (2023). Анализ мировой и отечественной практик применения ESG-критериев в оценке компаний // Экономика и управление: проблемы, решения. Т. 1. № 9 (139). С. 26–38.
- Bak I., Szczecinska B. (2022). Health protection as an important element of sustainable development: Example of European Union Countries. *European Research Studies Journal*, XXV (3), 167–178. DOI: 10.35808/ersj/3002. Available at: <https://ersj.eu/journal/3002> (accessed 10.04.2024).
- Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Koshkina N.R. (2023). Sustainable development, ESG and the «price» of health. *Population and Economics*, 7 (3), 124–135. DOI: 10.3897/popcon.7.e103302
- Holden E., Linnerud K., Banister D. (2016). The Imperatives of sustainable development. *Sustainable Development*. Available at: <https://doi.org/10.1002/sd.1647> (accessed 28.04.2024).
- Kiprizli G. (2022). Through the lenses of morality and responsibility: BRICS, climate change and sustainable development. *Uluslararası İlişkiler. International Relations*, 19 (75), 65–82. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27195116> (accessed 20.04.2024).
- Korhonen J., Nuur K., Feldman A., Birkie S.E. (2018). Circular economy as an essentially contested concept. *Journal of Cleaner Production*, 544–552. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.12.111
- Long H. (2022). Analysis of the key factors of ecological environment protection in the national economic sustainable development goals. *Journal of Environmental and Public Health*. Available at: <https://doi.org/10.1155/2022/3593587> (accessed 28.04.2024).
- Tausch A. (2013). Inequality, migration, and ‘smart’ survival performance. *Social Evolution and History*, 12 (2), 77–101. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/inequality-migration-and-smart-survival-performance?ysclid=lxhwx5zxfc174215588>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Викторовна Сычева – доктор экономических наук, профессор, Тульский государственный университет (Российская Федерация, 300012, г. Тула, пр-т Ленина, д. 92; e-mail: sychova15@mail.ru)

Наталья Андреевна Сычева – кандидат экономических наук, доцент, Тульский государственный университет (Российская Федерация, 300012, г. Тула, пр-т Ленина, д. 92; e-mail: sychova15@mail.ru)

Sycheva I.V., Sycheva N.A.

METHODOLOGICAL ASPECTS OF EXTENDING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT PRINCIPLES TO THE OBJECTS OF REGIONAL SOCIAL INFRASTRUCTURE

The problem of working out a methodology for sustainable development of territories and economic entities, which would improve the quality of life by changing the attitude to the management of natural, economic and human capital, is on the agenda. The study of the evolution of sustainable

development methodology has shown that various methodological tools for assessing this process at the level of companies, regions and cities are gradually being formed. The greatest work by scientists and practitioners to date has been done in the field of ESG-rating of business companies. However, this cannot be said about the studies on assessing the sustainability of development of the second major segment of the national economy – social sphere institutions. The aim of the research is the development of a scientific approach to solving this problem from the position of the ESG-concept. The data of ESG-rating of regions and cities conducted by various Russian expert agencies, in which the objects of the study are, among other things, individual segments of social infrastructure, were taken as a basis. However, the analysis of rating results revealed the impossibility of their comparison, which is due to the use by different agencies of their own algorithms, including different evaluation technologies, criterion blocks and indicators. Therefore, we have critically analyzed the ESG-rating of regions to identify the S-component and proposed our own methodology for assessing the sustainable development of social infrastructure of regions within the framework of aggregate and intra-industry ranking. It is based on the general evaluation indicators of rating agencies, supplemented by other indicators that are significant from our point of view. The practical testing of the methodology helped to assess the sustainability of social infrastructure development of four classical industries in 18 subjects of the Central Federal District and to rank them according to the aggregate assessment. The research results are of interest to federal and regional specialized agencies in terms of forming the main provisions of budgetary social policy and determining priorities for sustainable development of social infrastructure in the regions.

Sustainable development, responsible business, social infrastructure, ESG, ECG concepts, rating.

REFERENCES

- Afanas'ev M.P., Shash N.N. (2022). ESG transformation in the corporate sector: Systematizing the global approach. *Problemy prognozirovaniya=Studies on Russian Economic Development*, 6(195), 185–197. DOI: 10.47711/0868-6351-195-185-197 (in Russian).
- Aitova Yu.S. (2020). The assessment of social infrastructure development in the regions of Russian Federation from the standpoint of human capital reproduction. *Vestnik evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 12(4). DOI: 10.15862/35ECVN420. Available at: <https://esj.today/PDF/35ECVN420.pdf> (accessed: May 20, 2024; in Russian).
- Aurora M.R. (2018). Ecological economy and environment economy: Genesis, a parity and problem. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gos. ekon. un-ta*, 1, 161–166 (in Russian).
- Bak I., Szczecinska B. (2022). Health protection as an important element of sustainable development: Example of European Union Countries. *European Research Studies Journal*, XXV(3), 167–178. DOI: 10.35808/ersj/3002. Available at: <https://ersj.eu/journal/3002> (accessed: April 10, 2024).
- Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Koshkina N.R. (2023). Sustainable development, ESG and the “price” of health. *Population and Economics*, 7(3), 124–135. DOI: 10.3897/popecon.7.e103302
- Efimova O.V. (2023). ESG-ratings: Issues of formation and application. *Vestnik Akademii znanii*, 4(57), 104–109 (in Russian).
- Grenaderova M.V. (2023). ESG-ratings and rankings: Their significance for companies and the regions of their presence. *Vestnik Severo-Vostochnogo fed. un-ta im. M.K. Ammosova. Ser.: Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya*, 4(32), 69–78. DOI: 10.25587/2587-8778-2023-4-69-78 (in Russian).
- Holden E., Linnerud K., Banister D. (2016). The imperatives of sustainable development. *Sustainable Development*. Available at: <https://doi.org/10.1002/sd.1647> (accessed: April 28, 2024).
- Kiprizli G. (2022). Through the lenses of morality and responsibility: BRICS, climate change and sustainable development. *Uluslararası İlişkiler. International Relations*, 19(75), 65–82. Available at: <https://www.jstor.org/stable/27195116> (accessed: April 20, 2024).

- Konstantinidi Kh.A., Yakovleva E.Yu., Bobylev S.N., Solov'eva S.V. (2023). Assessment of sustainability of development and prospects of ESG-transformation of the constituent entities of the Russian Federation. *Ekonomika ustoichivogo razvitiya*, 1(53), 176–180. DOI: 10.37124/20799136_2023_1_53_176 (in Russian).
- Korhonen J., Nuur K., Feldman A., Birkie S.E. (2018). Circular economy as an essentially contested concept. *Journal of Cleaner Production*, 544–552. DOI: 10.1016/j.jclepro.2017.12.111
- Lebedeva M.A. (2022). Transition barriers to “ZERO WASTE” in the field of municipal solid waste management in the regions of the Northwestern federal district. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(5), 110–123. DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.8 (in Russian).
- Long H. (2022). Analysis of the key factors of ecological environment protection in the national economic sustainable development goals. *Journal of Environmental and Public Health*. Available at: <https://doi.org/10.1155/2022/3593587> (accessed: April 28, 2024).
- Matasheva Kh.P., Vozkaev S.-U.S.-A., Bakasheva A.B. (2023). Economic and mathematical modeling of sustainable economic development processes. *Industrial'naya ekonomika=Industrial Economics*, S1, 92–96. DOI: 10.47576/2949-1886_2023_S1_92 (in Russian).
- Ovechkina A.I., Petrova N.P., Prisyazhnaya R.I. (2023). ESG-transformation of Russian companies: Problems and prospects. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gos. ekon. un-ta*, 3-1(141), 107–113 (in Russian).
- Sabinina A.L., Sycheva I.V., Izmailkova S.A., Sycheva N.A. (2020). Financial supporting modernization of the atmospheric air condition monitoring system in the mining region. *Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Nauki o Zemle*, 2, 379–391 (in Russian).
- Sheshukov D.E. (2023). Analysis of the relationship between the market value of the company and the main elements of the ESG concept. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*, 1, 9(139), 26–38 (in Russian).
- Suntsov S.A. (2018). History of the notion and concept of sustainable development. *Molodoi uchenyi=Young Scientist*, 41(227), 24–28 (in Russian).
- Sycheva I.V., Sycheva N.A. (2012). Study of the content of the category “social infrastructure”. *Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*, 2-1, 230–238 (in Russian).
- Sycheva I.V., Sycheva N.A., Shul'zhenko N.A. (2024). Problems of logistics of solid municipal waste management in social infrastructure facilities of the region. *Izvestiya Tul'skogo gos. un-ta. Nauki o Zemle*, 1, 641–653 (in Russian).
- Tausch A. (2013). Inequality, migration, and “smart” survival performance. *Social Evolution and History*, 12(2), 77–101. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/inequality-migration-and-smart-survival-performance?ysclid=lxhwx5zxfc174215588>
- Veren'ko N., Grishankova S., Kamenkov A. (2022). ESG-ratings: Essence, meaning and possibilities of application. *Bankovskii vestnik*, 11(712), 58–68 (in Russian).
- Zhatikova D.V., Shcherbachenko P.S. (2023). Methodology for assigning ESG ratings. *Vestnik universiteta*, 8, 99–108. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-8-99-108 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina V. Sycheva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Tula State University (92, Lenin Avenue, Tula, 300012, Russian Federation; e-mail: sychova15@mail.ru)

Natalia A. Sycheva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Tula State University (92, Lenin Avenue, Tula, 300012, Russian Federation; e-mail: sychova15@mail.ru)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.7

УДК 314 | ББК 60.7

© Домнич Е.Л.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ВОЗРАСТНОЙ РОЖДАЕМОСТИ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

ЕГОР ЛЕОНИДОВИЧ ДОМНИЧ

Институт экономических исследований

Дальневосточного отделения РАН

Хабаровск, Российская Федерация

e-mail: chaosraven@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-1379-8053](https://orcid.org/0000-0002-1379-8053); ResearcherID: [GZA-5343-2022](https://orcid.org/GZA-5343-2022)

Усиление сходимости или расходимости важнейших демографических параметров запускает необратимые социально-экономические процессы, связанные с поиском нового равновесия на рынках труда, потребительских товаров и общественных благ. Большое внимание поэтому уделяется изучению вариации суммарной рождаемости между странами и регионами. В то же время исследования дифференциации возрастной рождаемости сравнительно немногочисленны и не имеют сопоставимого пространственного и временного охвата. В рамках статьи проанализирована динамика вариации возрастных коэффициентов рождаемости для важнейших пятилетних возрастных групп российских женщин, проживающих в городской и сельской местности. Пространственно-временной разрез исследования охватывает 79 регионов в 1993–2022 гг. с детализацией на два периода роста и два периода снижения рождаемости. Анализ производился с помощью линейных трендов в рамках периодов роста и снижения рождаемости, что соответствует мейнстримному подходу к изучению явления. Определены возрастнo-временная и пространственнo-временная закономерности динамики вариации рождаемости в постсоветский период. Возрастнo-временная закономерность изменения вариации рождаемости формулируется как снижение размера вариации по мере увеличения возраста рожениц. Пространственнo-временная закономерность сводится к тому, что процессы клубной конвергенции и дивергенции рождаемости сильнее

Для цитирования: Домнич Е.Л. (2024). Дифференциация возрастной рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 99–115. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.7

For citation: Domnich Y.L. (2024). Differentiation of age-specific fertility rates of urban and rural population in post-Soviet Russia. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 99–115. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.7

проявляются в сельской местности, чем в городской, и в группах регионов, выделенных по величине рождаемости в реальных поколениях женщин, чем в группах регионов, выделенных по признаку административного деления территории страны. Результаты исследования позволили уточнить накопленные в литературе данные, основанные на вариации суммарной рождаемости.

Рождаемость городского населения, рождаемость сельского населения, рождаемость в регионах России, дифференциация рождаемости, возрастные коэффициенты рождаемости, постсоветская Россия, сигма-конвергенция, коэффициент вариации, сравнительный анализ.

Введение

Интенсивность демографических процессов неодинакова как в пространстве, так и во времени, что само по себе может определять долгосрочные тренды общественного развития (Вишневский, 2014; Захаров, 2023; Стадник, 2023; Dorius, 2008; Lehr, 2009; Vollmer et al., 2013; Hendi, 2017). Пространственно-временная дифференциация рождаемости обычно исследуется на основании суммарного коэффициента рождаемости (Синица, 2017; Архангельский, 2019; Шубат, 2019; Родина, 2023; Стадник, 2023; Dorius, 2008; Lehr, 2009; Vollmer et al., 2013; Strulik, Vollmer, 2013). Неоднократно показано, однако, что рождаемость подвержена возрастной и сельско-городской дифференциации: возрастная модель рождаемости непрерывно меняется, а диапазон ее вариации тесно связан со степенью урбанизации и плотностью населения (Домнич, 2024a; Sasaki, Kamihigashi, 2022). Значительный исследовательский интерес представляет изучение закономерностей совместной (четырёхмерной) дифференциации рождаемости, детализированной в разрезе возрастов рождения, временных периодов, групп регионов и мест проживания.

Предметом исследования является возрастная, временная, региональная и сельско-городская дифференциация рождаемости

в регионах постсоветской России. Цель – дать обобщенную количественную характеристику дифференциации рождаемости населения постсоветской России для каждого из пяти важнейших пятилетних возрастных интервалов рожениц: 15–19, 20–24, 25–29, 30–34 и 35–39 лет с детализацией в разрезе групп регионов, временных периодов и мест проживания. Основным статистическим инструментом исследования стали возрастные коэффициенты рождаемости (ВКР)¹. Пространственно-временной срез (объект исследования) базируется на данных Росстата по ВКР городского и сельского населения² в 79 регионах³ в течение 1993–2022 гг. с детализацией на четыре периода, отличающиеся друг от друга направлением и скоростью изменения уровня рождаемости. Методически исследование опирается на концепцию сигма-конвергенции и коэффициент вариации как измеритель меры сближения (конвергенции) или удаленности (дивергенции) индикаторов рождаемости.

Теоретические основы исследования

Исследования территориальной дифференциации коэффициентов рождаемости населения актуальны по ряду причин.

Во-первых, неравенство тех или иных групп населения по возможности воспроизводить себя в поколениях в долгосрочной

¹ Возрастные коэффициенты рождаемости рассчитываются как отношение числа родившихся за год у женщин данной возрастной группы к среднегодовой численности женщин этого возраста. При вычислении коэффициента для возрастной группы 15–19 лет в качестве знаменателя принята численность женщин в возрасте 15–19 лет, а в число рождений входят и родившиеся у женщин до 15 лет (Практическое инструктивно-методическое пособие по демографической статистике: утв. 07.12.2007 // Росстат).

² Возрастные коэффициенты рождаемости (значение показателя за год). URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30973> (дата обращения 10.03.2024).

³ Из выборки исключены города Москва, Санкт-Петербург и Севастополь (специфические регионы, где отсутствует сельское население), а также республики Ингушетия, Крым и Чечня по причине общепризнанно низкого качества демографической статистики (см., напр., Петросян, 2021; Родина, 2023).

перспективе влечет радикальные социальные, культурные и экономические изменения и поэтому может восприниматься обществом даже острее, чем неравенство по доходам, усугубляя накопившиеся внутри него противоречия. Такое толкование тесно связано с проблемами миграции и встраивания вновь прибывших граждан в местное общество. С этой точки зрения снижение дифференциации (конвергенция) рождаемости трактуется как демографическая ассимиляция⁴, а увеличение дифференциации (дивергенция) рождаемости – как культурная консервация (Dubuc, 2012; Wilson, 2018).

Во-вторых, априорное предположение о конвергенции, сближении страновых (региональных) уровней рождаемости с мировым (национальным) трендом, часто явно или неявно закладывается в демографические прогнозы⁵. Соответственно, невыполнение этого условия приводит к несостоятельности прогноза в целом, поэтому на современном этапе развития различают долгосрочные тренды рождаемости, асимптотически сходящиеся по мере повсеместного снижения рождаемости, и циклические компоненты, отражающие кратковременные отклонения от тренда (O'Connell, 1981).

На длительных временных интервалах демографический переход описывается как процесс последовательного перехода от одного равновесного состояния к другому через интервалы неравновесия и разбалансировки. Равновесное состояние отражается в конвергенции демографических показателей, а неравновесное – в их дивергенции. Первоначальное расхождение уровней рождаемости с их последующим сближением по мере осуществления демографического перехода проявляется как на репрезентативной выборке стран, так и в рамках отдельно взятых стран на выборках регионов (Arokiasamy, Goli, 2012; De Silva, Tenreyro, 2017; Hendi, 2017; Tsuya et al., 2019; Kalabikhina et al., 2020).

Замечено, что если в отдельной стране второй демографический переход сопровож-

ждался быстрым падением уровня рождаемости (относительно большинства стран), то заметно увеличивалась региональная вариация (дивергенция) суммарной рождаемости. По мнению профессиональных демографов, *«это происходит лишь на начальных этапах второго демографического перехода и скорее является следствием завершения первого демографического перехода, чем характерной чертой второго демографического перехода»* (Стадник, 2023, с. 36). Затем значения коэффициента региональной вариации суммарной рождаемости стабилизируются, что характерно, в том числе, для таких разных по размеру и структуре стран, как США, Франция и Япония.

В-третьих, для понимания тенденций изменения рождаемости в мировом (национальном) масштабе значительный интерес представляет феномен клубной конвергенции, когда уровень рождаемости отдельных групп стран (регионов) сближается не с мировым (национальным) трендом, а с внутригрупповым. В таком случае говорят об особых «режимах» рождаемости. Выделяются страны с режимом высокой рождаемости и страны с режимом низкой рождаемости; на глобальном графике плотности распределения коэффициентов рождаемости они образуют «двойной пик», вершины которого последние полвека сближаются (Dorius, 2008; Lehr, 2009; Strulik, Vollmer, 2013; Vollmer et al., 2013).

В середине XX века страны, где проживало две трети населения земного шара, относились к режиму с высокой рождаемостью, а остальные – к режиму с низкой рождаемостью; к началу XXI века эта картина изменилась на противоположную. В странах как с низкой, так и с высокой рождаемостью средний коэффициент рождаемости снизился, при этом наибольшее снижение абсолютного показателя рождаемости произошло в странах с изначально высокой рождаемостью. Установлено, что лишь с середины 1990-х гг. между странами с низкой рождаемостью

⁴ Различают два вида ассимиляции – адаптацию, когда конвергенция рождаемости проявляется уже у первого поколения мигрантов, и социализацию, когда к конвергенции репродуктивного поведения склонны только второе и (или) третье поколения.

⁵ Как правило, в таких случаях речь идет об итоговой рождаемости в реальных поколениях женщин.

(наиболее развитыми) происходит клубная бета- и сигма-конвергенция рождаемости, при этом какую-либо сходимость между странами с высокой рождаемостью (наименее развитыми) выявить не удалось (Dorius, 2008; Strulik, Vollmer, 2013; Nakanagi, 2019).

В-четвертых, сохраняется значительный потенциал исследований пространственно-временной дифференциации рождаемости в постсоветской России.

Накопленные в литературе оценки в целом говорят о сходимости (конвергенции) суммарного коэффициента рождаемости (СКР) в регионах в течение большей части постсоветского периода за исключением сравнительно непродолжительного периода от введения института федерального материнского капитала до появления институтов регионального материнского капитала. Так, В.Н. Архангельский на основании коэффициента корреляции между исходным уровнем СКР и величиной его изменения за период показал конвергенцию суммарной рождаемости в 1990–1999, 1999–2006 и 2011–2015 гг., а также ее дивергенцию в 2006–2011 гг. (Архангельский, 2019). К схожим выводам пришел А.Л. Сеница, оценив сигма-конвергенцию (коэффициент вариации) и безусловную бета-конвергенцию⁶ в регионах за 1990–2014 гг. Согласно его результатам, короткий отрезок дивергенции 1990–1992 гг. сменился продолжительным этапом конвергенции в 1993–2006 гг., после чего вновь последовала дивергенция СКР в 2006–2014 гг. (Сеница, 2017). Коэффициент вариации СКР из исследования О.М. Шубат (1990–2016 гг.) ведет себя немного иначе, увеличиваясь (показывая дивергенцию) в 1990–1993, 1995, 1999 и 2007–2011 гг. и уменьшаясь (демонстрируя

конвергенцию) в прочие годы (Шубат, 2019). Наконец, О.А. Родина обосновала периодизацию суммарной рождаемости в 1995–2019 гг. с учетом направленности динамики СКР и величины его вариации: 1995–1999 гг. (снижение СКР и снижение вариации), 2000–2005 гг. (рост СКР и отсутствие однонаправленных тенденций вариации), 2006–2011 гг. (рост СКР и рост вариации), 2012–2015 гг. (рост СКР и снижение вариации), 2016–2019 гг. (снижение СКР и стабилизация вариации) (Родина, 2023). Временные периодизации, используемые исследователями, близки к обоснованной нами периодизации динамики СКР городского и сельского населения в 1993–2022 гг., включающей два периода спада и два периода роста⁷.

В то же время известно, что рождаемость в регионах страны в течение всего постсоветского периода характеризовалась значительными возрастными и сельско-городскими различиями. Так, динамика рождаемости у женщин разных возрастов в один и тот же период времени зачастую была разнонаправленной, а «универсальная» черта второго демографического перехода, когда рождения переносятся на более зрелые возраста, проявляется лишь у городского населения страны, тогда как у сельского населения аналогичной компенсации не наблюдается (Домнич, 2024а). Поэтому оценка и пространственно-временная детализация показателей сходимости (конвергенции) рождаемости в разрезе групп регионов, временных периодов, возрастов рождения и мест проживания обладают значительной аналитической ценностью. В нашем исследовании оценка выполнена на основании концепции сигма-конвергенции.

⁶ Концепция бета-конвергенции предполагает, что темп роста социально-экономического индикатора (например, рождаемости) в регионе тем выше, чем ниже был его уровень исходный момент времени. Показано, однако, что интерпретация обнаруженной бета-сходимости как свидетельства уменьшения разброса социально-экономических индикаторов является ошибочной. Наличие бета-сходимости совместно не только со снижением неравенства по рождаемости или доходам, но и с его постоянством и даже ростом (Глуценко, 2012, с. 42). Таким образом, единственным валидным измерителем конвергенции (дивергенции) может служить лишь та или иная мера разброса (сигма-конвергенция) индикатора.

⁷ Выделяются периоды спада 1993–1999 гг., медленного роста 2000–2006 гг., форсированного роста, обусловленного введением и ежегодной индексацией материнского капитала 2007–2015 гг. и продолжающийся с 2016 года (2015 год для сельского населения) период нового спада, связанного со снижением реальных доходов населения, отказом государства от индексации материнского капитала и вхождением в репродуктивный возраст малочисленного поколения 1990–2000-х гг. рождения (Домнич, 2024б).

Методика исследования

Оценка и анализ региональных трендов ВКР осуществлялись в три этапа.

На первом этапе мы ограничили региональный анализ трендов ВКР дву-

мя группировками регионов (рис. 1, 2). Первая группировка (А1... А6) основана на административном делении субъектов Федерации. Вторая группировка (В1... В6) основана на долгосрочных тенденциях

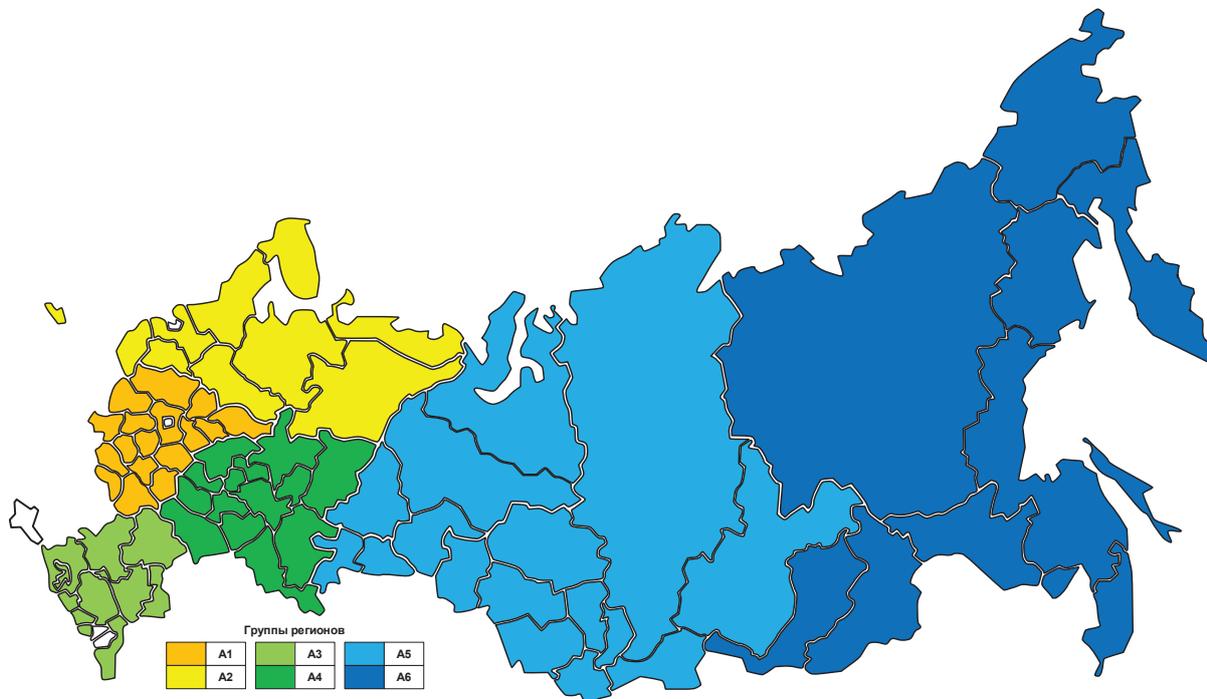

Рис. 1. Группировка регионов согласно административному делению

Источник: составлено автором, подробнее см. (Домнич, 2024b).

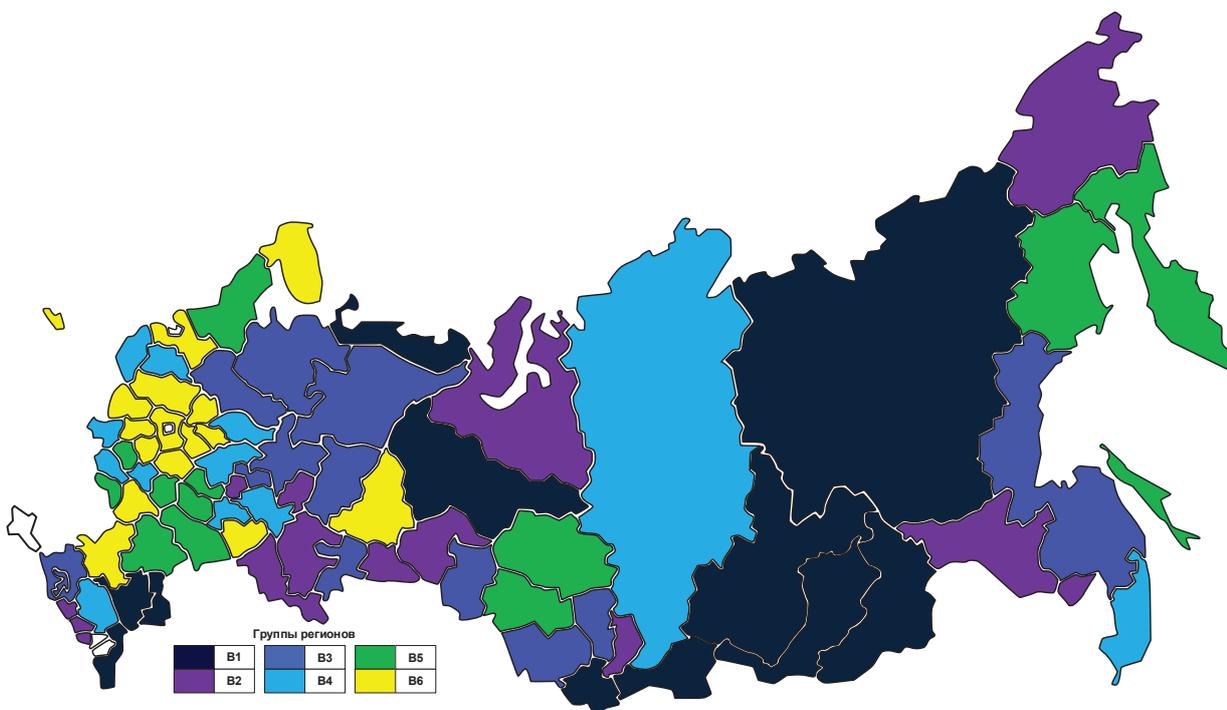

Рис. 2. Группировка регионов по рождаемости в реальных поколениях женщин

Источник: составлено автором, подробнее см. (Домнич, 2024b).

рождаемости в реальных поколениях женщин⁸.

На втором этапе, пользуясь стандартным подходом к оценке сигма-конвергенции⁹ (Rapacki, Próchniak, 2009; Глущенко, 2012; Dey, Neogi, 2015), мы рассчитали коэффициенты вариации ВКР для каждой возрастной группы (15–19, 20–24, 25–29, 30–34 и 35–39 лет), каждой группы регионов (А1... В6), каждого типа населения (городское, сельское) на интервалах 1993–1999, 2000–2006, 2007–2015, 2016–2022 гг. для городского населения и на интервалах 1993–1999, 2000–2006, 2007–2014, 2015–2022 гг. для сельского населения:

$$CV_t = \sigma_t / \bar{f}_t, \quad (1)$$

где:

σ_t – стандартное отклонение логарифма возрастной рождаемости f_t :

$$\sigma_t = \sigma(\ln f_t) \quad (2)$$

Согласно концепции сигма-конвергенции, конвергенция (сходимость) показателей имеет место при $CV_{t+T} < CV_t$, а дивергенция (расходимость) при $CV_{t+T} > CV_t$, где T – некоторый период времени (Глущенко, 2012, с. 26). Для формализации тенденций роста или уменьшения коэффициента вариации на третьем этапе исследования рассчитаны линейные тренды коэффициентов вариации для каждой возрастной группы, каждой группы регионов и каждого типа населения на интервалах 1993–1999, 2000–2006, 2007–2015, 2016–2022 гг. для городского населения и на интервалах 1993–1999, 2000–2006, 2007–2014, 2015–2022 гг. для сельского населения:

$$CV_t = at + b + \varepsilon_t \quad (3)$$

Если коэффициент эластичности коэффициента вариации по линейному тренду a

статистически значим и отрицателен, то в рамках периода имеет место конвергенция показателя рождаемости, а если статистически значим и положителен – его дивергенция (Rapacki, Próchniak, 2009; Dey, Neogi, 2015; Ram, 2017). Отсутствие статистической значимости a означает отсутствие выраженной тенденции к увеличению или снижению вариации рождаемости в рамках периода. Важным допущением предложенной методики является совпадение временной периодизации динамики коэффициента вариации ВКР с периодизацией динамики уровня ВКР, обоснованной ранее (Домнич, 2024а), что, конечно, неочевидно. Тем не менее автор считает целесообразным изучить поведение коэффициента вариации ВКР в рамках отрезков, ограниченных важнейшими вехами динамики рождаемости, как суммарной, так и возрастной, в постсоветской России. Это 1999 год, когда рождаемость опустилась до минимального за весь постсоветский период уровня почти во всех регионах; 2007 год, когда был инициирован институт федерального материнского капитала, и середина 2010-х гг. (2015 год для городского и 2014 год для сельского населения), когда рождаемость поднялась до максимального за весь постсоветский период уровня также почти во всех регионах (Домнич, 2024б). На таких коротких промежутках в 7–9 лет можно достоверно проверить лишь наличие линейного тренда.

Результаты исследования

Возрастно-временные закономерности

Рождаемость в разных возрастах в постсоветский период характеризуется разнонаправленными тенденциями изменения (Домнич, 2024а); то же можно сказать о тенденциях изменения коэффициентов вариации ВКР (рис. 3). В рамках общестрановой выборки регионов на интервале в 30 лет вариация ВКР обладает стабильной тенденци-

⁸ Подробнее см. (Домнич, 2024б). Состав групп регионов приведен в приложении.

⁹ В общем смысле сигма-конвергенция есть измеритель «ширины» плотности распределения показателя. Таким индикатором может являться любой показатель размаха или неравенства: стандартное отклонение, индексы Аткинсона, Джини, Тейла и др. (см. Глущенко, 2012). Наиболее частотным вариантом, однако, является коэффициент вариации, поэтому его использование обеспечивает исследованию сопоставимость, в том числе, с зарубежным опытом измерений.

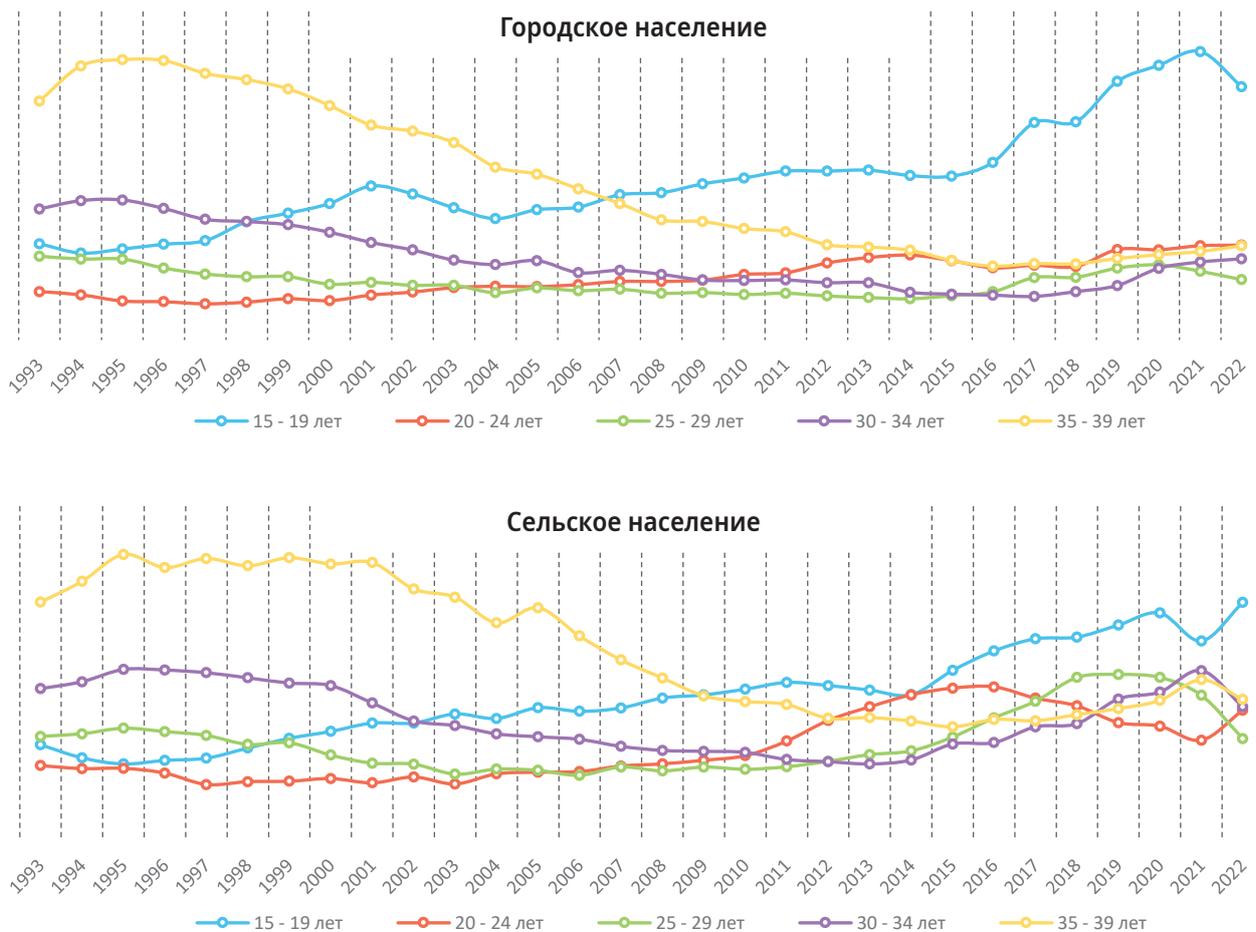

Рис. 3. Коэффициент вариации ВКР 79 регионов России в 1993–2022 гг. по важнейшим пятилетним возрастным группам женщин

Источник: расчеты автора.

ей к увеличению (дивергенции) в молодых возрастных группах (15–19 и 20–24 лет), снижению (конвергенции) в старшей возрастной группе (35–39 лет) и стагнации примерно на одном уровне в средних возрастных группах (25–29 и 30–34 лет). Это справедливо как для городского, так и сельского населения, но у городского населения указанные тенденции более выражены. Значения коэффициентов вариации рождаемости городского и сельского населения при выбранном способе оценки у аналогичных возрастных групп располагаются приблизительно в одном диапазоне.

Если в 1993 году наименьший уровень рождаемости и наибольшая вариация рождаемости наблюдались у самой старшей группы 35–39 лет, то к 2022 году данные утверждения стали справедливы уже для самой молодой

группы 15–19 лет¹⁰. В начале постсоветской эпохи женщины из самой старшей группы рожали сравнительно редко и уровень рождаемости среди них сильно отличался между регионами; в конце рассматриваемого интервала такие роды стали обычным явлением и региональная дифференциация снизилась в 2,5 раза в городской и в 1,7 раза в сельской местности. Напротив, число родов в самой молодой группе, среди девушек-подростков, стало наименьшим, что определило возникновение многочисленных региональных особенностей этого явления (социальной и культурной специфики), отразившихся в увеличении вариации рождаемости в 2,6 раза в городе и в 2,5 раза на селе.

Важнейшими с точки зрения сравнительной величины рождаемости и количества

¹⁰ При этом наибольший уровень рождаемости в 1993 году был у возрастной группы 20–24 лет, а в 2022 году – у группы 25–29 лет.

рожденных детей в течение 1993–2022 гг. являлись возрастными группами 20–24 лет (вплоть до конца 1990-х гг.), а также 25–29 и 30–34 лет (начиная с 2000-х гг.) (Домнич, 2024а). Диапазон вариации рождаемости в этих группах был сравнительно небольшим по сравнению с группами 15–19 и 35–39 лет. Так, коэффициент вариации ВКР в возрастной группе 20–24 лет в 1993–2022 гг. увеличился в 2 раза у городского и в 1,7 раза у сельского населения. В группе 25–29 лет вариация рождаемости городского населения снизилась в 1,4 раза, а вариация рождаемости сельского населения практически не изменилась. В группе 30–34 лет вариация рождаемости городского населения снизилась в 1,6, а сельского – в 1,1 раза.

Исходя из этого, можно сформулировать возрастную закономерность изменения вариации рождаемости в постсоветской России: чем старше возрастная группа женщин – тем меньше будет коэффициент вариации рождаемости в ней по сравнению с исходным значением (большая сходимость между регионами, большая конвергенция) в долгосрочной перспективе. Следовательно, оценки конвергенции (дивергенции) рождаемости на основе СКР, накопленные в литературе (Синица, 2017; Архангельский, 2019; Шубат, 2019; Родина, 2023), отражают лишь общие закономерности демографических переходов в регионах страны. На деле же в каждый момент времени рождаемость у части женщин, отсортированных по возрасту, будет обнаруживать региональную конвергенцию, тогда как рождаемость у прочих женщин может развиваться дивергентно.

Каждый построенный тридцатилетний ряд динамики коэффициента вариации содержит несколько структурных сдвигов, точная идентификация которых выходит за рамки предмета исследования. В начале изучаемого периода коэффициент вариации рождаемости в молодых возрастных группах (15–19 и 20–24 лет), прежде чем вый-

ти на возрастающий тренд, несколько лет снижался, а в средних (25–29 и 30–34 лет) и старшей (35–39 лет) возрастных группах – несколько лет возрастал перед долгосрочным снижением или стагнацией. Независимо от возрастной группы, заметные изменения в направлении и (или) величине изменения коэффициентов вариации рождаемости характерны для начала 2000-х гг., когда начался слабый рост рождаемости, обусловленный улучшением общих социально-экономических условий, для середины 2010-х гг. (2015 год для городского и 2014 год для сельского населения), когда стимулирующий эффект материнского капитала исчерпал себя и начался новый период спада рождаемости, а также для излома 2021/2022 гг., связанного, по-видимому, с последствиями коронакризиса и началом специальной военной операции. Любопытно, что каких-либо явных структурных сдвигов на рубеже 2007/2008 гг. (запуск института материнского капитала) ни в одной из возрастных групп не обнаруживается¹¹.

Пространственно-временные закономерности

Оценка линейных трендов коэффициентов вариации ВКР в разрезе групп регионов выявила прежде всего значительное число городских и сельских региональных, временных и возрастных сегментов, где линейная зависимость вариации рождаемости от времени отсутствовала (коэффициент эластичности статистически незначим). Статистически незначимые и статистически значимые коэффициенты эластичности вариации рождаемости по линейному тренду неравномерно разбросаны по массиву оценок. Можно выделить городские и сельские, региональные, временные и возрастные сегменты, для которых получены статистически значимые оценки (рис. 4, 5). Выделение такой части массива полученных оценок позволяет сделать ряд выводов, касающихся клубной конвергенции рождаемости в постсоветской России.

¹¹ Структурные сдвиги неочевидны в рамках простого графического анализа данных. Нельзя исключать, что вдумчивый эконометрический поиск структурных сдвигов, выходящий за рамки данного исследования, опровергнет этот предварительный вывод.

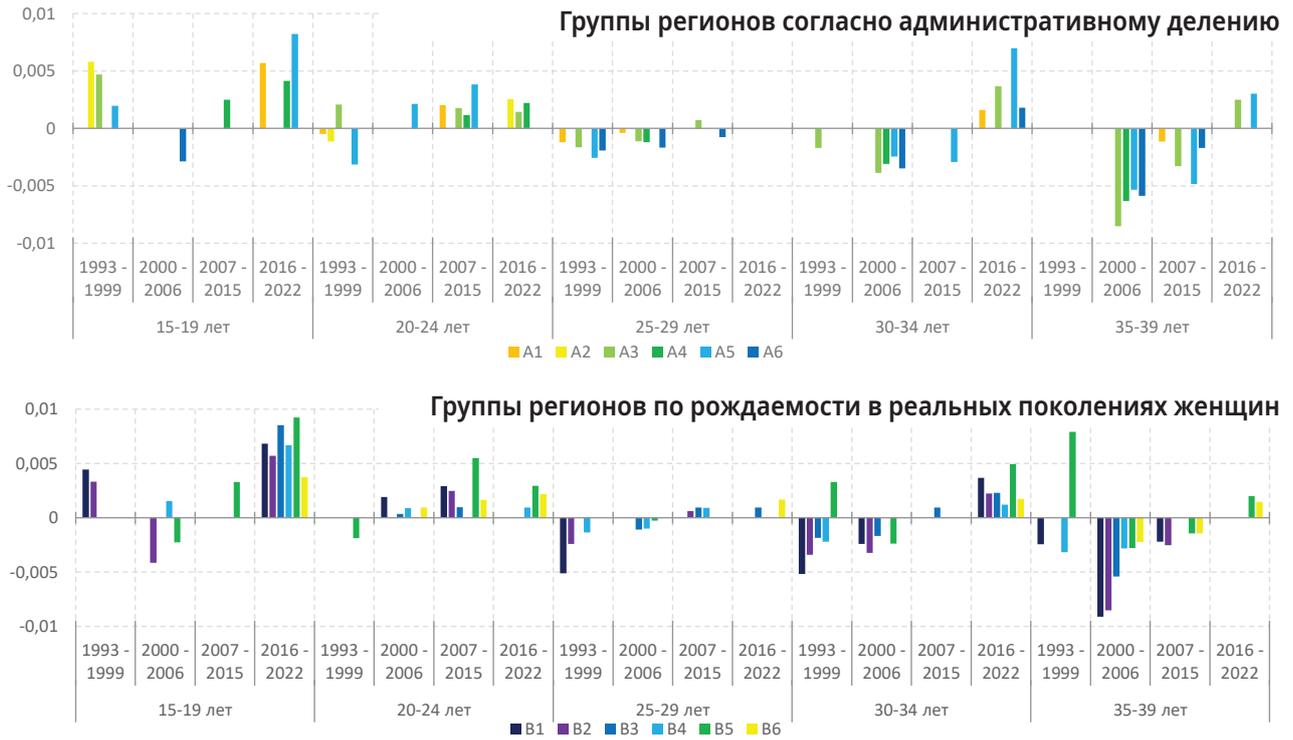

Рис. 4. Статистически значимые (уровень значимости не менее 10%) коэффициенты эластичности коэффициента вариации ВКР по линейному тренду для городского населения в группах регионов
 Источник: расчеты автора.

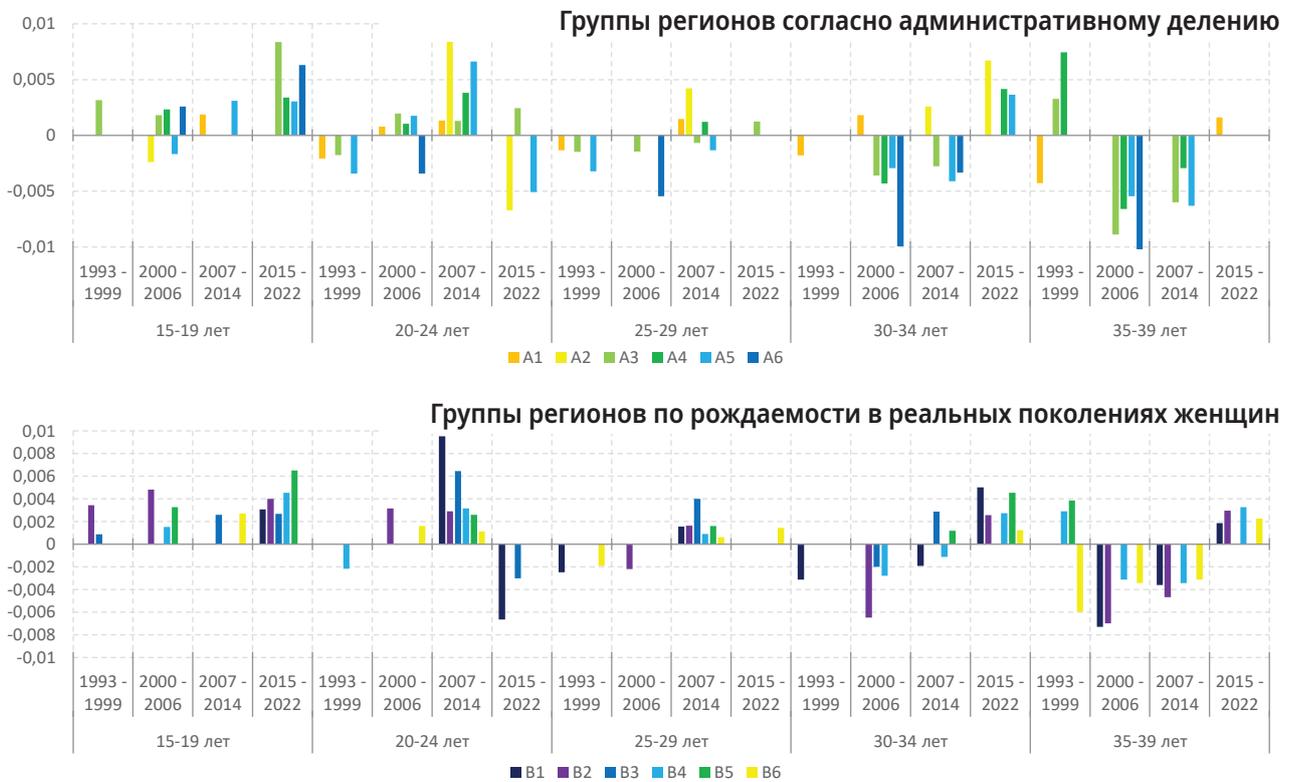

Рис. 5. Статистически значимые (уровень значимости не менее 10%) коэффициенты эластичности коэффициента вариации ВКР по линейному тренду для сельского населения в группах регионов
 Источник: расчеты автора.

Во-первых, для понимания тенденций дифференциации рождаемости городского населения важен выбор группировки регионов (и принципа ее формирования): административной, демографической либо какой-то еще. В рамках административной группировки регионов (А1... А6) для городского населения (см. рис. 4) получено существенно меньше значимых коэффициентов эластичности вариации рождаемости по временному тренду a , чем в рамках демографической группировки по величине рождаемости в реальных поколениях (В1... В6)¹². Таким образом, с точки зрения демографической группировки дифференциация рождаемости в постсоветских городах изменялась более активно, чем если рассматривать те же процессы, разделив территорию страны на федеральные округа. Это нехарактерно для дифференциации рождаемости сельского населения (см. рис. 5): количество статистически значимых оценок a (периодов явной конвергенции или дивергенции) в разрезе обеих группировок регионов здесь примерно одинаково. Для описания процессов конвергенции и дивергенции рождаемости в сельской местности административная группировка регионов важна, тогда как для городской местности она значительно менее актуальна.

Во-вторых, региональная детализация вариации рождаемости показывает, что общенациональная конвергенция или дивергенция рождаемости в той или иной возрастной группе (см. рис. 3) зачастую сопровождалась противоположными по направленности процессами, локализованными в отдельных группах регионов.

Так, тенденция к дивергенции рождаемости городского и сельского населения в возрастной группе 15–19 лет была наиболее выражена во время второго периода снижения суммарной рождаемости (2016–2022 гг. для городского и 2015–2022 гг. для сельского населения). В это время клубная диверген-

ция охватила большую часть групп регионов, как с точки зрения административной, так и демографической группировки. Тем не менее во время первого периода роста суммарной рождаемости (2000–2006 гг.) отдельные группы регионов развивались конвергентно: для городского населения это группы А6, В2 и В5, а для сельского населения – группы А2 и А5.

Тенденция к дивергенции рождаемости городского и сельского населения в возрастной группе 20–24 лет была наиболее выражена во время второго периода роста суммарной рождаемости (2007–2015 гг. для городского и 2007–2014 гг. для сельского населения). Однако во время первого периода снижения суммарной рождаемости (1993–1999 гг.) отдельные группы регионов развивались конвергентно: для городского населения это группы А1, А2, А5 и В5, а для сельского населения – группы А1, А3, А5 и В4.

Тенденция к конвергенции рождаемости городского и сельского населения в возрастной группе 35–39 лет была наиболее выражена во время первого и второго периодов роста суммарной рождаемости, а во время первого и второго периодов спада отдельные группы регионов демонстрировали выраженную дивергенцию рождаемости: для городского населения это группы В5 (1993–1999 гг.), а также А3, А5, В5 и В6 (2016–2022 гг.) тогда как для сельского населения – группы А3, А4, В4 и В5 (1993–1999 гг.), а также А1, В1, В2, В4 и В6 (2015–2022 гг.).

Тенденция к конвергенции рождаемости городского и сельского населения в возрастной группе 25–29 лет наблюдалась в отдельных группах регионов во время первого периода снижения и первого периода роста суммарной рождаемости; во время второго периода роста многие группы регионов продемонстрировали выраженную дивергенцию рождаемости. В отдельных группах регионов дивергенция рождаемости наблюда-

¹² В том числе наименьшее количество статистически значимых коэффициентов эластичности обнаруживается в трендах вариации рождаемости городского населения групп А1 и А2 (центральные и северо-западные регионы) независимо от возраста женщин и временного периода. В трендах коэффициента вариации рождаемости городского населения в группе 25–29 лет в рамках периода 2016–2022 гг., а также в группе 35–39 лет в рамках периода 1993–1999 гг. не зафиксировано ни одного статистически значимого коэффициента эластичности.

лась и во время второго периода снижения суммарной рождаемости.

В возрастной группе 30–34 лет первый период снижения и первый период роста суммарной рождаемости характеризуются в целом как периоды клубной конвергенции, а второй период снижения суммарной рождаемости – как период клубной дивергенции. При этом в рамках второго периода роста суммарной рождаемости имели место как клубная конвергенция, так и клубная дивергенция рождаемости.

Заключение

Оценка коэффициентов вариации ВКР и их линейных трендов для пяти важнейших пятилетних возрастных групп женщин, проживающих в городской и сельской местности, в пространственно-временном разрезе для 79 регионов в 1993–2022 гг., позволяет сделать ряд выводов о тенденциях сходимости (сигма-конвергенции) возрастной рождаемости в регионах постсоветской России.

Вариация рождаемости в постсоветский период может быть описана двумя накладывающимися друг на друга закономерностями: возрастно-временной и пространственно-временной.

Возрастно-временная закономерность изменения вариации рождаемости формулируется как снижение размера вариации по мере увеличения возраста рожениц (равно как и его увеличение по мере снижения возраста). Чем старше возрастная группа, тем меньше будет коэффициент вариации рождаемости в ней по сравнению с исходным значением в долгосрочной перспективе. Это важнейшая закономерность, определяющая соотношение между процессами региональной конвергенции и дивергенции рождаемости на интервале 1993–2022 гг. Общая тенденция к конвергенции суммарной рождаемости, рассчитываемая на основе СКР (Синица, 2017; Архангельский, 2019; Шубат, 2019; Родина, 2023), объясняется снижением вклада молодых возрастных групп, склонных к дивергенции, и увеличением вклада старшей возрастной группы, склонной к конвергенции уровня рождаемости.

Пространственно-временная закономерность сводится к тому, что процессы клубной конвергенции и дивергенции рождаемости сильнее проявляются в сельской местности, чем в городской, и в группах регионов, выделенных по величине рождаемости в реальных поколениях женщин, чем в группах регионов, выделенных по признаку административного деления территории страны.

Установленные закономерности позволяют детализировать процесс второго демографического перехода в постсоветской России в разрезе исторически важных временных интервалов, а также возрастной структуры рожениц, региона и места их проживания. Здесь можно сформулировать два важнейших вывода о региональной дифференциации рождаемости как важнейшего демографического процесса в постсоветской России.

Во-первых, сопоставление результатов этой детализации с важнейшими закономерностями динамики уровня рождаемости в регионах, установленными ранее (Домнич, 2024а; Домнич, 2024b), позволяет провести широкие аналогии между российскими и общемировыми тенденциями дифференциации рождаемости в регионах (Стадник, 2023; Arokiasamy et al., 2012; De Silva, Tenreyro, 2017; Dorius, 2008; Dubuc, 2012; Hendi, 2017). Так, резкое снижение уровня рождаемости в молодых возрастных группах женщин и сопутствующую дивергенцию (увеличение коэффициентов вариации) рождаемости в них можно сопоставить с аналогичными тенденциями, сопровождавшими демографический переход в ряде других стран (Стадник, 2023). При этом конвергенция суммарной рождаемости обеспечивается средними и старшими возрастными группами и прежде всего – в периоды роста соответствующих ВКР и СКР (2000–2006 и 2007–2015 гг.). Нам не известны подобные закономерности в других странах; обычно увеличение рождаемости сопровождается дивергенцией показателя (характерно для слаборазвитых стран и регионов) (Lehr, 2009; Nakagaki, 2019).

Во-вторых, исследование позволяет наметить направления поиска актуальных региональных клубов конвергенции (дивергенции) возрастной рождаемости, что актуально, например, для построения демографических прогнозов (O’Connell, 1981). Для городского населения (т. е. 75% женщин репродуктивного возраста¹³) установлено, что искать такие клубы, исполь-

зуя административную сетку, непродуктивно. Группы регионов, выделенные по величине рождаемости в реальных поколениях женщин, образуют клубы конвергенции (дивергенции) гораздо чаще. В дальнейшем целесообразно увеличить число группировок регионов с привлечением социально-экономических и этнокультурных критериев.

Приложение

Состав групп регионов, используемых в исследовании

№	Регион	Группировка согласно административному делению	Группировка по рождаемости в реальных поколениях женщин
1	Белгородская область	A1	B5
2	Брянская область	A1	B4
3	Владимирская область	A1	B6
4	Воронежская область	A1	B6
5	Ивановская область	A1	B6
6	Калужская область	A1	B6
7	Костромская область	A1	B4
8	Курская область	A1	B4
9	Липецкая область	A1	B4
10	Московская область	A1	B6
11	Орловская область	A1	B5
12	Рязанская область	A1	B6
13	Смоленская область	A1	B6
14	Тамбовская область	A1	B5
15	Тверская область	A1	B6
16	Тульская область	A1	B6
17	Ярославская область	A1	B6
18	Республика Карелия	A2	B5
19	Республика Коми	A2	B3
20	Ненецкий автономный округ	A2	B1
21	Архангельская область	A2	B3
22	Вологодская область	A2	B3
23	Калининградская область	A2	B6
24	Ленинградская область	A2	B6
25	Мурманская область	A2	B6
26	Новгородская область	A2	B4
27	Псковская область	A2	B4
28	Республика Адыгея	A3	B3
29	Республика Калмыкия	A3	B1
30	Краснодарский край	A3	B3
31	Астраханская область	A3	B1

¹³ Рассчитано по: Численность постоянного населения в среднем за год. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения 01.02.2024); Численность постоянного населения – женщин по возрасту на 1 января. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459> (дата обращения 01.02.2024).

32	Волгоградская область	А3	В5
33	Ростовская область	А3	В6
34	Республика Дагестан	А3	В1
35	Кабардино-Балкарская Республика	А3	В2
36	Карачаево-Черкесская Республика	А3	В2
37	Республика Северная Осетия – Алания	А3	В2
38	Ставропольский край	А3	В4
39	Республика Башкортостан	А4	В2
40	Республика Марий Эл	А4	В3
41	Республика Мордовия	А4	В5
42	Республика Татарстан	А4	В4
43	Удмуртская Республика	А4	В2
44	Чувашская Республика	А4	В2
45	Пермский край	А4	В3
46	Кировская область	А4	В3
47	Нижегородская область	А4	В4
48	Оренбургская область	А4	В2
49	Пензенская область	А4	В5
50	Самарская область	А4	В6
51	Саратовская область	А4	В5
52	Ульяновская область	А4	В4
53	Курганская область	А5	В2
54	Свердловская область	А5	В6
55	Ханты-Мансийский автономный округ	А5	В1
56	Ямало-Ненецкий автономный округ	А5	В2
57	Тюменская область	А5	В2
58	Челябинская область	А5	В3
59	Республика Алтай	А5	В1
60	Республика Тыва	А5	В1
61	Республика Хакасия	А5	В2
62	Алтайский край	А5	В3
63	Красноярский край	А5	В4
64	Иркутская область	А5	В1
65	Кемеровская область	А5	В3
66	Новосибирская область	А5	В5
67	Омская область	А5	В3
68	Томская область	А5	В5
69	Республика Бурятия	А6	В1
70	Забайкальский край	А6	В1
71	Республика Саха (Якутия)	А6	В1
72	Камчатский край	А6	В5
73	Приморский край	А6	В4
74	Хабаровский край	А6	В3
75	Амурская область	А6	В2
76	Магаданская область	А6	В5
77	Сахалинская область	А6	В5
78	Еврейская автономная область	А6	В2
79	Чукотский автономный округ	А6	В2

Источник: составлено автором.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельский В.Н. (2019). Региональная дифференциация рождаемости в России // Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе: сб. статей X Уральского демографического форума. В 2-х т. Т. I / Институт экономики Уральского отделения РАН; отв. ред. О.А. Козлова. С. 16–27. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41290474>
- Вишневский А.Г. (2014). Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида Homo sapiens // Демографическое обозрение. Т. 1. № 1. С. 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825
- Глущенко К.П. (2012). Мифы о бета-конвергенции // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 26–44. URL: <https://www.econorus.org/repec/journal/2012-16-26-44r.pdf>
- Домнич Е.Л. (2024a). Возрастная структура рождаемости городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды, основанные на панельных данных // Регионалистика. Т. 11. № 3. С. 5–29. DOI: 10.14530/reg.2024.3.5
- Домнич Е.Л. (2024b). Рождаемость городского и сельского населения в постсоветской России: региональные тренды // Регионалистика. Т. 11. № 2. С. 5–26. DOI: 10.14530/reg.2024.2.5
- Захаров С.В. (2023). История рождаемости в России: от поколения к поколению // Демографическое обозрение. Т. 10. № 1. С. 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259
- Петросян А. (2021). Рождаемость в муниципальных образованиях регионов России в 2011–2019 гг. // Демографическое обозрение. Т. 8. № 3. С. 42–73. URL: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266>
- Родина О.А. (2023). Региональная вариация рождаемости и ее связь с социально-экономическим положением российских регионов // Демографическое обозрение. Т. 10. № 2. С. 63–103. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17766
- Синица А.Л. (2017). Рождаемость в регионах России. Конвергенция или дивергенция // Регион. Экономика и социология. № 2. С. 152–173. DOI: 10.15372/reg20170207
- Стадник Н.М. (2023). Тенденции региональной дифференциации рождаемости при втором демографическом переходе в некоторых странах // Демографическое обозрение. Т. 10. № 2. С. 18–40. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17764
- Шубат О.М. (2019). Региональная конвергенция рождаемости в России // Экономика региона. Т. 15. № 3. С. 736–748. DOI: 10.17059/2019-3-9
- Arokiasamy P., Goli S. (2012). Fertility convergence in the Indian States: An assessment of changes in averages and inequalities in fertility. *Genus*, LXVIII (1), 65–88. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2306837>
- De Silva T., Tenreyro S. (2017). Population control policies and fertility convergence. *Journal of Economic Perspectives*, 31 (4), 205–228. DOI: 10.1257/jep.31.4.205
- Dey S.P., Neogi D. (2015). Testing sigma and unconditional beta convergence of GDP for SAARC Countries: Can inclusion of China further consolidate the convergence? *Global Business Review*, 16 (5), 845–855. DOI: 10.1177/0972150915591643
- Dorius S.F. (2008). Global demographic convergence? A reconsideration of changing intercountry inequality in fertility. *Population and Development Review*, 34 (3), 519–537. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2008.00235.x
- Dubuc S. (2012). Immigration to the UK from high-fertility countries: Intergenerational adaptation and fertility convergence. *Population and Development Review*, 38 (2), 353–368. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2012.00496.x
- Hendi A.S. (2017). Globalization and contemporary fertility convergence. *Social Forces*, 96 (1), 215–238. DOI: 10.1093/sf/sox044
- Kalabikhina I., Shatalova E., Fang L. (2020). Demographic situation in China: Convergence or divergence? *BRICS Journal of Economics*, 1 (1), 81–101. DOI: 10.38050/2712-7508-2020-6
- Lehr C.S. (2009). Evidence on the demographic transition. *Review of Economics and Statistics*, 91 (4), 871–887. DOI: 10.1162/rest.91.4.871

- Nakagaki Y. (2019). Continuing global fertility convergence. *Working Papers 195 JICA Research Institute*. DOI: 10.18884/00001001
- O'Connell M. (1981). Regional fertility patterns in the United States: Convergence or divergence? *International Regional Science Review*, 6 (1), 1–14. DOI: 10.1177/01600176810060010
- Ram R. (2017). Comparison of cross-country measures of sigma-convergence in per-capita income, 1960–2010. *Applied Economics Letters*, 25 (14), 1010–1014. DOI: 10.1080/13504851.2017.1391992
- Rapacki R., Próchniak M. (2009). Real beta and sigma convergence in 27 transition countries, 1990–2005. *Post-Communist Economies*, 21 (3), 307–326. DOI: 10.1080/14631370903090616
- Sasaki Y., Kamihigashi T.A. (2022). *Spatial Panel Data Analysis of Fertility Rates: Unraveling Two Myths*. Available at: <https://www.rieb.kobe-u.ac.jp/academic/ra/dp/English/DP2022-13.pdf>
- Strulik H., Vollmer S. (2013). The fertility transition around the world. *Journal of Population Economics*, 28 (1), 31–44. DOI: 10.1007/s00148-013-0496-2
- Tsuya N.O., Choe M.K., Wang F. (2019). Convergence to very low fertility in East Asia: Processes, causes, and implications. *Springer Briefs in Population Studies*. DOI: 10.1007/978-4-431-55781-4
- Vollmer S., Holzmann H., Schwaiger F. (2013). Peaks vs. Components. *Review of Development Economics*, 17 (2), 352–364.
- Wilson B. (2018). The intergenerational assimilation of completed fertility: comparing the convergence of different origin groups. *International Migration Review*, 53 (2), 429–457. DOI: 10.1177/0197918318769047

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егор Леонидович Домнич – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения Российской академии наук (Российская Федерация, 680042, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: chaosraven@yandex.ru)

Domnich Y.L.

DIFFERENTIATION OF AGE-SPECIFIC FERTILITY RATES OF URBAN AND RURAL POPULATION IN POST-SOVIET RUSSIA

Increasing convergence or divergence of the most important demographic parameters triggers irreversible socio-economic processes associated with the search for a new equilibrium in the markets of labor, consumer goods and public goods. Therefore, much attention is paid to the study of variation in total fertility between countries and regions. At the same time, studies of age-specific fertility differentiation are relatively few and lack comparable spatial and temporal coverage. The article analyzes the dynamics of variation in age-specific fertility rates for the most important five-year age groups of Russian women living in urban and rural areas. The spatial and temporal cross-section of the study covers 79 regions in 1993–2022, with a detailed breakdown into two periods of fertility growth and two periods of fertility decline. We performed the analysis using linear trends within the periods of fertility growth and decline, which corresponds to the mainstream approach to the study of the phenomenon. We determined the age-temporal and spatial-temporal regularities of the dynamics of fertility variation in the post-Soviet period. The age-temporal pattern of fertility variation is formulated as a decrease in the size of variation as the age of women giving birth increases. The spatial and temporal regularity is reduced to the fact that the processes of club convergence and divergence of fertility are more pronounced in rural areas than in urban areas,

and in groups of regions distinguished by the size of fertility in real generations of women than in groups of regions distinguished by the administrative division of the country's territory. The research results helped to refine the data accumulated in the literature based on the variation in total fertility.

Urban fertility, rural fertility, fertility in Russian regions, fertility differentiation, age-specific fertility rates, post-Soviet Russia, sigma-convergence, coefficient of variation, comparative analysis.

REFERENCES

- Arkhangelskiy V.N. (2019). Regional differentiation of fertility in Russia. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie i demograficheskie aspekty realizatsii natsional'nykh proektov v regione: sb. statei X Ural'skogo demograficheskogo foruma. V 2-kh t. T. I* [Socio-Economic and Demographic Aspects of the Implementation of National Projects in the Region: Collection of Articles of the 10th Ural Demographic Forum. In 2 Volumes. Volume 1]. Institut ekonomiki Ural'skogo otdeleniya RAN. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41290474> (in Russian).
- Arokiasamy P., Goli S. (2012). Fertility convergence in the Indian States: An assessment of changes in averages and inequalities in fertility. *Genus*, LXVIII(1), 65–88. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2306837>
- De Silva T., Tenreyro S. (2017). Population control policies and fertility convergence. *Journal of Economic Perspectives*, 31(4), 205–228. DOI: 10.1257/jep.31.4.205
- Dey S.P., Neogi D. (2015). Testing sigma and unconditional beta convergence of GDP for SAARC Countries: Can inclusion of China further consolidate the convergence? *Global Business Review*, 16(5), 845–855. DOI: 10.1177/0972150915591643
- Domnich Y.L. (2024a). Age-specific fertility structure of urban and rural populations in Post-Soviet Russia: Regional panel data trends. *Regionalistica=Regionalistics*, 11(3), 5–29. DOI: 10.14530/reg.2024.3.5 (in Russian).
- Domnich Y.L. (2024b). Fertility of urban and rural population in Post-Soviet Russia: Regional trends. *Regionalistica=Regionalistics*, 11(2), 5–26. DOI: 10.14530/reg.2024.2.5 (in Russian).
- Dorius S.F. (2008). Global demographic convergence? A reconsideration of changing intercountry inequality in fertility. *Population and Development Review*, 34(3), 519–537. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2008.00235.x
- Dubuc S. (2012). Immigration to the UK from high-fertility countries: Intergenerational adaptation and fertility convergence. *Population and Development Review*, 38(2), 353–368. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2012.00496.x
- Glushchenko K.P. (2012). Myths about beta-convergence. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii*, 4, 26–44. Available at: <https://www.econorus.org/repec/journal/2012-16-26-44r.pdf> (in Russian).
- Hendi A.S. (2017). Globalization and contemporary fertility convergence. *Social Forces*, 96(1), 215–238. DOI: 10.1093/sf/sox044
- Kalabikhina I., Shatalova E., Fang L. (2020). Demographic situation in China: Convergence or divergence? *BRICS Journal of Economics*, 1(1), 81–101. DOI: 10.38050/2712-7508-2020-6
- Lehr C.S. (2009). Evidence on the demographic transition. *Review of Economics and Statistics*, 91(4), 871–887. DOI: 10.1162/rest.91.4.871
- Nakagaki Y. (2019). Continuing global fertility convergence. *Working Papers 195 JICA Research Institute*. DOI: 10.18884/00001001
- O'Connell M. (1981). Regional fertility patterns in the United States: Convergence or divergence? *International Regional Science Review*, 6(1), 1–14. DOI: 10.1177/01600176810060010
- Petrosyan A. (2021). Fertility at the municipal level in Russia, 2011–2019. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 8(3), 42–73. Available at: <https://doi.org/10.17323/demreview.v8i3.13266> (in Russian).

- Ram R. (2017). Comparison of cross-country measures of sigma-convergence in per-capita income, 1960–2010. *Applied Economics Letters*, 25(14), 1010–1014. DOI: 10.1080/13504851.2017.1391992
- Rapacki R., Próchniak M. (2009). Real beta and sigma convergence in 27 transition countries, 1990–2005. *Post-Communist Economies*, 21(3), 307–326. DOI: 10.1080/14631370903090616
- Rodina O.A. (2023). Regional variation of fertility and its relation to the socio-economic development of Russian regions. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 10(2), 63–103. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17766 (in Russian).
- Sasaki Y., Kamihigashi T.A. (2022). *Spatial Panel Data Analysis of Fertility Rates: Unraveling Two Myths*. Available at: <https://www.rieb.kobe-u.ac.jp/academic/ra/dp/English/DP2022-13.pdf>
- Shubat O.M. (2019). Regional convergence of fertility in Russia. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 15(3), 736–748. DOI: 10.17059/2019-3-9 (in Russian).
- Sinita A.L. (2017). Fertility in the regions of Russia: Convergence and divergence. *Region. Ekonomika i sotsiologiya=Region. Economics and Sociology*, 2, 152–173. DOI: 10.15372/reg20170207 (in Russian).
- Stadnik N.M. (2023). Trends in regional fertility differentiation during the second demographic transition. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 10(2), 18–40. DOI: 10.17323/demreview.v10i2.17764 (in Russian).
- Strulik H., Vollmer S. (2013). The fertility transition around the world. *Journal of Population Economics*, 28(1), 31–44. DOI: 10.1007/s00148-013-0496-2
- Tsuya N.O., Choe M.K., Wang F. (2019). Convergence to very low fertility in East Asia: Processes, causes, and implications. *Springer Briefs in Population Studies*. DOI: 10.1007/978-4-431-55781-4
- Vishnevskii A.G. (2014). The demographic revolution is changing the reproductive strategy of Homo sapiens. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 1(1), 6–33. DOI: 10.17323/demreview.v1i1.1825 (in Russian).
- Vollmer S., Holzmann H., Schwaiger F. (2013). Peaks vs. Components. *Review of Development Economics*, 17(2), 352–364.
- Wilson B. (2018). The intergenerational assimilation of completed fertility: Comparing the convergence of different origin groups. *International Migration Review*, 53(2), 429–457. DOI: 10.1177/0197918318769047
- Zakharov S.V. (2023). The history of fertility in Russia: From generation to generation. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 10(1), 4–43. DOI: 10.17323/demreview.v10i1.17259 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yegor L. Domnich – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Institute of Economic Research, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: chaosraven@yandex.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.8

УДК 614.2 | ББК 65.049

© Калашников К.Н.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКИЕ РАСХОДЫ ДОМАШНИХ ХОЗЯЙСТВ НА ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В УСЛОВИЯХ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ОТРАСЛИ (НА ДАННЫХ ПО СЕВЕРО-ЗАПАДНОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ОКРУГУ)

КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ КАЛАШНИКОВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: konstantino-84@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9558-3584; ResearcherID: I-9519-2016

Статья посвящена проблеме расширения участия жителей России и ее регионов в сфере оплаты медицинских услуг. Цель исследования – анализ актуального состояния и динамики за период с 2013 по 2023 год расходов домохозяйств на медицинские услуги в контексте коммерциализации здравоохранения и в сравнительном межтерриториальном профиле (Вологодская область, Северо-Западный федеральный округ и РФ). На основе данных официальной статистики (Росстат) и результатов социологического опроса жителей Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНИЦ РАН, автор анализирует актуальную ситуацию и основные тенденции последних лет. В итоге выявлены и описаны тенденции роста удельного веса расходов на здравоохранение в общей структуре потребительских расходов жителей РФ и Вологодской области. В отношении собственно медицинских услуг фиксируются еще более заметные изменения. Полученные результаты свидетельствуют о том, что в Вологодской области присутствует более выраженная, чем в стране в целом, практика участия домохозяйств в софинансировании медицинских услуг. С опорой на данные социологических опросов населения региона формулируется вывод о противоречивости сложившихся тенденций. С одной стороны, жители видят и используют ряд важных преимуществ коммерческого сектора. С другой стороны, увеличение доли расходов на медицинские услуги может свидетельствовать об ограниченной доступности и качестве медицинской помощи, оказываемой на базе государственных учреждений. Научная новизна результа-

Для цитирования: Калашников К.Н. (2024). Потребительские расходы домашних хозяйств на здравоохранение в условиях коммерциализации отрасли (на данных по Северо-Западному федеральному округу) // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 116–132. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.8

For citation: Kalashnikov K.N. (2024). Households' consumer expenditures on healthcare in the context of commercialization of the industry (based on data for the Northwestern Federal District). *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 116–132. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.8

тов исследования состоит в апробации инструментария субъективной оценки доступности и качества медицинских услуг, предоставляемых организациями государственного и частного секторов здравоохранения. Практическая значимость работы заключается в возможности уточнения ориентиров развития здравоохранения с принятием во внимание актуальных тенденций, а именно в поиске баланса между коммерческим и общественным секторами отрасли.

Домашние хозяйства, расходы на здравоохранение, расходы на медицинские услуги, коммерциализация здравоохранения, РФ, субъекты СЗФО, Вологодская область.

Введение

Количество научных работ, посвященных вопросу распространения платных медицинских услуг среди населения, неуклонно растет (Singh, Malik, 2024). Это не случайно. Данная проблема сохраняет свою актуальность во многих развивающихся странах мира, становясь одним из ведущих факторов бедности населения (You, Kobayashi, 2011; Sriram, Albadrani, 2022). Россия не является исключением, а расширение участия в платежах воспринимается населением особенно болезненно, поскольку исторически система здравоохранения в стране развивалась и функционировала как государственная, что нашло отражение в Конституции РФ (Кислицына, 2024). Развитие инструментов финансирования российского здравоохранения началось после распада СССР, когда в качестве альтернатив сметному принципу стали выдвигаться новые формы оплаты медицинских услуг с учетом их объемов и даже качества.

Вопрос о рациональности предпринятых преобразований и в конечном итоге об их экономической и, что немаловажно, социальной эффективности остается открытым. С одной стороны, в основу изменений принципов управления и финансирования отрасли были положены теоретически верные предпосылки. С другой стороны, итоги их практического воплощения вызывают вопросы. Так, принцип подушевого финансирования не содержит в себе ничего, что можно было бы назвать деструктивным. Напротив, он направлен на как можно более точный учет потребностей населения в медицинской помощи (для этого используются поправочные коэффициенты, отражающие демографические особенности территории или приписного населения, уровень преды-

дущих расходов и даже, если такая задача поставлена, природно-климатические условия региона), а также повышение роли прогнозирования ожидаемых затрат и, следовательно, степени ответственности администраций медицинских организаций за принятые финансовые ресурсы. Вместе с тем нельзя не признать, что институциональные условия в России существенно отличаются от таковых в странах Европы и Северной Америки, практика которых и была принята для переноса на почву отечественного здравоохранения. Кроме того, подушевой принцип финансирования предполагает адекватный порядок расчета нормативов финансирования и подходит далеко не для всех медицинских организаций.

В постсоветской России активное развитие коммерческого сектора началось в связи с открывшимися возможностями для предпринимательства, а также в условиях дефицита государственного бюджета, сокращения налоговой базы. С конца 1990-х годов, несмотря на декларируемые конституционные гарантии на право граждан получать бесплатную медицинскую помощь, необходимость участия пациентов в оплате медицинских услуг вплеталась в канву программ государственных гарантий оказания гражданам бесплатной медицинской помощи, формируемых на основе неполного тарифа с дополнительных внебюджетных источников финансирования и с возмещением недостающих расходов за счет личных средств населения (Дуганов, 2007). Уже в конце 1990-х сложилась многоканальная система финансирования отрасли, опирающаяся на бюджетные и внебюджетные источники, а также частные платежи населения. Однако в силу слабого на тот момент развития коммерческого сектора отрасли расходы на здраво-

охранение сводились преимущественно к покупке лекарств и соплатежам за стационарное лечение. Это оставалось актуальным и в 2000-е гг., в условиях дефицита Программы государственных гарантий, в отдельных регионах достигавшего 40% расчетной стоимости.

На сегодняшний день коммерческий сектор здравоохранения получил такое широкое и повсеместное развитие, что стал не только дополнением, но и в ряде аспектов альтернативой общественному. Так, услуги УЗИ и даже МРТ-диагностики, по крайней мере для городского населения, в ближайшее время могут достигнуть шаговой доступности, что неизбежно расширяет расходы граждан на здравоохранение. Жители страны и регионов все чаще прибегают к услугам частных медицинских организаций. С развитием передовых медицинских технологий расширяется спектр и доступность косметологических услуг, услуг пластической хирургии, которые включаются в семейные бюджеты россиян. Массовая культура, задающая высокие стандарты успешности, здоровья и красоты, породила моду на косметологические услуги и процедуры, которые традиционно выходят за рамки государственных гарантий. Даже в субъектах РФ стали привычными организации, специализирующиеся только на эстетической медицине. Хотя этот сегмент отрасли в абсолютном большинстве случаев не считается жизненно важным и его коммерциализация (предоставление исключительно на платной основе) не является серьезной проблемой для населения, в перспективе он может занимать, в том числе за счет высокой стоимости услуг, значительную долю в личных расходах домохозяйств и особенно – высокодоходных групп населения. Однако подчеркнем, что самую значительную проблему на сегодняшний день формирует ограничение доступности своевременной и качественной медицинской помощи. В экспертной и научной среде все больше распространяется термин «коммерциализация здравоохранения», подразумевающий тенденцию усиления бремени расходов на оплату медицинской

помощи домашними хозяйствами. Этот показатель измеряется через распространение практик оплаты медицинских услуг из личных средств пациента («out-of-pockets»).

Удельный вес внутренних государственных затрат на здравоохранение в ВВП России соответствует уровню стран постсоциалистического пространства, но значительно уступает показателям постиндустриальных стран (табл. 1). Более того, участие государства посредством финансирования отрасли через бюджетные источники и внебюджетные государственные фонды в России значительно ниже, чем в постиндустриальных странах Европы и Северной Америки. Наконец, доля расходов из личных средств граждан в РФ, согласно данным Всемирного банка, достигает 27%, что выше показателей не только развитых западных стран, но и ряда восточноевропейских стран, более близких России по историческому прошлому и уровню социально-экономического развития (например, в Польше на долю индивидуальных платежей приходится 20% всех расходов на здравоохранение, в Беларуси – 22%).

Тенденции коммерциализации здравоохранения современной России обнаруживаются при оценке самых простых показателей развития сети здравоохранения. Фиксируется рост удельного веса медицинских услуг в общем объеме платных услуг населению – с 4,8% в 2005 году до 7,7% в 2020 году (прирост 2,9 п. п.), а также количества медицинских организаций частной формы собственности в РФ: с 2010 по 2020 год больничных организаций – в 2,6 раза; амбулаторно-поликлинических организаций – в 2,3 раза. Расширение коммерческого сектора отрасли сопровождается снижением доступности медицинских услуг для граждан, что становится очевидным при ознакомлении с итогами социологических замеров, проводимых экспертами Росстата. Из всех лиц 15 лет и более, обратившихся в 2020 году за амбулаторно-поликлинической помощью в медицинские организации, 10,1% не получили ее по причине того, что необходимое лечение предлагалось на платной основе.

Таблица 1. Затраты на здравоохранения в РФ и ряде стран мира, %

Страна	Удельный вес внутренних государственных затрат на здравоохранение в ВВП		Удельный вес внутренних государственных затрат на здравоохранение в общих затратах на здравоохранение		Удельный вес личных платежей в общих затратах на здравоохранение	
	2000 год	2021 год	2000 год	2021 год	2000 год	2021 год
Россия	3,0	5,3	59,4	71,2	30,2	27,2
Беларусь	4,2	5,0	77,0	75,6	16,0	22,0
Украина	2,5	4,0	47,3	51,0	48,4	46,3
Польша	4,0	5,0	68,2	72,1	31,3	20,3
Финляндия	5,4	8,4	75,0	82,0	21,6	16,1
Франция	7,0	9,3	73,0	75,6	7,3	8,9
Германия	8,0	10,0	78,2	79,0	12,3	12,2
США	5,5	10,0	44,2	55,4	15,1	10,7
Мир	5,0	6,0	57,3	62,8	19,2	17,0
ЕС	6,3	8,4	75,0	76,5	15,7	14,6
Группы стран по уровню дохода						
Высокий доход	6,0	9,0	59,4	65,5	16,3	13,0
Выше среднего	2,2	3,2	41,7	55,0	42,3	31,3
Средний	2,0	3,0	39,4	52,1	45,4	34,0
Ниже среднего	1,1	1,4	28,7	34,8	60,8	49,4
Низкий и средний доход	2,0	3,0	39,3	51,7	45,6	34,0
Низкий доход	1,2	1,2	28,3	22,3	52,2	41,0
Источник: данные Всемирного банка. URL: https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.GHED.GD.ZS						

В городской местности этот показатель составил 9,4%, в сельской – 13,1% (в списке причин лидирует отсутствие нужного специалиста). Из всех лиц аналогичной возрастной группы, которые не обратились за медицинской помощью при наличии потребности в ней, 15,6% обосновали это тем, что необходимое лечение можно получить только на платной основе.

Наблюдаемые процессы требуют глубокого научного анализа и оценки в силу своей общественной и экономической значимости и противоречивости: распространение частных платежей за медицинские услуги можно трактовать и как позитивный момент, и как негативную социальную тенденцию. Цель исследования – анализ актуального состояния и динамики расходов домохозяйств на медицинские услуги в контексте коммерциализации здравоохранения и в сравнительном межтерриториальном профиле (Вологодская область, Северо-Западный федеральный округ и РФ).

Обзор литературы

Система здравоохранения посредством исполнения полномочий органов власти и подведомственных учреждений, а также коммерческих организаций выступает поставщиком всех четырех типов экономических благ. Медицинские услуги в общественном и частном секторах могут рассматриваться в экономике как примеры частного экономического блага (свойства исключаемости и конкурентности). В обоих случаях имеет место информационная асимметрия между поставщиком услуг и их потребителем (Эрроу, 2004; Akerlof, 1970). Различия касаются только способа оплаты услуг и экономических стимулов поставщика. В частном секторе оплата услуг носит определенный, дискретный, единовременный характер, фиксируется, если речь идет о формальных платежах, договором оказания услуг (Кадыров, 2009). В государственном секторе оплата носит косвенный характер, опосредована действием институтов акку-

мулирования и распределения общественных ресурсов в рамках процедур бюджетного процесса и страхования, основанного на принципе общественной солидарности (Линденбратен, Щепина, 2005). В частном секторе информационная асимметрия чревата большими, по сравнению с общественным сектором, рисками для пациента (моральные риски, или оппортунистическое поведение), поскольку здесь поставщик стремится к максимизации прибыли (Einav et al., 2018). В результате потребитель оказывается в ситуации повышенных рисков потерь здоровья и ресурсов.

Ряд авторов настаивает на том, что расходы на медицинские услуги могут рассматриваться не просто как элемент в структуре затрат и потребления, а как инвестиции в человеческий капитал (Grossman, 1972). Однако терминальной ценностью для потребителя здесь выступает не сама услуга, а здоровье, сохранение и укрепление которого она обеспечивает. Спрос на медицинские услуги, таким образом, представляет собой опосредованный спрос на здоровье (Чубарова, 2008). Вероятно, в экономических исследованиях требуется поиск баланса между пониманием платной медицинской услуги как вложения в собственное здоровье и будущее индивида и как фактора бедности.

Расходы на здравоохранение и медицинские услуги в структуре потребительских расходов домашних хозяйств населения России получали недостаточно внимания исследователей, которые ограничиваются их анализом в контексте общей структуры потребительских расходов (Белехова, 2016; Дементьева, 2016; Митрошин, 2020). Различия в уровне имущественного статуса и доходов и аспекты неравенства в доступе к услугам здравоохранения рассматривали (Кислицына, 2005; Миллер, 2014; Русинова, Сафронов, 2019). Наибольший интерес представляет изучение расходов домохозяйств на медицинские услуги на основе лонги-

тюдного исследования с 1994 по 2016 год. Были выявлены важные признаки неравенства в потреблении медицинских услуг населением. В 1990-е гг., в период трансформационного кризиса, неравенство расходов на медицинскую помощь у групп населения, различающихся по уровню семейных доходов, приобрело нелинейный характер, но разница в расходах на медицинскую помощь между самыми бедными и самыми богатыми уменьшилась до трех раз. Результаты за 2016 год говорят о следующем: с одной стороны, выявлено более равномерное распределение расходов на медицинскую помощь среди различных доходных групп, в особенности «средних» и относительно богатых – с шестого по девятый дециль; с другой стороны, по сравнению с самыми бедными у самых богатых респондентов расходы на медицинскую помощь были почти в 30 раз больше¹.

На макроуровне объемы платных медицинских услуг включаются в раздел «конечное потребление» (Леонидова, 2020). Система национальных счетов (СНС) предполагает учет источников финансирования всех видов поставщиков и оказанных населению медицинских услуг. В перспективе планируется учитывать в СНС здравоохранения не только количественные, но и качественные аспекты.

Поскольку динамика расходов домохозяйств на здравоохранение в регионе анализируется в данном исследовании в контексте общих структурных изменений отрасли, возникает необходимость обратиться к работам авторов по двум базовым направлениям.

1. Анализ места расходов на здравоохранение и медицинские услуги в структуре потребительских расходов домашних хозяйств проводился рядом российских исследователей. В частности, М.А. Миллер выявил связи между долей расходов российских домохозяйств на услуги в области здравоохранения и отдыха в зависимости от доходов на од-

¹ Быков А.В., Красильникова М.Д., Понкратова О.Ф., Ракута Н.В., Шишкин С.В. (2021). Неравенство в сфере здравоохранения: аналит. доклад / под ред. С.В. Шишкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ.

ного члена домохозяйства, однако динамика этих расходов не исследовалась (Миллер, 2014). Это упущение было исправлено в трудах экспертов НИУ ВШЭ. В фокусе их внимания оказались проблемы неравенства в распределении бремени расходов на здравоохранение среди российского населения. Например, в 2000 году минимальные траты на медицинские услуги несли представители третьего и седьмого дециля по уровню дохода, максимальные – десятого. Самые бедные респонденты из первого и второго децилей потратили на медицинскую помощь больше, чем представители «средних» доходных групп².

2. Аспекты доступности и качества медицинских услуг в условиях коммерциализации

Структурный, предполагающий оппозицию общественного и частного секторов, подход к оценке экономических систем, в том числе здравоохранения, а также доступности и качества медицинских услуг, освещен в работе (Canel, 2014). Эти и другие аспекты развития коммерческого сектора в отечественном здравоохранении рассматривались нашими коллегами и нами в предыдущих работах³. Проблема институционального конфликта и нарушения маршрутизации пациента в условиях выбора между частным и государственным поставщиком услуг актуализировалась, причем как в методологической, так и практической плоскостях, в наших более ранних исследованиях. Несмотря на существенные изменения, произошедшие в здравоохранении за последние десятилетия, ряд исследователей, занимавшихся аналогичной проблематикой, фиксировали аналогичные тенденции и оценки ситуации. Так, В. Бойков, Ф. Фили, И. Шейман и С. Шишкин, опираясь на результаты социологических опросов, проведенных в конце 1990-х гг., установили, что среди ответов респондентов, имеющих реальный опыт получения лечебных услуг в частных медицинских учреждениях,

в несколько раз чаще встречается более высокая оценка качества обслуживания в частном секторе в сравнении с государственным (Бойков и др., 1998).

Между тем интеграция этих двух подходов, анализ структуры и динамики расходов на здравоохранение в условиях сложившейся социально-экономической ситуации на фоне проводимых в здравоохранении преобразований имеют большие исследовательские перспективы.

Материалы и методы

В рамках исследований использовались следующие источники информации:

1) данные официальной статистики (Росстат), позволяющие охарактеризовать уровень расходов домашних хозяйств России и ее регионов на здравоохранение в целом, включая медицинские услуги, лекарства и медицинское оборудование индивидуального пользования, а также на отдельные медицинские услуги; временной ряд, анализируемый в работе, охватывает десятилетие с 2013 по 2023 год;

2) итоги социологического опроса жителей Вологодской области, дающие возможность провести углубленный анализ ситуации относительно уровня потребления медицинских услуг жителями отдельного региона СЗФО РФ; полевые исследования проведены на территории Вологодской области (опрос охватил крупные города Вологду и Череповец и 8 муниципальных районов) среди взрослого населения старше 18 лет; объем выборки – 1500 человек; выборка пропорциональная квотная, ее ошибка не превышает 4%.

Для сопоставления субъективных оценок доступности и качества медицинских услуг произведен расчет индексов через разность между суммами удельных весов положительных и отрицательных оценок в общем пуле ответов респондентов. Для исключения отрицательных значений индек-

² Быков А.В., Красильникова М.Д., Понкратова О.Ф., Ракута Н.В., Шишкин С.В. (2021). Неравенство в сфере здравоохранения: аналит. доклад /; под ред. С.В. Шишкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Москва: НИУ ВШЭ.

³ Стоит особо отметить работу: Funding health care: Options for Europe (2002). Edited by E. Mossialos [et al.]. Buckingham, Philadelphia: Open University Press.

сов полученная разность суммируется со слагаемым 100:

$$AI = SP - SN + 100,$$

где:

AI – индекс доступности;

SP – удельный вес положительных оценок среди всех собранных ответов респондентов на вопрос анкеты;

SN – удельный вес негативных ответов;

100 – слагаемое для исключения отрицательных значений искомого индекса.

Например, если 76,1% респондентов оценивают уровень доступности для них медицинской помощи как высокий и средний, а 5,3% считают его низким или близким к нулю («медицинские услуги совершенно недоступны»), то индекс доступности составит: $AI = 76,1 - 5,3 + 100 = 170,8$. Индекс качества рассчитывается аналогичным образом.

Результаты

Расходы на здравоохранение, включающие покупку лекарств, медицинского оборудования и собственно оплату медицинских услуг, прочно встроены в структуру индивидуального потребления и, соответственно, являются постоянным разделом потребительских расходов жителей России. Так, уровень расходов на здравоохранение в структуре потребительских расходов россиян (в 2023 году он составлял 4,0%) равен вкладу затрат на информацию и коммуникацию (4,1%) и близок, несколько уступая, доле расходов на группу товаров и услуг «мебель, бытовая техника и текущее содержание дома» (5,6%). Заметим, что обсуждаемый вид расходов домохозяйств занимает более высокое положение, чем расходы на товары, связанные с непосредственным нарушением здоровья («алкогольная продукция, табачные изделия и наркотики»), на покупку которых домохозяйства тратят 2,4% от суммы всех расходов.

В целом в СЗФО удельный вес расходов домохозяйств на здравоохранение незначительно ниже среднего по стране (3,4 и 4,0%

соответственно). Наибольший показатель фиксируется в Псковской (6,2% расходов на потребление домашних хозяйств здесь приходилось на покупку медицинских услуг, лекарств и медицинского оборудования), Новгородской (5,0%) и Калининградской (4,5%) областях (рис. 1). Напротив, минимальную долю в совокупных расходах домашних хозяйств этот раздел индивидуального потребления имел в 2023 году в г. Санкт-Петербурге и Ненецком автономном округе (2,2%). Учитывая, что в субъектах РФ в первой группе отмечаются наименьшие в макрорегионе показатели расходов на потребление в расчете на одного члена домохозяйства, тогда как регионы из второй лидируют в рамках СЗФО по данному показателю, выявленные различия свидетельствуют о территориальном неравенстве.

Удельный вес расходов на здравоохранение, включающих расходы как на собственно медицинские услуги, так и на покупку лекарств и медицинского оборудования, в совокупных потребительских расходах российских домохозяйств не претерпел за десять лет существенных изменений: в 2013 году он составлял 3,6%, в 2023 году – 4,0% (прирост составил 40 б. п., или 0,4 п. п.). В Вологодской области за аналогичный период показатель увеличился с 3,4 до 4,2%, то есть на 80 б. п., или 0,8 п. п. В течение всего наблюдаемого периода, за исключением 2013 и 2014 гг., значение показателя в Вологодской области превышало уровень по стране и СЗФО (рис. 2).

В общем объеме расходов на оплату услуг домохозяйствами медицинские услуги составляют 6%, уступая жилищно-коммунальным (33,2%), транспортным, почтовым и курьерским услугам (13,5%), услугам по организации отдыха и культурных мероприятий (12,3%), информационно-коммуникационным услугам (9,8%). Вместе с тем в субъектах РФ иерархия расходов на оплату услуг может несколько меняться при сохранении лидирующего положения услуг ЖКХ. Так, в Вологодской области удельный вес расходов на медицинские услуги в общей структуре расходов на оплату услуг достигает 7,7%,

Рис. 1. Удельный вес расходов на здравоохранение в совокупных расходах домохозяйств на потребление в 2022 и 2023 гг., %
Источник: данные Росстата.

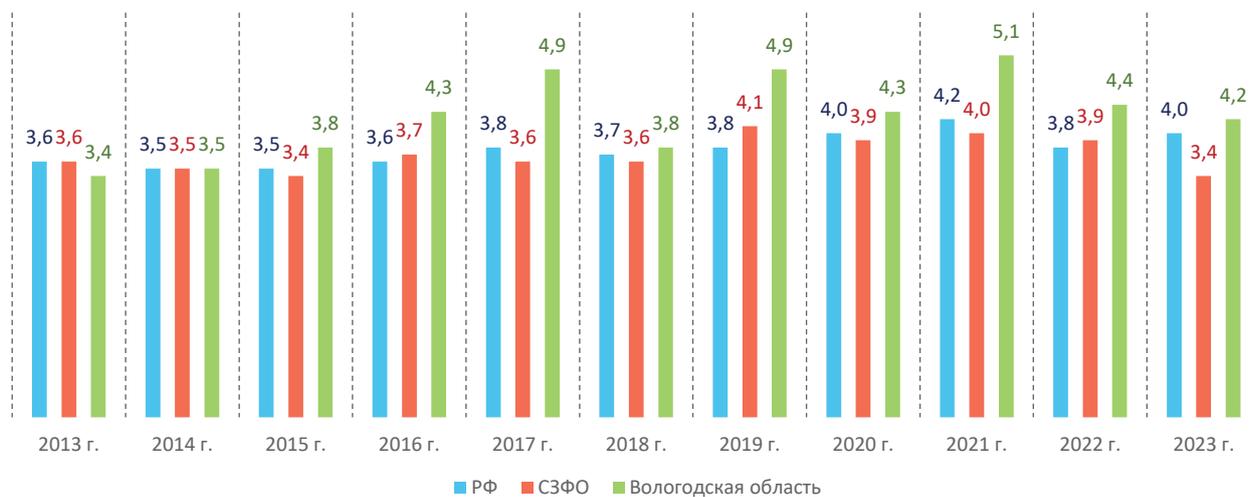

Рис. 2. Динамика удельного веса расходов домохозяйств на здравоохранение в общей структуре потребительских расходов, %
Источник: данные Росстата.

при этом уступает не только перечисленным выше, но и страховым и финансовым услугам, которые составляли 8,9% (похожая ситуация складывается в Мурманской области).

В 2023 году среди регионов СЗФО расходы на медицинские услуги занимали самые высокие позиции в общей структуре расходов

на оплату услуг жителей Калининградской (удельный вес услуг медицинского характера составлял там 9,9% от всех расходов на оплату услуг), Псковской (8,6%), Новгородской областей и Республики Коми (8,0% в обоих регионах). Заметим, что эта ситуация не является характерной для всех перечисленных

субъектов РФ, кроме Калининградской области, где в предыдущем 2022 году показатель был низким – 3,3% (рис. 3).

В течение анализируемого периода, несмотря на промежуточные колебания, удельный вес расходов на оплату медицинских услуг в общей структуре расходов на оплату услуг, приходящихся на одного члена домашнего хозяйства в месяц, в Вологодской области демонстрировал существенный рост (прирост составил 3 п. п.). В итоге в 2023 году в Вологодской области показатель достиг значения 7,7%, что на 28% превышает общефедеральный и на 57% – средний по макрорегиону уровень. По данному показателю область заняла 6-ю позицию в рамках Северо-Западного федерального округа, уступив Калининградской (9,9%), Псковской (8,6%) областям, Республике Коми и Новгородской области (по 8%), Республике Карелия (7,8%). Минимальные значения показатель имел в Ненецком АО (2,5%) и г. Санкт-Петербурге (2,8%).

Максимальный уровень показателя за весь исследуемый период в Вологодской области

отмечался в 2021 и 2022 гг. (10,3 и 9,5% соответственно). В целом по стране изменение величин удельного веса расходов домохозяйств на здравоохранение при итоговом росте все же было более ровным, а в СЗФО и вовсе произошло снижение обсуждаемого показателя, что, помимо прочего, может быть связано с нивелированием различных по направлению и масштабу изменений в различных регионах как в рамках страны, так и макрорегиона (рис. 4).

Подобная динамика может быть обусловлена как расширением предложения на региональном рынке медицинских услуг при снижении доступности и популярности медицинской помощи, оказываемой гражданам по месту жительства в рамках государственных гарантий, наличием действительного спроса на услуги, так и ростом их стоимости, опережающим динамику доходов населения. Отметим, обращаясь к собственным наблюдениям, что за последние десять лет произошли не только количественные, но и качественные перемены в ценообразовании на этом рынке. Помимо

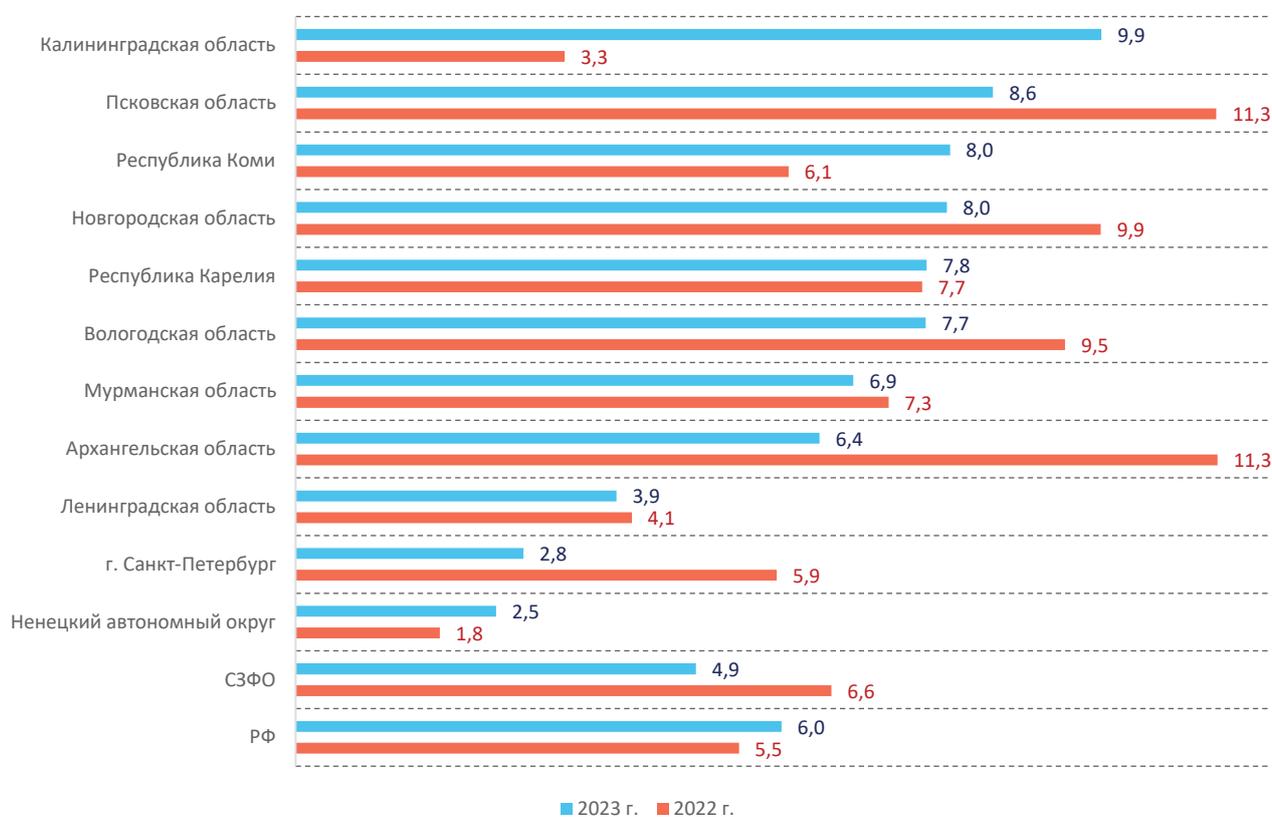

Рис. 3. Удельный вес расходов на оплату медицинских услуг в общей структуре расходов на услуги в регионах СЗФО и РФ в 2022 и 2023 гг., %

Источник: данные Росстата.

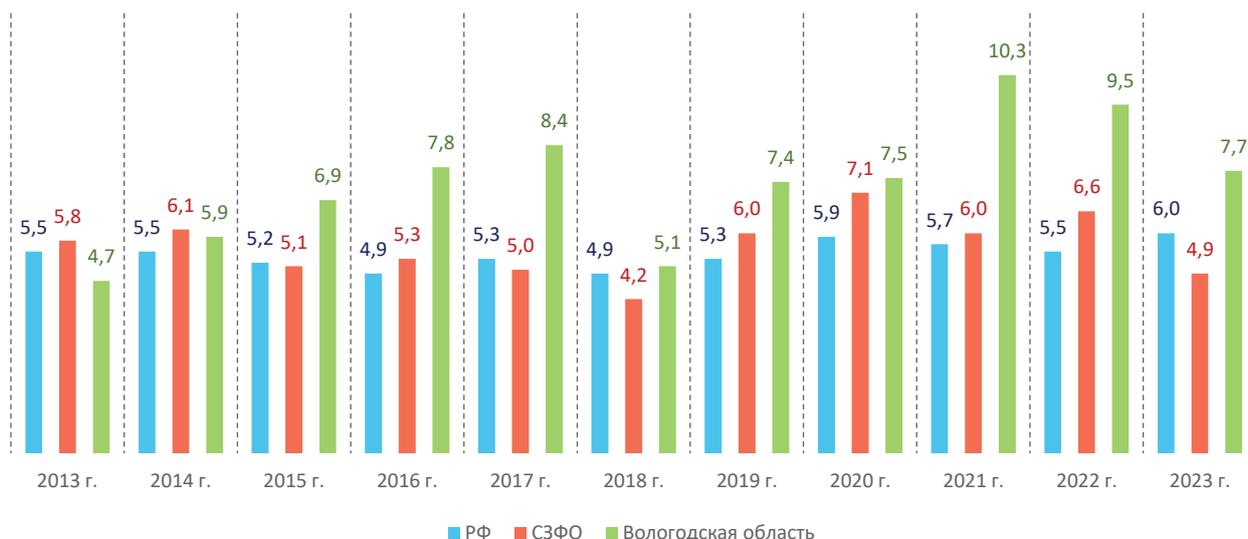

Рис. 4. Динамика удельного веса расходов на оплату медицинских услуг в общей структуре расходов на оплату услуг, приходящихся на одного члена домашнего хозяйства в месяц, %
Источник: данные Росстата.

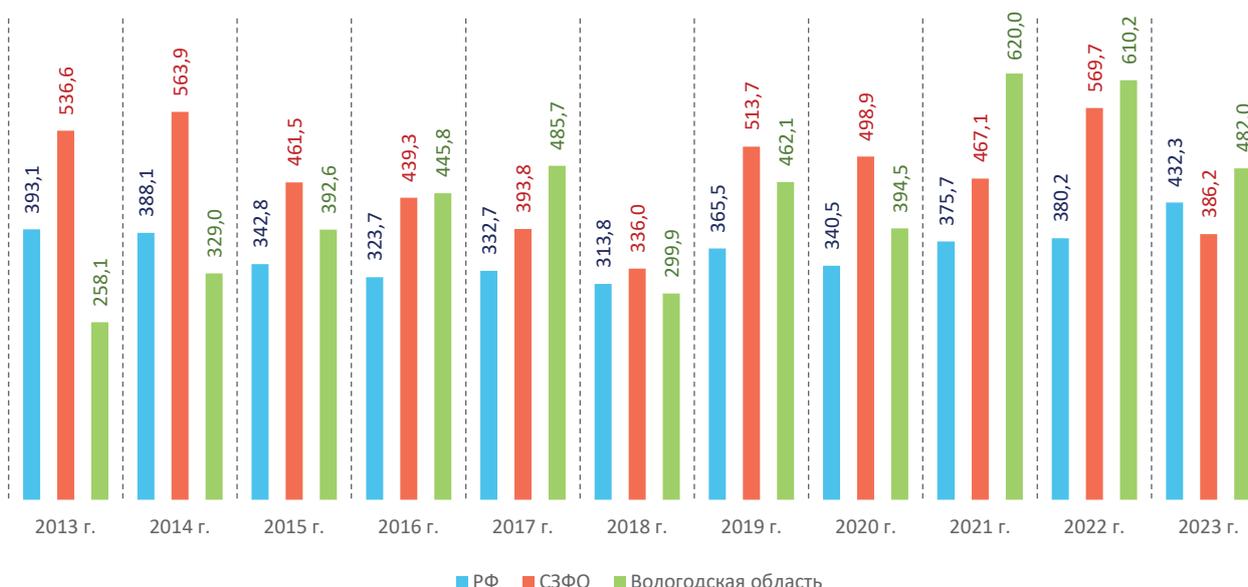

Рис. 5. Динамика расходов домохозяйств на медицинские услуги в Вологодской области, СЗФО и РФ в 2013–2023 гг. (с учетом удорожания медицинских услуг, в ценах 2023 года), руб.
Рассчитано по: данные Росстата.

роста цен на медицинские услуги, отмечается постепенное ослабление тактики «лидерства в ценах» среди рыночных агентов: планка цен на первичный прием может существенно варьироваться как в зависимости от уровня квалификации и востребованности врача, так и от ценовой политики конкретной организации (обзор рынка выявляет различия в стоимости первичного приема врачей в 30% и более).

Однако и нивелирование инфляционного момента в динамике расходов домо-

хозяйств посредством корректировки абсолютных, стоимостных показателей расходов на медицинские услуги с поправкой на изменение уровня цен не отменяет выявленных тенденций. В течение анализируемого периода в России произошел рост расходов на медицинские услуги, составивший 10% от уровня базового 2013 года (с 393,1 руб. в 2013 году до 432,3 руб. в 2023 году в расчете на одного члена домохозяйства; рис. 5).

Вместе с тем выявляются территориальные различия. Так, в Вологодской области рост показателя был более внушительным – 87% (с 258,1 в 2013 году до 482,0 руб. в 2023 году). В целом по регионам СЗФО произошел обратный процесс – снижение почти на треть от исходного значения за аналогичный период уровня индивидуальных расходов на медицинские услуги (с 536,6 до 386,2 руб.). При описании этих тенденций следует принимать во внимание ряд нюансов. Во-первых, имели место исходные различия в уровне потребительских расходов жителей регионов на медицинские услуги, что повлияло на фиксируемые в итоге соотношения величин расходов. Так, в 2013 году в целом по СЗФО общероссийский показатель был превышен на 37%. Во-вторых, величины оцениваемых показателей, как видно из рис. 5, подвергались заметным колебаниям. Только в 2018 году значения подушевых расходов всех трех оцениваемых территорий максимально сблизились друг с другом, причем в этом периоде фиксируется одна из минимальных точек показателя для всех трех территорий, а для Вологодской области в этом году обсуждаемый показатель достиг минимума за все 10 лет. Нельзя не отметить сходные тенденции роста подушевых расходов домашних хозяйств на медицинские услуги после этого минимума, которые, вероятно, были обусловлены пандемией COVID-19.

Удельный вес респондентов, обращающихся в медицинские организации частного сектора Вологодской области, с 2020 по 2022 год увеличился на 14 п. п. Если в 2020 году, по данным опросов ФГБУН ВолНЦ РАН, только 12,7% (вопрос в такой формулировке задается с 2020 года) жителей области получали услуги коммерческих медицинских организаций, то в 2022 году их удельный вес достиг 27,1%. В 2022 году большинство (63,5%) жителей Вологодской области обращались за медицинской помощью в государственные медицинские учреждения, 27,1% – в коммерческие. Однако лишь 6,5% посещали исключительно частные клиники. Большинство из тех, кто получал услуги в организациях коммерческого сектора,

обращались и в государственные медицинские учреждения. На основе этих данных трудно сказать точно, от чего зависит решение жителей региона обращаться или не обращаться в коммерческие медицинские организации. С одной стороны, нельзя отрицать объективных преимуществ получения услуг на коммерческой основе (высокий уровень сервиса, отсутствие очередей, возможность выбора лечащего врача и пр.). С другой стороны, граждане могут справедливо претендовать на возможность получения широкого перечня медицинских услуг на бесплатной основе. Таким образом, даже очевидные плюсы коммерческого сектора могут восприниматься как результат и, следовательно, компенсация соответствующих упущений в уровне качества, присутствующих в государственном секторе здравоохранения. К примеру, частные медицинские организации могут (разумеется, не всегда) опережать государственные по качеству сервисных функций, уровню квалификации персонала и материально-техническому оснащению, а в целом – по уровню инновационности и клиентоориентированности. Некоторые уточнения в интерпретацию приведенных здесь данных позволит внести оценка того, насколько жители региона воспринимают оплату медицинской помощи в качестве вынужденной меры.

Особого внимания заслуживает изучение потребления медицинских услуг с позиций имущественного неравенства жителей регионов и страны в целом. На сегодняшний день имеется ограниченный набор данных, позволяющий изучить этот вопрос именно в территориальном разрезе. Однако общие сведения о ситуации в стране, публикуемые официальной статистикой, говорят о том, что, с одной стороны, различия в уровне расходов на медицинские услуги между децильными группами существуют: отмечается рост удельного веса расходов на здравоохранение от наименее обеспеченных групп к более обеспеченным (в 2023 году 2,7% расходов на потребление представителей первой децильной группы составляли расходы на здравоохранение, для восьмой и

девятой групп этот показатель составил уже 4,6 и 4,7% соответственно). Однако остается проблема интерпретации этих данных в контексте общей ситуации в отрасли и российской экономике в целом, где основным поставщиком медицинских услуг остается государство.

Данные социологических опросов, проведенных среди жителей Вологодской области как субъекта РФ в рамках СЗФО, позволяют определить ряд контекстуальных аспектов, определяющих развитие ситуации или сопутствующих ему. На наш взгляд, важную роль играют изменения на уровне сознания граждан. Подавляющая часть (87%) жителей Вологодской области осознают свою роль в решении вопросов здоровья, то есть признают личную ответственность за его сохранение и укрепление. Вместе с тем все большую долю ответственности за здоровье жители региона возлагают на родственников, медиков и государство. Если в 2013 году только 7% респондентов считали, что государство несет ответственность за их здоровье, то к 2024 году их удельный вес достиг четверти опрошенных (прирост составил 18 п. п.). Доля тех, кто считает медицинских работников ответственными за здоровье, также существенно возросла – с 14 до 51% (на 37 п. п.). Вероятно, признание приоритета личной ответственности в вопросах здоровья, сохраняющее стабильность в оценках респондентов, при параллельном росте ожиданий в отношении органов власти и профессиональных групп может интерпретироваться как скрытая неудовлетворенность текущим положением дел.

Граждане тем самым как бы намекают на вынужденный характер собственных усилий в заботе о здоровье («спасение утопающих – дело рук самих утопающих») и напоминают государству и профессиональной группе об их миссии – заботиться о сохранении и поддержании здоровья людей. Возможность выбора для респондентов нескольких вариантов ответа сохранила высокие оценки важности и личной ответственности, что, особенно учитывая направленный характер изменения показателей, все же не исключает значимости выявленных тенденций. Кроме того, оценки ответственности работодателя как субъекта были и остаются низкими, а по сравнению с базовым 2013 годом фиксируется их снижение. Роль работодателя как субъекта, несущего ответственность за здоровье, отходит на второй план, что частично объясняется недостаточным развитием в России института добровольного медицинского страхования (табл. 2).

Вместе с тем следует признать, что выявленные позитивные установки на личную ответственность не всегда находят должное воплощение в повседневных практиках граждан. Так, только 27% жителей региона при первых признаках болезни обращаются к врачу и регулярно проходят медицинские осмотры; 33% признаются, что мало заботятся или совсем не заботятся о своем здоровье.

Расширение практик личных платежей за медицинские услуги обусловлено и рядом неоспоримых преимуществ, которые предоставляют гражданам частные медицинские

Таблица 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Кого Вы считаете ответственным за Ваше здоровье?»*, %

Вариант ответа	2013 год	2016 год	2018 год	2020 год	2022 год	2024 год	2024/2013 гг., п. п.
Считаю себя ответственным за свое здоровье	88	91	87	86	85	87	-1
Медицинских работников	14	35	38	41	46	51	37
Государство	7	14	19	24	25	25	18
Семью, родственников	3	18	18	18	20	15	12
Работодателя	2	8	5	5	6	4	2
Затрудняюсь ответить	3	4	6	6	8	6	3

* Вопрос предполагает возможность выбора нескольких вариантов ответа.
Составлено по: итоги социологических наблюдений ФГБУН ВолНЦ РАН.

организации. Частные медицинские организации получают значительно большие, чем государственные, оценки респондентов по параметрам доступности и качества медицинской помощи/услуг (рис. 6).

Рис. 6. Индексы субъективной оценки жителями Вологодской области доступности и качества медицинской помощи, оказываемой в организациях государственного и частного секторов, 2024 год

Рассчитано по: данные социологического опроса населения Вологодской области.

Анализ причин расширения коммерческого сектора предполагает учет заместительной роли, которую он на себя нередко берет. Пациенты, обратившиеся в государственные медицинские учреждения, могут параллельно с основным маршрутом получения помощи проходить необходимые диагностические обследования в частных организациях. Это обусловлено длительными периодами ожидания обследований в бюджетных организациях. Кроме того, часть диагностических и медицинских услуг на базе государственных поликлиник и больниц может не предоставляться. Актуальность этой проблемы косвенно подтверждается данными социологического исследования: 10% всех жителей региона, обратившихся в анализируемом году за любой медицинской помощью, доверяли свое здоровье исключительно частным клиникам и центрам (в 2022 году их удельный вес был ниже – 7%), тогда как 44% посещали только государственные лечебно-профилактические учреждения, а 18% обращались и в коммерческие, и в государственные организации, различным образом комбинируя предоставляемые

ими возможности, что позволяет значительной части населения сопоставить преимущества и недостатки двух обсуждаемых альтернатив.

Остановимся на некоторых методологических ограничениях исследования, требующих ряда оговорок. Может встать вопрос о корректности использования термина «доступность» применительно к медицинской помощи в частных клиниках, тем более что по этому показателю, как выясняется, частные медицинские организации превосходят государственные. С одной стороны, доступность имеет различные составляющие, включая пространственную, или территориальную, организационную и финансовую. Каждый из этих компонентов может быть оценен, на основе чего осуществлен сравнительный анализ государственного и коммерческого секторов отрасли. Так, государственная организация, оказывающая медицинскую помощь приписному населению, может характеризоваться высоким уровнем доступности по финансовому аспекту (медицинская помощь оказывается бесплатно), но низким – по организационному (сложность записи на прием, очереди, низкое качество сервиса). Наоборот, частная клиника предоставляет услуги, доступность которых ограничена их высокой стоимостью, но по другим компонентам она может иметь заметные преимущества перед альтернативой в виде государственного учреждения здравоохранения. С другой стороны, в сознании человека складывается собственное, индивидуальное представление о доступности, в котором различные критерии объединяются, обладая большей или меньшей важностью, поэтому ценностью будут обладать и общие, интегральные оценки доступности, полученные в ходе социологического опроса. Именно этот подход, понимая его ограничения, мы используем.

Нельзя не отметить, что платные медицинские услуги в рамках договора оказания услуг оказываются как в частных, так и в государственных учреждениях, что создает упомянутые моральные риски и информационную асимметрию. В дальнейших исследова-

дованиях оценки доступности и качества медицинских услуг будут рассмотрены и в рамках этого важного аспекта.

Выводы

Несмотря на неоднородность ситуации и различия в динамике расходов жителей регионов России и СЗФО на такой важный элемент жизни человека, как здоровье, которые прежде всего выражаются в приобретении лекарств, медицинского оборудования и собственно медицинских услуг, обнаруживается тенденция коммерциализации отрасли. В течение анализируемого десятилетия удельный вес расходов на оплату медицинских услуг в общей структуре расходов на оплату услуг, приходящихся на одного члена домашнего хозяйства в месяц, в Вологодской области вырос на 3 п. п., составив 7,7%, что на 28% превышает общероссийский и на 57% – средний по макрорегиону уровень. Оставался достаточно стабильным удельный вес расходов на здравоохранение, включающий, помимо услуг, расходы на лекарственные препараты и оборудование, что, вероятно, объясняется противоположными сдвигами в масштабе и структуре затрат на сопутствующие товары. Рост популярности коммерческих организаций согласуется и с высокими, по сравнению с государственными учреждениями, оценками качества и доступности оказываемых ими услуг. Вероятно, распространение практик оплаты медицинских услуг в наибольшей степени объясняет заместительная роль

частных медицинских организаций, предоставляющих более широкий, чем бюджетные учреждения, перечень диагностических и/или лечебных процедур при улучшенном варианте сервиса, коротких периодах ожидания и пр. В целом этот способ интерпретации созвучен тому факту, что большая часть потребителей частных медицинских услуг обращается параллельно и в государственные организации, тогда как только 6,5% из тех, кто получал услуги в организациях коммерческого сектора, посещают исключительно частные клиники. Дать однозначную оценку сложившимся тенденциям сложно. С одной стороны, в расширении коммерческого сегмента здравоохранения есть очевидные преимущества для жителей территории, пациентов: возможность выбора лечащего врача, места и времени получения услуги. С другой стороны, информационная асимметрия между врачом и пациентом как базовый изъян рынка медицинских услуг создает для второго очевидные риски: не обладая полной и достоверной информацией о качестве лечения, субъект может выбирать неэффективные стратегии, что чревато как незапланированными финансовыми потерями, так и, с меньшей вероятностью, ущербом для здоровья. Позиция ВОЗ по этому вопросу аналогична: интенсивная коммерциализация здравоохранения в странах со средним и низким уровнем доходов приводит к фрагментации системы оказания медицинской помощи и снижению уровня жизни населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Белехова Г.В. (2016). Потребительское поведение населения: «кризисная» динамика // Проблемы развития территории. № 4 (84). С. 138–153.
- Бойков В., Фили Ф., Шейман И., Шишкин С. (1998). Расходы населения на медицинскую помощь и лекарственные средства // Вопросы экономики. № 10. С. 1–18. URL: https://www.iep.ru/files/persona/shishkin/shishkin-vopreco_98-10.pdf
- Дементьева И.Н. (2016). Потребительские настроения населения Вологодской области в условиях кризиса // Социальное пространство. № 2 (4). URL: <http://socialarea-journal.ru/article/1849>
- Дуганов М.Д. (2007). Оценка эффективности расходов на здравоохранение на региональном и муниципальном уровнях. Москва: ИЭПП. 112 с.
- Кадыров Ф.Н. (2009). Платные медицинские услуги: с чего начать? // Менеджер здравоохранения. № 12. С. 58–61.

- Кислицына О.А. (2005). Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. Москва: РИЦ ИСЭПН. 376 с.
- Кислицына О.А. (2024). Отношение россиян к роли государства в сфере здравоохранения // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 7–30.
- Леонидова Е.Г. (2020). Анализ динамики и структуры конечного потребления в регионе // Социальное пространство. Т. 6. № 3. DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.4. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28616>
- Линденбратен А.Л., Щепина О.П. (2005). Современные очерки об общественном здоровье и здравоохранении. Москва: Медицина. 84 с.
- Миллер М.А. (2014). Дифференциация расходов домохозяйств России на здравоохранение и отдых в зависимости от их доходов // Дискуссия. Экономические науки. № 4 (12). С. 38–41.
- Митрошин И.В. (2022). Доходы и потребительские расходы домашних хозяйств в России // Научный результат. Экономические исследования. Т. 8. № 2. С. 74–84. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-8
- Русинова Н.Л., Сафронов В.В. (2019). Проблема социальных неравенств в здоровье: сравнительное исследование России в европейском контексте // Вестник Института социологии. Т. 10. № 1. С. 127–147. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562>
- Чубарова Т.В. (2008). Экономика здравоохранения теоретические аспекты (научный доклад). Москва: Институт экономики РАН. 68 с.
- Эрроу К. Дж. (2004). Неопределенность и экономика благосостояния здравоохранения // Вехи экономической мысли. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор. Санкт-Петербург: Экономическая школа. С. 293–338.
- Akerlof G. A. (1970). The market for «Lemons»: Quality uncertainty and the market mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, 84, 488–500.
- Canel M.-J. (2014). Reflexiones sobre la reputación ideal de la administración pública. In: *Escribir En Las Almas. Estudios En Honor de Rafael Alvira*. Ed. A.M. Herrero Cruz, R. Lázaro, A. Martínez), 69–88. Pamplona: Eiunsa.
- Einav L., Finkelstein A., Ryan S.P. [et al.] (2013). Selection on moral hazard in health insurance. *American Economic Review*, 103 (1), 178–219.
- Grossman M. (1972). On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political Economy*, 80 (2), 223–255. Available at: <http://dx.doi.org/10.1086/259880>
- Singh J., Malik Sh.H. (2024). Out-of-pocket healthcare expenditure: A Scopus-based systematic review. *African Journal of Biological Sciences*, 6 (14), 2613–2629. DOI: 10.33472/AFJBS.6.14.2024.2613-2629
- Sriram S., Albadrani M. (2022). Impoverishing effects of out-of-pocket healthcare expenditures in India. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 11 (11), 7120–7128. DOI: 10.4103/jfmpc.jfmpc_590_22
- You X., Kobayashi Y. (2011). Determinants of out-of-pocket health expenditure in China: Analysis using China Health and Nutrition Survey data. *Applied Health Economics and Health Policy*, 9 (1), 39–49. DOI: 10.2165/11530730-000000000-00000

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Константин Николаевич Калашников – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

Kalashnikov K.N.

HOUSEHOLDS' CONSUMER EXPENDITURES ON HEALTHCARE IN THE CONTEXT OF COMMERCIALIZATION OF THE INDUSTRY (BASED ON DATA FOR THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT)

The article is devoted to the problem of increasing the participation of residents of Russia and its regions in the sphere of payment for medical services. The aim of the study is to analyze the current state and dynamics for the period from 2013 to 2023 of household expenditures on medical services in the context of healthcare commercialization and in a comparative inter-territorial profile (Vologda Region, Northwestern Federal District, and Russian Federation). We analyze the current situation and the main trends of recent years based on the data of official statistics (Rosstat) and the sociological survey results of the Vologda Region residents, conducted by VolRC RAS. As a result, we identify and describe the trends of growth in the share of health care expenditures in the total structure of consumer expenditures of residents of the Russian Federation and the Vologda Region. In relation to medical services proper, we can record even more noticeable changes. The obtained results indicate that the Vologda Region has a more pronounced practice of households' participation in co-financing of medical services than in the country as a whole. We formulate the conclusion about the contradictory trends based on the data of the region's sociological surveys. On the one hand, residents see and use a number of important advantages of the commercial sector. On the other hand, the increase in the share of expenditures on medical services may indicate the limited availability and quality of medical care provided on the basis of public institutions. The scientific novelty of the research results consists in approbation of the toolkit for subjective assessment of accessibility and quality of medical services provided by public and private health care organizations. The practical significance of the work lies in the possibility of clarifying the guidelines for the development of health care, taking into account current trends, namely in the search for a balance between the commercial and public sectors of the industry.

Households, health care expenditures, expenditures on medical services, commercialization of health care, Russian Federation, subjects of the Northwestern Federal District, Vologda Region.

REFERENCES

- Akerlof G.A. (1970). The market for "Lemons": Quality uncertainty and the market mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*, 84, 488–500.
- Arroy K.J. (2004). Uncertainty and the welfare economics of medical care. In: *Vekhi ekonomicheskoi mysli. T. 4. Ekonomika blagosostoyaniya i obshchestvennyi vybor* [Milestones of Economic Thought. Volume 4. Welfare Economics and Public Choice.]. Saint Petersburg: Ekonomicheskaya shkola (in Russian).
- Belekhova G.V. (2016). Population's consumer behavior: "Crisis" dynamics. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4(84), 138–153 (in Russian).
- Boikov V., Fili F., Sheiman I., Shishkin S. (1998). Expenditures of the population on medical care and medicines. *Voprosy ekonomiki*, 10, 1–18. Available at: https://www.iep.ru/files/persona/shishkin/shishkin-vopreco_98-10.pdf (in Russian).
- Canel M.-J. (2014). Reflexiones sobre la reputación ideal de la administración pública. In: Herrero Cruz A.M., Lázaro R., Martínez A. (Eds.). *Escribir En Las Almas. Estudios En Honor de Rafael Alvira*. Pamplona: Eiunsa.
- Chubarova T.V. (2008). *Ekonomika zdravookhraneniya teoreticheskie aspekty (nauchnyi doklad)* [Health Economics Theoretical Aspects (Scientific Report)]. Moscow: Institut ekonomiki RAN.
- Dement'eva I.N. (2016). Consumer sentiment of the population in the Vologda Oblast amid the crisis. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 2(4). Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/1849> (in Russian).

- Duganov M.D. (2007). *Otsenka effektivnosti raskhodov na zdravookhranenie na regional'nom i munitsipal'nom urovnyakh* [Evaluating the Efficiency of Health Care Expenditures at the Regional and Municipal Levels]. Moscow: IEPP.
- Einav L., Finkelstein A., Ryan S.P. et al. (2013). Selection on moral hazard in health insurance. *American Economic Review*, 103(1), 178–219.
- Grossman M. (1972). On the concept of health capital and the demand for health. *Journal of Political Economy*, 80(2), 223–255. Available at: <http://dx.doi.org/10.1086/259880>
- Kadyrov F.N. (2009). Paid medical services: Where to start? *Menedzher zdravookhraneniya*, 12, 58–61 (in Russian).
- Kislitsyna O.A. (2005). *Neravenstvo v raspredelenii dokhodov i zdorov'ya v sovremennoi Rossii* [Inequality in the Distribution of Income and Health in Modern Russia]. Moscow: RITs ISEPN.
- Kislitsyna O.A. (2024). Russians' attitude toward the role of the state in healthcare. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, 2, 7–30 (in Russian).
- Leonidova E.G. (2020). Analysis of the dynamics and structure of final consumption in the region. *Sotsial'noe prostranstvo=Social Area*, 6(3). DOI: 10.15838/sa.2020.3.25.4. Available at: <http://socialarea-journal.ru/article/28616> (in Russian).
- Lindenbraten A.L., Shchepina O.P. (2005). *Sovremennye ocherki ob obshchestvennom zdorov'e i zdravookhranении* [Contemporary Essays on Public Health and Health Care]. Moscow: Meditsina.
- Miller M.A. (2014). Differentiation of Russian households' expenditures on health care and recreation depending on their income. *Diskussiya. Ekonomicheskie nauki*, 4(12), 38–41 (in Russian).
- Mitroshin I.V. (2022). Income and consumer spending of households in Russia. *Nauchnyi rezul'tat. Ekonomicheskie issledovaniya=Research Result. Economic Research*, 8(2), 74–84. DOI: 10.18413/2409-1634-2022-8-2-0-8 (in Russian).
- Rusinova N.L., Safronov V.V. (2019). The issue of social inequality in terms of health: A comparative study of Russia within the European context. *Vestnik Instituta sotsiologii*, 10(1), 127–147. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2019.28.1.562> (in Russian).
- Singh J., Malik Sh.H. (2024). Out-of-pocket healthcare expenditure: A Scopus-based systematic review. *African Journal of Biological Sciences*, 6(14), 2613–2629. DOI: 10.33472/AFJBS.6.14.2024.2613-2629
- Sriram S., Albadrani M. (2022). Impoverishing effects of out-of-pocket healthcare expenditures in India. *Journal of Family Medicine and Primary Care*, 11(11), 7120–7128. DOI: 10.4103/jfmpc.jfmpc_590_22
- You X., Kobayashi Y. (2011). Determinants of out-of-pocket health expenditure in China: Analysis using China Health and Nutrition Survey data. *Applied Health Economics and Health Policy*, 9(1), 39–49. DOI: 10.2165/11530730-000000000-00000

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Konstantin N. Kalashnikov – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: konstantino-84@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: ИЮЛЬ 2024 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.9 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и СЗФО

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

По предварительным данным Росстата, ВВП России в II квартале 2024 года продемонстрировал прирост на 4,1% (годом ранее отмечалось увеличение на 4,9%; *рис. 1*). Согласно оценке Минэкономразвития, в январе – июле 2024 года¹ увеличение показателя составило 4,4%.

➡ Предпринимательские ожидания в промышленности страны стали более позитив-

ными: в августе 2024 года значение индекса предпринимательской уверенности в обрабатывающей и добывающей промышленности достигло 7,1 и 5,7% соответственно (*рис. 2*). В сфере услуг в III квартале 2024 года значение индикатора составило 3%.

✔ При этом в строительстве в том же периоде индекс предпринимательской уверенности сохранил отрицательное значение.

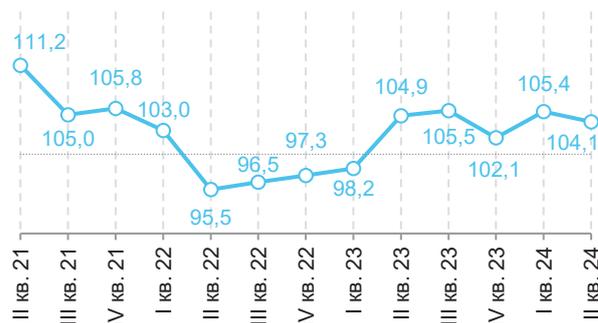

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему кварталу предыдущего года

Для цитирования: Сидоров М.А. (2024). Мониторинг экономики: июль 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 133–144. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.9

For citation: Sidorov M.A. (2024). Monitoring of the economy in July 2024. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 133–144. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.9

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – июль 2024 года сопоставляется с январем – июлем 2023 года.

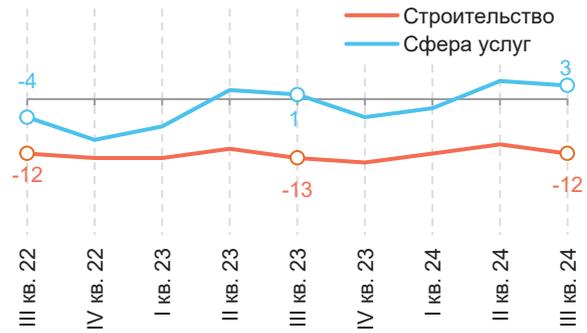
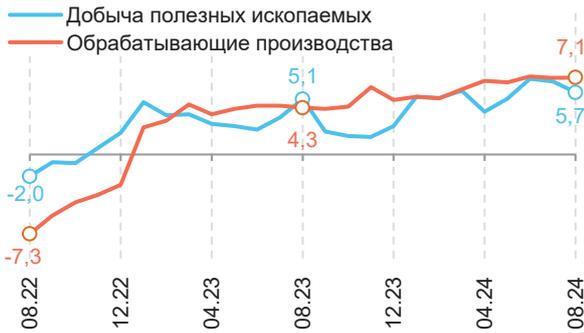

Рис. 2. Индекс предпринимательской уверенности, %

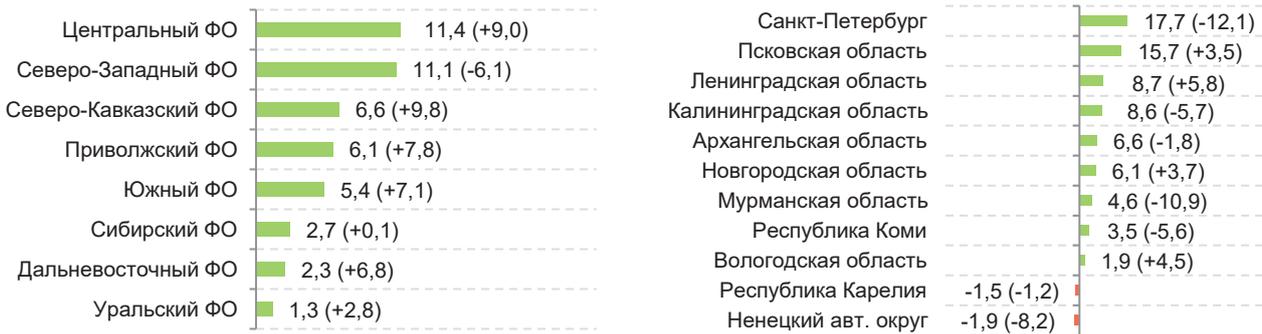

Рис. 3. Прирост выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности* в январе – июле 2024 года по федеральным округам и регионам СЗФО, % к январю – июлю 2023 года

* В состав базовых видов экономической деятельности входит растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; транспорт.

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – июле 2023 года, % к январю – июлю 2022 года.

1. Производство валового продукта

Индекс выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в целом по стране составил 104,1%. Динамика выпуска была позитивной во всех федеральных округах, при этом СЗФО продемонстрировал близкое к лидирующему округу увеличение индикатора, и данный прирост на 11,6% превысил спад на 6,1% предыдущего года (рис. 3). Увеличение выпуска товаров и услуг отмечено в большинстве регионов за исключением Ненецкого автономного округа и Республики Карелии, в которых значение показателя снизилось на 1,9 и 1,5% соответственно.

📈 **Промышленность** РФ и СЗФО ускорила прирост выпуска до 4,8 и 6,5% соответственно (годом ранее значение составило 3,1 и 3,7% соответственно; табл. 1), что объясняется активным развитием обрабатывающей ин-

дустрии, индекс выпуска продукции которой в целом по стране и в СЗФО составил 108,6 и 108,3% соответственно. Локомотивами роста выпуска отрасли в макрорегионе стали Санкт-Петербург и Псковская область – их индекс производства продукции обрабатывающей промышленности составил 112,2 и 109,4% соответственно, в большинстве других регионов округа также отмечено улучшение динамики промышленных, в частности обрабатывающих, производств. В то же время в Ненецком автономном округе, Вологодской области и Республике Карелии значение индикатора незначительно снизилось (на 0,6; 0,2 и 0,1% соответственно).

📉 Добыча полезных ископаемых в целом по стране снизилась на 0,5%, годом ранее спад составил 1,6%. В СЗФО выпуск отрасли увеличился на 0,4%, что пока не позволило компенсировать снижение индикатора годом ранее на 3,3%.

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	7 мес. 2022 г.	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	р*
Промышленность в целом				
Российская Федерация	102,1	103,1	104,8	-
Северо-Западный ФО	103,1	103,8	106,5	3
Санкт-Петербург	107,2	110,0	112,2	15
Псковская область	99,5	117,4	109,4	24
Ленинградская область	101,7	111,1	109,3	25
Архангельская область	101,2	98,2	107,3	31
Новгородская область	95,8	101,5	104,6	41
Калининградская область	81,7	89,8	103,9	47
Республика Коми	106,7	98,7	102,0	54
Мурманская область	103,3	94,7	101,6	57
Республика Карелия	95,1	98,8	99,9	69
Вологодская область	97,3	105,8	99,8	70
Ненецкий авт. округ	115,0	93,2	99,4	71
Добыча полезных ископаемых				
Российская Федерация	103,5	98,4	99,5	-
Северо-Западный ФО	107,2	96,7	100,4	3
Санкт-Петербург	39,8	76,9	126,1	1
Ленинградская область	99,5	102,9	107,5	14
Калининградская область	85,7	92,1	103,9	24
Республика Коми	109,8	98,8	102,7	30
Псковская область	98,8	101,3	102,6	32
Республика Карелия	94,8	102,7	99,2	41
Ненецкий авт. округ	115,1	93,1	99,2	41
Архангельская область	116,1	88,8	98,7	45
Вологодская область	111,2	90,3	94,8	59
Мурманская область	90,6	104,5	92,7	65
Новгородская область	100,6	92,6	87,7	74
Обрабатывающие производства				
Российская Федерация	101,6	107,2	108,6	-
Северо-Западный ФО	102,5	107,2	108,3	4
Ненецкий авт. округ	124,5	103,5	131,5	4
Санкт-Петербург	109,3	112,1	113,2	19
Архангельская область	99,5	99,8	109,8	28
Ленинградская область	102,2	115,5	108,4	34
Псковская область	101,9	116,6	107,9	37
Мурманская область	109,9	89,8	105,3	45
Новгородская область	95,9	101,5	104,7	47
Калининградская область	80,0	89,9	104,2	50
Республика Коми	98,6	98,5	100,0	69
Вологодская область	95,9	105,8	100,0	69
Республика Карелия	95,1	96,2	98,3	74

* Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в январе – июле 2024 года (если не оговорено иное), без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

↗ Положительное влияние на значение показателя по СЗФО оказало увеличение добычи полезных ископаемых в Санкт-Петербурге и Ленинградской области на 26,1 и 7,5% соответственно. В то же время в ряде субъектов округа отмечен спад выпуска отрасли. В частности, в Новгородской и Мурманской областях снижение индикатора составило 12,3 и 7,3% соответственно.

Отсутствие данных по добыче нефти и газа² несколько усложняет понимание ситуации в отрасли, однако по суммарному индексу добычи (доля нефти и газа в общем объеме добычи СЗФО составляет порядка 60%) можно предположить, что динамика их производства была позитивной. Добыча угля также увеличилась (на 1,7% после спада на 23,4% годом ранее; *рис. 4*).

В то же время отмечено сокращение добычи металлических руд на 6,1%.

Обрабатывающая промышленность СЗФО испытывала последствия изменения спроса трансформирующейся экономики.

↗ Подотрасли **сектора обрабатывающей промышленности промежуточного спроса** СЗФО продемонстрировали улучшение динамики выпуска. В частности, в деревообрабатывающей индустрии производство продукции выросло на 5,9%, в химической – на 2,9%.

↘ В то же время значение показателя в металлургии сократилось на 5,3%. Одним из факторов снижения выпуска продукции этого вида деятельности стал ремонт крупнейшей доменной печи на Череповецком металлургическом комбинате³. Ожидаемое время завершения работ – IV квартал 2024 года.

↘ Отрасли **сектора обрабатывающей промышленности конечного спроса** СЗФО показали разнонаправленную динамику выпуска. Существенно сократилось производство продукции легкой промышленности: кожи и изделий из кожи – на 30,4%, текстильных

² Росстат перестал публиковать данные по добыче нефти. URL: <https://www.rbc.ru/economics/26/04/2023/64492a769a794789b8b0feec> (дата обращения 20.05.2024).

³ «Северсталь» решила отремонтировать одну печь и потратит ₴37 млрд. URL: <https://www.rbc.ru/business/01/04/2024/660a9c499a7947b83371dd71> (дата обращения 20.05.2024).

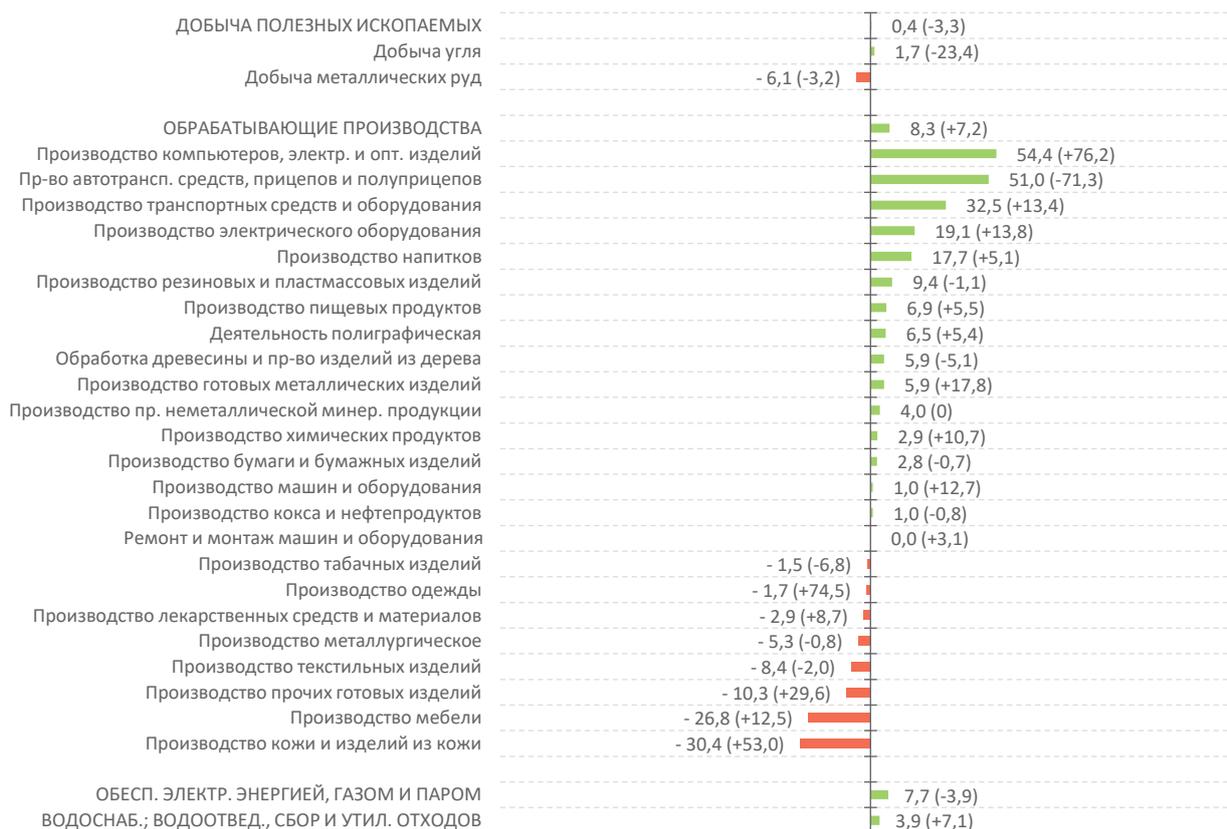

Рис. 4. Прирост объемов промышленного производства СЗФО в январе – июле 2024 года, % к январю – июлю 2023 года

Примечание: в скобках указано изменение показателя в январе – июле 2023 года, % к январю – июлю 2022 года.

изделий – на 8,4%, лекарственных средств и материалов – на 2,9%, одежды – на 1,7%. Также заметно снизился выпуск мебели и прочих готовых изделий (на 26,8 и 10,3% соответственно).

В то же время производство напитков и пищевых продуктов увеличилось на 17,7 и 6,9% соответственно. Продолжился прирост выпуска готовых металлических изделий (на 5,9% после 17,8% годом ранее).

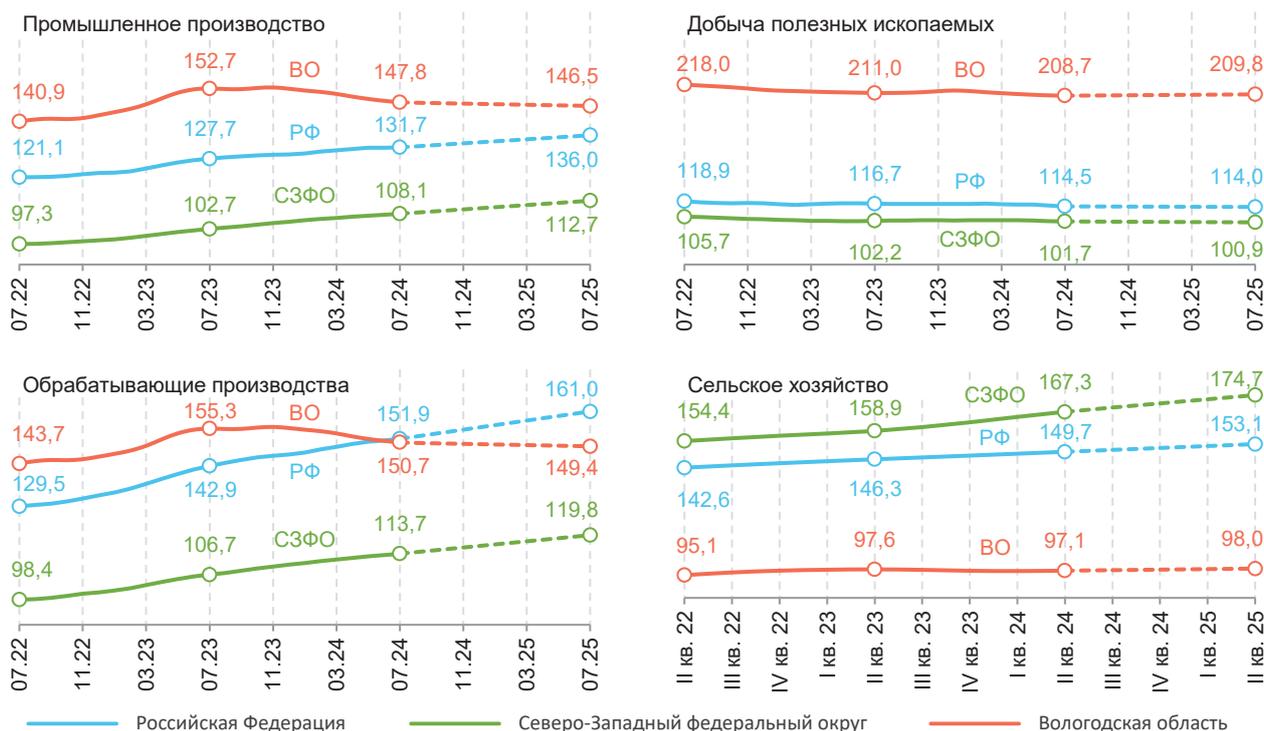
В большинстве отраслей сектора обрабатывающей промышленности инвестиционного спроса СЗФО увеличилось производство продукции. В частности, возобновился рост выпуска автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов (на 51% после снижения на 71,3% годом ранее). Существенным было увеличение производства компьютеров, электронных и оптических изделий, транспортных средств и оборудования, а также электрооборудования – на 54,4; 32,5 и 19,1% соответственно. Помимо машиностроения отмечен прирост выпуска

неметаллической минеральной продукции на 4%, что может быть связано с активизацией строительства в СЗФО (см. табл. 7).

Российский автомобильный холдинг «Автотор» ввел в эксплуатацию новый завод по производству электродвигателей в Калининграде. Производственные мощности рассчитаны на выпуск 60 тыс. электродвигателей в год. В линейку производимой продукции входят электродвигатели мощностью от 23 кВт до 140 кВт для различных видов легкового электротранспорта. Общий объем инвестиций утвержден в объеме 70 млрд руб. Инвестиционный проект по созданию заводов по производству автокомпонентов, включающий в том числе производство электродвигателей, предполагает создание более 390 новых рабочих мест⁴.

⁴ «Автотор» ввел в эксплуатацию завод по выпуску электродвигателей в Калининграде. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21706923> (дата обращения 19.09.2024).

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

▲ **Сельское хозяйство** РФ в I полугодии 2024 года нарастило выпуск продукции на 0,9% (табл. 2). В СЗФО отмечено увеличение значения этого индикатора на 7,1%, что стало самым высоким значением среди остальных федеральных округов. Этот прирост во многом обусловлен успехами специализирующейся на животноводстве Псковской области (выпуск продукции сельского хозяйства в этом регионе увеличился на 36%, что также стало лучшим результатом в стране). Высоким также был прирост выпуска сельского хозяйства Калининградской области (на 11%, 2 место по стране). В то же время в ряде регионов производство сельскохозяйственной продукции сократилось, наиболее существенным стало снижение выпуска отрасли в Новгородской области, Республике Коми и Мурманской области (на 9,7; 5,4 и 3,7% соответственно).

На **рынке труда** продолжилось улучшение показателей.

▲ Уровень безработицы в мае – июле 2024 года в России и СЗФО продолжил снижение (до 2,5 и 2,1% соответственно; табл. 3). Обобщающая динамика значения индикатора по макрорегиону обусловлена позитив-

ными изменениями в большинстве регионов округа. Показательным стало снижение уровня безработицы в Архангельской области с 5,6 до 1,4%.

Таблица 2. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р*
Российская Федерация	108,3	101,3	100,9	-
Северо-Западный ФО	96,6	103,7	107,1	1
Псковская область	82,6	103,1	136,0	1
Калининградская область	98,3	102,9	111,1	2
Ненецкий авт. округ	97,8	98,7	104,0	12
Архангельская область	97,9	104,6	103,2	22
Ленинградская область	103,4	102,1	102,0	32
Вологодская область	99,3	105,4	98,7	51
Республика Карелия	99,3	103,7	97,5	61
Мурманская область	90,8	130,2	96,3	67
Республика Коми	97,9	101,9	94,6	76
Новгородская область	88,7	111,0	90,3	79

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в I полугодии 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Таблица 3. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	Май – июль 2022 г.	Май – июль 2023 г.	Май – июль 2024 г.	Р*
Уровень безработицы, % от численности занятых				
Российская Федерация	3,9	3,1	2,5	-
Северо-Западный ФО	3,2	2,6	2,1	4
Новгородская область	3,3	2,4	1,3	2
Архангельская область	5,5	5,6	1,4	7
Санкт-Петербург	1,6	1,5	1,5	8
Псковская область	4,3	2,9	2,2	35
Калининградская область	3,1	3,0	2,5	48
Ленинградская область	3,3	2,6	2,7	56
Мурманская область	4,8	3,1	2,8	58
Вологодская область	3,4	3,3	3,0	60
Республика Коми	7,0	3,6	3,5	70
Республика Карелия	5,7	5,2	4,1	72
Ненецкий авт. округ	6,8	6,2	5,4	78
Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р
Потребность работодателей в работниках				
Российская Федерация	121,3	115,5	119,1	-
Северо-Западный ФО	118,5	115,9	114,3	7
Новгородская область	120,9	122,7	131,6	15
Ленинградская область	135,2	123,1	126,1	30
Вологодская область	119,3	108,8	126,1	31
Псковская область	104,9	106,5	118,1	55
Архангельская область	100,7	112,7	115,7	61
Калининградская область	103,5	112,1	114,9	62
Республика Карелия	127,6	111,2	111,6	73
Санкт-Петербург	121,9	120,2	111,4	76
Республика Коми	90,3	107,8	110,5	77
Ненецкий авт. округ	106,5	120,4	104,9	82
Мурманская область	122,1	100,1	102,6	83

* По индикатору «Уровень безработицы» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в мае – июле 2024 года, по индикатору «Потребность работодателей в работниках» – в I полугодии 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Объем заявленной в службы занятости страны потребности работодателей в работниках вырос на 19,1%, в СЗФО – на 14,3%, при этом рост показателя по макрорегиону сопровождался увеличением числа вакансий во всех регионах округа, в наибольшей степени – в Новгородской, Ленинградской и Вологодской областях (на 31,6; 26,1 и 26,1% соответственно).

2. Образование доходов

Положительная динамика развития экономики отразилась на стадии образовании доходов.

Реальные денежные доходы россиян увеличились на 7,4%, в СЗФО реальные денежные доходы населения выросли на 8,2%, при этом рост доходов населения отмечен во всех регионах округа (табл. 4). Драйверами динамики данного показателя по СЗФО стали в первую очередь Ленинградская область и Санкт-Петербург (где прирост составил 10 и 9,4% соответственно), в остальных регионах доходы населения увеличились на 3,5–9%. Реальная начисленная заработная плата в целом по стране выросла на 9,4%. Заработная плата жителей СЗФО также увеличилась – на 6,8%.

Таблица 4. Динамика образования доходов населения, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р*
Реальные денежные доходы населения				
Российская Федерация	106,0	104,4	107,4	-
Северо-Западный ФО	106,1	105,2	108,2	-
Ленинградская область	106,4	106,9	110,0	-
Санкт-Петербург	109,6	106,3	109,4	-
Псковская область	100,1	105,5	109,0	-
Новгородская область	102,3	104,5	108,7	-
Калининградская область	103,9	103,4	108,5	-
Республика Коми	105,1	105,5	107,2	-
Республика Карелия	101,4	102,6	106,0	-
Мурманская область	104,9	103,6	105,8	-
Архангельская область	103,8	105,6	105,5	-
Ненецкий авт. округ	99,9	101,9	103,5	-
Вологодская область	99,8	101,3	103,5	-
Реальная начисленная заработная плата				
Российская Федерация	98,7	106,8	109,4	-
Северо-Западный ФО	98,4	105,9	106,8	8
Псковская область	97,7	107,4	113,2	7
Ленинградская область	98,5	107,1	112,5	12
Новгородская область	97,8	108,9	110,5	34
Вологодская область	102,6	102,9	109,2	43
Калининградская область	96,5	106,0	107,7	61
Мурманская область	100,3	102,1	107,0	67
Республика Карелия	96,1	106,5	106,5	69
Ненецкий авт. округ	95,8	101,7	106,4	70
Санкт-Петербург	97,5	106,0	105,4	76
Республика Коми	96,6	108,2	104,7	78
Архангельская область	93,7	106,4	103,9	82

* По индикатору «Реальная начисленная заработная плата» приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в I полугодии 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

❖ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ и СЗФО в I полугодии 2024 года продолжил снижаться (на 5,8 и 12,8% соответственно после спада годом ранее на 11,4 и 55,5% соответственно; табл. 5). Среди регионов СЗФО, показавших высокий рост предпринимательских доходов, только Псковская область сохранила позитивную динамику с прошлого года, в остальных случаях увеличению предшествовало глубокое снижение значения индикатора. При этом в ряде регионов сальдированный финансовый результат деятельности продолжил сокращаться. Так, в Новгородской области этот показатель принял отрицательное значение, а в Мурманской и Калининградской областях, а также Санкт-Петербурге снизился на 73; 43,2 и 20,5% соответственно.

✅ **Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет** страны в целом по России в I полугодии 2024 года в реальном выражении увеличилось на 19,8% после снижения на 0,7% годом ранее.

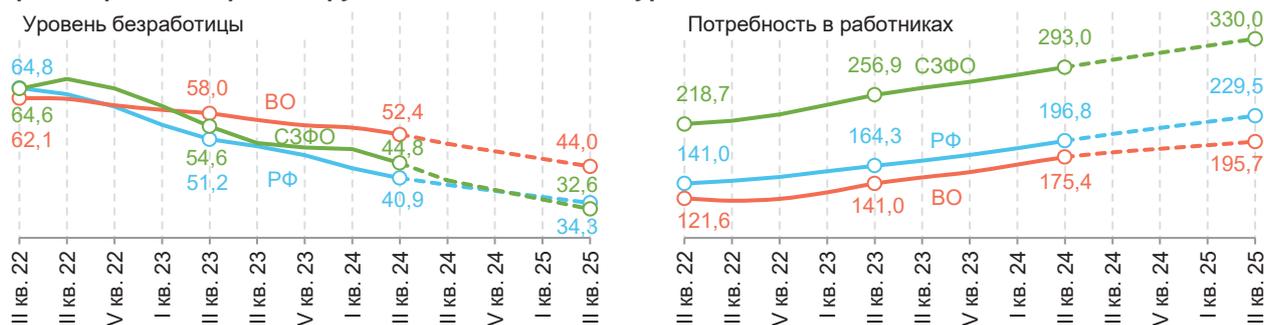
❖ В СЗФО поступления в консолидированный бюджет РФ сократились на 9,1% после прироста на 19,3% годом ранее, что во многом обусловлено снижением уровня показателя во многих регионах округа, в наибольшей степени – в Мурманской области и Республике Коми (на 63,6 и 35,1% соответственно). В то же время в ряде регионов округа зафиксировано существенное увеличение поступлений средств в бюджет РФ, в частности в Ненецком автономном округе, Калининградской области и Республике Карелии (на 50,4; 46,5 и 23,3% соответственно; добавим, что в первых двух из них продемонстрированные значения обусловлены отставанием в поступлении налогов годом ранее).

Таблица 5. Динамика образования предпринимательских и государственных доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

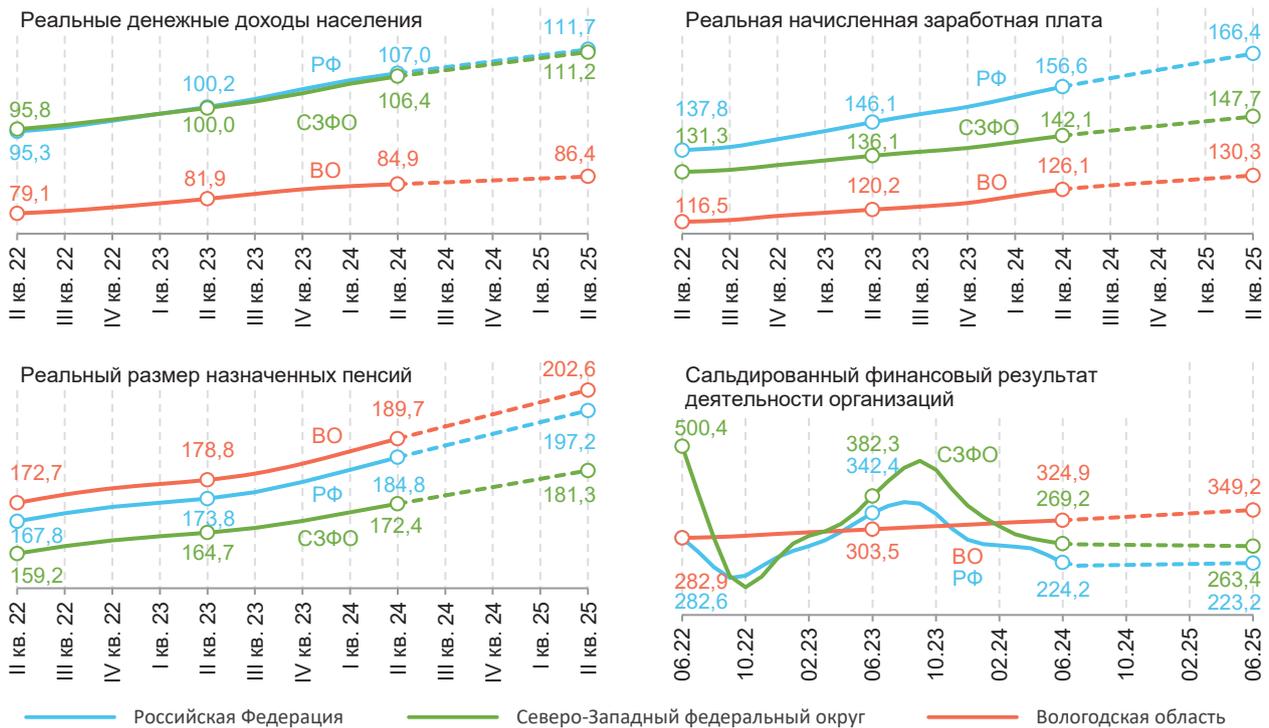
Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	р*
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций				
Российская Федерация	132,0	88,6	94,2	-
Северо-Западный ФО	134,2	44,5	87,2	6
Ненецкий авт. округ	229,3	3,2	462,0	2
Республика Коми	94,5	52,1	219,2	7
Республика Карелия	64,3	28,0	198,4	9
Архангельская область	-	39,8	182,5	11
Ленинградская область	155,3	86,0	136,0	23
Псковская область	88,4	146,3	118,5	30
Вологодская область	253,4	50,3	115,2	33
Санкт-Петербург	119,7	33,9	79,5	56
Калининградская область	90,6	99,7	56,8	68
Мурманская область	98,0	79,8	27,0	72
Новгородская область	223,3	23,9	-	-
Поступление налогов, сборов и иных обязательных платежей в консолидированный бюджет РФ				
Российская Федерация	118,5	99,3	119,8	-
Северо-Западный ФО	108,8	119,3	90,9	-
Ненецкий авт. округ	225,9	37,6	150,4	-
Калининградская область	67,3	67,5	146,5	-
Республика Карелия	90,0	100,7	123,3	-
Псковская область	101,7	124,1	112,1	-
Архангельская область	111,9	86,8	106,7	-
Санкт-Петербург	94,8	148,0	94,1	-
Новгородская область	170,1	95,4	92,8	-
Вологодская область	134,1	135,5	83,6	-
Ленинградская область	86,9	148,2	82,7	-
Республика Коми	180,9	82,6	64,9	-
Мурманская область	164,0	189,1	36,4	-

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в I полугодии 2024 года без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Тренды развития рынка труда в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

3. Конечное использование

Вместе с ростом доходов населения **потребительский спрос** также продемонстрировал увеличение.

📈 **Оборот розничной торговли** в целом по России и СЗФО показал прирост значений индикатора в размере 8,4 и 5,8% соответственно (табл. 6). Лидерами в макрорегионе по увеличению оборота розничной торговли стали Псковская и Калининградская области (на 12,6 и 11,2% соответственно). Рост индикатора отмечен во всех регионах СЗФО за исключением Ненецкого автономного округа, где оборот розничной торговли сократился на 0,3%, что объясняется в первую очередь снижением оборота непродовольственных товаров в этом субъекте на 2,5%. В целом по РФ увеличение оборота розничной торговли непродовольственными товарами составило 10,1%, продовольственными – 6,5%. В СЗФО прирост оборота торговли непродовольственными товарами составил 4,5%, при этом в Псковской и Калининградской областях значение показателя увеличилось на 18,9 и 14,8% соответственно. Оборот продовольственных товаров в СЗФО вырос на 3,7%, что обусловлено увеличением значения ин-

дикатора в большинстве субъектов округа (на 0,5–7,5%) за исключением Вологодской области, где зафиксирован спад розничного оборота продовольственных товаров на 0,5%.

📈 **Объем оказанных населению страны платных услуг** увеличился на 3,8%, в СЗФО – на 0,8% (годом ранее также был зафиксирован прирост показателя – на 6,4 и 10,2% соответственно). Наибольшее увеличение объема оказанных услуг наблюдалось в Калининградской и Ленинградской областях (на 8,3 и 7,1% соответственно). Замедляющим фактором макрорегиональной динамики стало снижение объема оказанных населению платных услуг в ряде субъектов округа, в частности в Республике Коми и Санкт-Петербурге (на 2,9 и 1,2% соответственно).

📈 **Потребительская инфляция** в России и СЗФО ускорилась и составила 5,1 и 4,6% соответственно (годом ранее потребительские цены в этих территориях выросли на 3,4%). Цены на продовольственные товары в целом по РФ и по федеральному округу также увеличились – на 4,2 и 3,6% соответственно. Цены на непродовольственные товары в целом по стране и по макрорегиону проде-

Таблица 6. Динамика развития потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

Территория	7 мес. 2022 г.	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	р
Оборот розничной торговли				
Российская Федерация	96,3	104,4	108,4	-
Северо-Западный ФО	97,4	108,3	105,8	7
Псковская область	99,1	99,1	112,6	11
Калининградская область	98,3	103,2	111,2	20
Санкт-Петербург	97,4	112,4	106,6	55
Новгородская область	98,5	101,7	106,2	58
Республика Карелия	90,4	109,1	106,1	59
Ленинградская область	102,8	109,2	104,9	63
Вологодская область	93,0	100,2	103,9	70
Республика Коми	91,0	106,2	101,7	79
Мурманская область	99,4	100,5	101,5	80
Архангельская область	93,7	102,0	100,1	83
Ненецкий авт. округ	101,3	101,8	99,7	84
Объем платных услуг населению				
Российская Федерация	107,2	106,4	103,8	-
Северо-Западный ФО	105,0	110,2	100,8	7
Калининградская область	105,1	106,4	108,3	3
Ленинградская область	108,9	109,8	107,1	5
Республика Карелия	103,5	105,7	104,4	21
Ненецкий авт. округ	107,5	92,4	104,4	21
Архангельская область	97,1	105,2	104,2	24
Псковская область	101,4	102,1	102,3	51
Новгородская область	102,4	100,3	100,1	72
Вологодская область	104,1	100,9	99,9	74
Мурманская область	102,5	101,7	99,8	75
Санкт-Петербург	106,1	115,6	98,8	79
Республика Коми	104,8	97,5	97,1	83
Индекс потребительских цен (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	111,0	103,4	105,1	-
Северо-Западный ФО	110,4	103,4	104,6	3
Вологодская область	110,8	103,2	104,2	18
Санкт-Петербург	109,8	103,3	104,3	20
Ненецкий авт. округ	112,3	101,8	104,5	29
Мурманская область	113,0	102,8	104,5	29
Новгородская область	110,0	103,3	104,5	29
Архангельская область	111,6	104,9	104,6	35
Республика Карелия	111,5	104,3	104,8	44
Псковская область	111,0	102,4	104,8	44
Ленинградская область	109,5	103,4	105,2	70
Республика Коми	111,1	103,9	105,6	79
Калининградская область	111,5	103,2	106,1	84
Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)				
Российская Федерация	102,3	110,5	105,0	-
Северо-Западный ФО	101,9	107,1	104,7	5
Ненецкий авт. округ	108,7	125,1	96,5	2
Мурманская область	93,5	109,8	98,8	7
Калининградская область	107,1	101,2	102,2	14
Новгородская область	101,1	100,7	103,1	25
Вологодская область	81,9	110,9	104,4	36
Санкт-Петербург	114,3	104,4	105,1	42
Республика Коми	94,6	108,2	105,2	45
Ленинградская область	105,4	106,2	106,3	57
Псковская область	103,4	103,3	106,3	57
Архангельская область	103,1	96,7	107,4	70
Республика Карелия	90,3	116,1	109,2	76

монстрировали прирост на 2,8 и 2,7% соответственно. Тарифы ЖКХ в РФ и СЗФО увеличивались существенно быстрее – на 9 и 8% соответственно.

✔ В целом по России рост **цен производителей промышленных товаров** происходил быстрее, чем в СЗФО (на 5 и 4,7% соответственно). Наиболее существенно продукция промышленности подорожала в Республике Карелии и Архангельской области (на 9,2 и 7,4% соответственно).

✔ В то же время цены на продукцию промышленности Ненецкого автономного округа и Мурманской области снизились на 3,5 и 1,2% соответственно.

✔ В **строительстве** России отмечено увеличение объема выполненных работ на 3,3% (табл. 7). Объем строительства в СЗФО возобновил прирост (на 6% после снижения на 0,4% годом ранее). Наибольшим стало увеличение показателя в Республике Коми и Вологодской области (на 33 и 21,9% соответственно). Негативное влияние на динамику индикатора в целом по СЗФО оказало сокращение объема выполненных строительных работ в Республике Карелии, Ненецком автономном округе и Архангельской области (на 32,1; 10,9 и 1,6% соответственно).

✔ **Ввод жилья** в целом по РФ ускорился на 3,4% после снижения на 1% годом ранее.

✔ В СЗФО отмечено снижение показателя на 5% (годом ранее – на 3,5%), при этом «якорем» динамики по макрорегиону стало замедление жилого строительства в Санкт-Петербурге и Новгородской области (27,5 и 16,5% соответственно), тогда как в остальных субъектах округа динамика показателя была позитивной.

✔ **Объем выданных ипотечных кредитов** в целом по стране существенно сократился – на 17,4%. В СЗФО снижение индикатора составило 12,9%, что стало лучшим результатом среди остальных федеральных округов. В большинстве субъектов округа отмечено снижение значения индикатора в объеме 0,2–31,5%. Исключением стала Архангельская область, где объем выданных жилищных ипотечных кредитов увеличился на 0,5%. Согласно отчету Банка России,

**Таблица 7. Динамика строительства,
% к соответствующему периоду
предыдущего года**

Территория	7 мес. 2022 г.	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»				
Российская Федерация	105,9	109,3	103,3	-
Северо-Западный ФО	99,5	99,6	106,0	2
Республика Коми	67,0	78,8	133,0	9
Вологодская область	83,3	96,0	121,9	16
Калининградская область	103,2	122,5	116,5	21
Мурманская область	108,6	50,5	115,3	24
Псковская область	89,9	95,4	113,9	26
Ленинградская область	118,8	103,8	111,4	30
Новгородская область	93,4	140,1	108,4	33
Санкт-Петербург	94,8	111,7	100,7	42
Архангельская область	88,5	82,4	98,4	46
Ненецкий авт. округ	104,1	67,3	89,1	59
Республика Карелия	160,0	109,2	67,9	81
Ввод жилых домов				
Российская Федерация	138,1	99,0	103,4	-
Северо-Западный ФО	124,5	96,5	95,0	7
Мурманская область	474,4	20,7	153,3	3
Ненецкий авт. округ	300,3	60,5	141,0	9
Псковская область	131,7	81,9	120,6	22
Архангельская область	104,2	115,4	112,9	33
Ленинградская область	121,2	98,7	107,8	38
Вологодская область	145,2	108,5	107,2	39
Республика Карелия	147,1	92,1	101,4	49
Республика Коми	172,2	96,5	101,2	50
Калининградская область	124,7	80,7	100,3	52
Новгородская область	117,6	110,5	83,5	78
Санкт-Петербург	116,8	102,4	72,5	82
Объем выданных ипотечных кредитов				
Российская Федерация	64,0	160,8	82,6	-
Северо-Западный ФО	63,3	135,5	87,1	1
Архангельская область	58,4	150,9	100,5	6
Калининградская область	55,1	172,3	99,8	8
Санкт-Петербург	65,4	119,5	90,9	15
Псковская область	62,7	162,4	83,8	31
Мурманская область	64,8	156,6	81,7	42
Новгородская область	61,2	158,0	81,3	47
Вологодская область	62,4	159,2	81,0	48
Ленинградская область	64,9	146,4	77,0	62
Республика Карелия	55,0	165,2	75,2	67
Ненецкий авт. округ	66,1	156,1	72,2	75
Республика Коми	57,3	155,1	69,5	78

«рост ипотеки [во II квартале] ускорился в связи с ожидаемым существенным сокращением господдержки с 01.07.2024. Выдачи ипотеки по рыночным ставкам оставались невысокими».

▲ **Инвестиции в основной капитал** страны в I полугодии 2024 года выросли на 10,9% (табл. 8). В СЗФО индекс инвестиций также был наиболее высоким среди федеральных округов (119,4%). Существенное влияние на обобщающее значение показателя по макро-региону оказал прирост инвестиций в Ленинградской и Псковской областях, а также в Санкт-Петербурге (на 36,1; 27,1 и 26,4% соответственно). При этом в двух субъектах СЗФО произошло замедление инвестиционной активности на 35,6 и 2,9% соответственно.

**Таблица 8. Динамика инвестиций
в основной капитал, % к соответствующему
периоду предыдущего года**

Территория	6 мес. 2022 г.	6 мес. 2023 г.	6 мес. 2024 г.	Р*
Российская Федерация	109,6	108,0	110,9	-
Северо-Западный ФО	102,1	103,1	119,4	1
Ленинградская область	141,2	106,2	136,1	11
Псковская область	62,1	95,5	127,1	19
Санкт-Петербург	94,2	115,9	126,4	21
Вологодская область	83,0	73,4	117,5	34
Ненецкий авт. округ	90,3	93,2	113,2	40
Мурманская область	98,9	71,4	107,4	52
Республика Коми	81,8	99,5	104,4	60
Новгородская область	99,7	126,8	103,1	62
Калининградская область	119,1	142,6	100,8	69
Республика Карелия	114,0	85,0	97,1	74
Архангельская область	110,6	98,7	64,4	84

* Приведен ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации (по СЗФО – среди федеральных округов) по динамике показателя в I полугодии 2024 года, без учета статистической информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

Согласно данным федеральной таможенной службы в январе – июле 2024 года общий объем **экспорта** России в стоимостном выражении вырос на 0,7%, **импорт** за то же время снизился на 7,8%. Экспорт в Европу снизился на 31,6%, в Азию – вырос на 8,5%, в Африку – на 27,1%, в Америку – на 13,5%. Импорт из Европы сократился на 11,6%, из Азии – на 5,9%, из Африки – на 2,6%.

Экспорт продовольственных товаров сократился на 4,6%, импорт этой группы товаров – на 0,8%. В то же время на 3,6% увеличился стоимостной объем экспорта минеральных продуктов (при этом их доля составила 62%), импорт минеральных продуктов снизился на 25%. Экспорт машин и оборудования сократился на 7,6, в то же время импорт этой категории товаров снизился на 6,9%, при этом их доля составила более половины от общего объема импорта.

Цены на мировых рынках на природный газ снизились на 29,1%, на металлопрокат – на 3,4%.

В то же время нефть подорожала на 5,4%, фосфорсодержащие удобрения – на 1% (табл. 9).

Таблица 9. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

Товар	7 мес. 2022 г.	7 мес. 2023 г.	7 мес. 2024 г.
Нефть	160,3	75,3	105,4
Газ	417,8	38,5	70,9
Металлопрокат (Мет.)	119,5	72,7	96,6
Фосфатные удобрения (ФУ)	150,5	68,0	101,0

На середину августа 2024 года цены на металлопродукцию на мировом рынке демонстрируют снижение: на «плоский» прокат – на 12–7,8%, на «длинный» прокат – на 24,6–17,7%. В то же время на внутреннем рынке цены на металлопродукцию выросли на 3,1–13,7% (табл. 10, 11).

Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну (на середину августа соответствующего года)

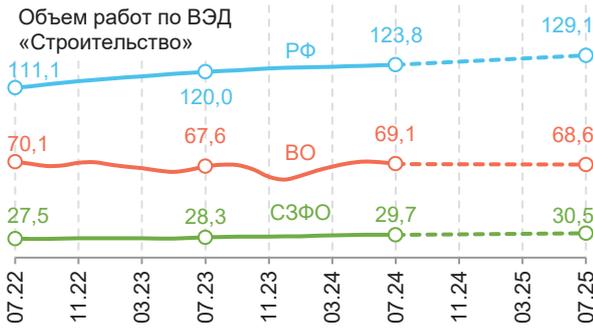
Вид металлопродукции	Единица измерения	2024 г.	2023 г.	2022 г.	2024 г., % к	
					2023 г.	2022 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	753	855	900	88,0	83,6
Лист оцинкованный	долл. США	830	900	958	92,2	86,7
Лист горячекатаный	долл. США	655	705	818	92,9	80,1
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	653	793	893	82,3	73,1
Конструкционные профили	долл. США	720	955	1083	75,4	66,5
Сортовой прокат	долл. США	720	895	1028	80,4	70,1

Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну (на середину августа соответствующего года)

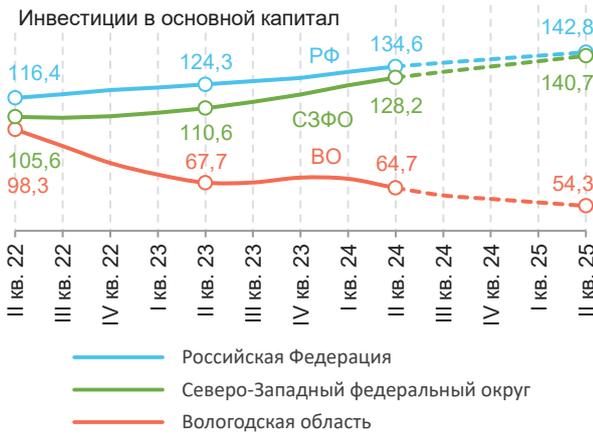
Вид металлопродукции	Единица измерения	2024 г.	2023 г.	2022 г.	2024 г., % к	
					2023 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	87625	74500	58714	117,6	149,2
Лист оцинкованный	руб.	118125	91840	78000	128,6	151,4
Лист горячекатаный	руб.	65850	70929	53163	92,8	123,9
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	64800	56994	52575	113,7	123,3
Балка и швеллер	руб.	84806	77429	69553	109,5	121,9
Круг	руб.	63833	58240	49429	109,6	129,1
Уголок	руб.	65317	63357	63556	103,1	102,8

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2022–2025 гг., % к уровню 2008 года

Подводя итог, отметим, что в январе – июле 2024 года экономика как страны в целом, так и СЗФО ускоренно развивалась, что сопровождалось ростом выпуска ряда отраслей промышленности, включая инвестиционные. Отмечен рост доходов населения, а также потребительского спроса и инвестиций. Вместе с тем сохранился ряд негативных явлений, таких как снижение доходов государства и бизнеса в субъектах макрорегиона, ожидается масштабное замедление ипотечного кредитования. В сложившихся условиях усиливается важность активизации усилий федеральных и региональных органов власти по стабилизации предпринимательских доходов, ускоренной модернизации обрабатывающей промышленности и развитию потребительского спроса.

В качестве примера уже реализованных мер можно привести создание территорий опережающего развития⁵, закупки в сфере машиностроения⁶, льготное кредитование IT-проектов на основе отечественных решений⁷, а также сферы туризма⁸.

Источники: Росстат, Министерство экономического развития, Банк России, Федеральная таможенная служба, Правительство России, metalinfo.ru, divercitytimes.com

Материал подготовил
М.А. Сидоров
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

⁵ Постановление Правительства РФ от 09.08.2024 № 1068 о создании территории опережающего развития «Столица Севера».

⁶ Постановление Правительства РФ от 18.07.2024 № 1899-р о направлении в регионы более 2,6 тыс. новых школьных автобусов российского производства.

⁷ Постановление Правительства РФ от 15.08.2024 № 801-р о направлении почти 2,5 млрд руб. на поддержку программы льготного кредитования проектов по цифровой трансформации.

⁸ Постановление Правительства РФ от 15.08.2024 № 2185-р о выделении дополнительно более 6,5 млрд руб. на программу льготного кредитования инвестиционных проектов в сфере туризма

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ В АВГУСТЕ 2024 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.10 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В июне – августе 2024 года ФГБУН ВолНЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественно-го мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Тарногском, Кирилловском, Никольском муниципальных округах и Шекснинском муниципальном районе. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в %) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

☉ За последние два месяца доля жителей области, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное», не изменилась и составила 68–69%. Удельный вес тех, кто испытывает «напряжение, раздражение, страх, тоску», также остается стабильным – 28%. В целом индекс социального настроения в июне – августе 2024 года составил 141–142 п. (табл. 1).

☉ Не отмечается существенных изменений и в динамике запаса терпения: за последние два месяца доля положительных суждений

Для цитирования: Морев М.В., Леонидова Е.Э. (2024). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в августе 2024 года // Проблемы развития территории. Т. 28. № 5. С. 145–153. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.10

For citation: Morev M.V., Leonidova E.E. (2024). Monitoring of social well-being of the Vologda Oblast population in August 2024. *Problems of Territory's Development*, 28 (5), 145–153. DOI: 10.15838/ptd.2024.5.133.10

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Изменение (+/-), авг. 2024 к	
																	июню 2024	авг. 2023
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	65,6	65,4	68,2	69,2	66,4	67,4	68,3	69,2	+1	+4
	Испытываю напряжение; раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	29,2	29,6	26,8	26,4	28,6	28,5	27,8	27,6	0	-2
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	136,4	135,8	141,4	142,8	138,0	138,9	140,5	141,6	+1	+6
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	76,5	77,0	77,4	77,6	76,3	76,4	76,4	77,4	+1	0
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	14,6	13,9	14,7	13,2	13,9	14,6	14,1	14,5	0	+1
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	162,0	160,8	163,1	162,7	164,4	162,4	161,8	162,9	+1	+2

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

составила 77%, отрицательных – 14–15%. Индекс запаса терпения равен, соответственно, 162–163 п.

▲ В разрезе основных социально-демографических групп незначительный рост доли положительных оценок социального настроения (на 4–5 п. п.) наблюдается среди лиц в возрасте до 30 лет (с 72 до 76%) и людей со средним специальным образованием (с 65 до 70%).

▲ Более ощутимые изменения показателей социального самочувствия наблюдаются в годовой динамике: индекс социального настроения с августа 2023 года по август 2024 года увеличился на 6 пунктов (со 136 до 142 п.); индекс запаса терпения – на 2 пункта (со 161 до 163 п.).

● Уровень доходов жителей области (по их собственным самооценкам) в июне – августе 2024 года существенно не изменился:

– среди 20% наименее обеспеченных он составляет около 13 тыс. руб.;

– в группе 60% среднеобеспеченных – примерно 22,5 тыс. руб.;

– среди 20% наиболее обеспеченных жителей размер дохода на одного члена семьи за последние два месяца незначительно снизился (на 999 руб.) и составил 43,7 тыс. руб.; табл. 2).

▲ По сравнению с августом 2023 года во всех группах населения, выделенных по самооценке уровня доходов, отмечается его увеличение.

● Оценки экономического положения страны и области, материального положения семьи за последние два месяца также существенно не изменились. В целом 60–64% жителей региона дают положительные или нейтральные характеристики. При этом за период с июня по август 2024 года незначительно увеличились индекс экономического положения России (с 88 до 89 п.) и индекс материального положения семьи (с 86 до 88 п.; табл. 3).

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Изменение (+/-), авг. 2024 к	
																июню 2024	авг. 2023
Доход на одного члена семьи, руб.																	
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	11746	11600	11900	12338	12681	13179	12757	13073	+316	+1473
60% среднеобеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	20310	20432	20250	21357	21240	22247	22273	22925	+652	+2493
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	40186	41358	39835	38839	41361	43482	44741	43742	-999	+2384
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	22578	22864	22497	23057	23566	24689	24874	25118	+244	+2254
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	14519	14519	14519	14519	15608	15608	15608	15608	0	+1089
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																	
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0,8	0	0
60% среднеобеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,4	1,4	1,4	1,5	+0,1	+0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,8	2,8	2,7	2,7	2,6	2,8	2,9	2,8	-0,1	0
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,6	1,5	1,6	1,5	1,6	1,6	1,6	0	0
*Источник: Постановления Правительства Вологодской области «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области» // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru																	

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Изменение (+/-), авг. 2024 к	
																июню 2024	авг. 2023
Экономическое положение России																	
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	12,1	13,2	13,6	13,7	12,6	11,6	13,1	14,8	+2	+2
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	43,2	44,1	41,6	42,7	44,7	45,9	46,8	46,7	0	+3
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	30,2	30,4	29,5	28,8	27,2	25,5	25,4	25,8	0	-5
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	81,9	82,8	84,1	84,9	85,4	86,1	87,7	89,0	+1	+6
Экономическое положение области																	
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	13,8	14,4	14,4	15,3	14,0	13,8	15,3	16,2	+1	+2
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	42,7	41,3	40,5	42,7	45,1	45,7	44,2	43,5	-1	+2
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	32,6	33,1	34,3	32,2	31,1	30,2	28,8	29,9	+1	-3
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	81,2	81,3	80,1	83,1	82,9	83,6	86,5	86,3	0	+5
Материальное положение семьи																	
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	10,1	11,9	10,1	10,3	11,3	11,6	12,1	13,3	+1	+1
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	51,0	50,9	51,9	51,3	51,3	52,9	51,4	51,4	0	+1
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	27,9	26,6	26,2	27,6	29,1	26,9	26,4	25,0	-1	-2
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,4	82,2	85,3	83,9	82,7	82,2	84,7	85,7	88,3	+3	+3

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2023	Авг. 2023	Окт. 2023	Дек. 2023	Февр. 2024	Апр. 2024	Июнь 2024	Авг. 2024	Изменение (+/-), авг. 2024 к	
																июню 2024	авг. 2023
В России																	
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	23,3	22,3	23,8	25,3	24,6	23,7	24,5	26,7	+2	+4
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	62,3	63,8	62,7	59,3	60,2	59,6	59,1	58,2	-1	-6
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>70,6</i>	<i>61,0</i>	<i>58,5</i>	<i>61,1</i>	<i>66,0</i>	<i>64,4</i>	<i>64,1</i>	<i>65,4</i>	<i>68,5</i>	<i>+3</i>	<i>+10</i>
В области																	
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	49,8	50,0	48,4	51,9	50,4	51,5	52,3	53,9	+2	+4
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	41,0	41,1	41,4	39,8	40,6	39,5	38,9	37,3	-2	-4
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>107,5</i>	<i>108,8</i>	<i>108,9</i>	<i>107,0</i>	<i>112,1</i>	<i>109,8</i>	<i>112,0</i>	<i>113,4</i>	<i>116,6</i>	<i>+3</i>	<i>+8</i>

Стоит также отметить, что за период с июня по август 2024 года значительно возрос индекс материального положения среди людей, по самооценкам доходов относящихся к категории 20% наименее обеспеченных жителей области (на 11 пунктов, с 63 до 74 п.), но в то же время снизился соответствующий индекс в группе 20% наиболее обеспеченных граждан (также на 11 пунктов, со 110 до 99 п.).

- ▲ По сравнению с августом 2023 года:
 - индекс экономического положения России возрос на 6 пунктов (с 83 до 89 п.);
 - индекс экономической ситуации в регионе – на 5 пунктов (с 81 до 86 п.);
 - индекс материального положения семьи – на 3 пункта (с 85 до 88 п.; табл. 3).

▲ С начала 2024 года продолжается постепенное улучшение оценок общественного мнения относительно политической ситуации в стране и регионе. Соответствующие индексы с февраля по август увеличились на 5 (с 64 до 69 п.) и 7 пунктов (со 110 до 117 п.). Хотя по-прежнему более половины жителей региона (58–60%) считают политическую ситуацию в стране «напряженной, критической, взрывоопасной» (относительно политической ситуации в Вологодской области преобладают позитивные оценки – 50–54%; табл. 4).

- ▼ В разрезе социально-демографических групп отмечается ухудшение оценок политической обстановки в стране среди 20% наименее обеспеченных жителей области (индекс снизился на 8 пунктов; с 71 до 63 п.).
- ▲ За период с августа 2023 года по август 2024 года доля положительных оценок политической ситуации в стране увеличилась на 4 п. п. (с 22 до 26%), в регионе – также на 4 п. п. (с 50 до 54%). Соответствующие индексы возросли на 10 (с 59 до 69 п.) и 8 пунктов (со 109 до 117 п.).

Резюме

Очередной этап мониторинга общественного мнения, проведенный в июне – августе 2024 года, позволяет говорить о том, что оценки социального самочувствия, политической и экономической ситуации в стране и регионе, а также собственного материального положения жителей Вологодской области остаются стабильными при сохранении общего позитивного тренда в долгосрочной (годовой) динамике.

В целом аналогичные тенденции социальных настроений характерны для всего российского общества. Так, по результатам социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), проводимых на федеральном

уровне, доля людей, позитивно оценивающих общую ситуацию в стране, в июне – июле 2024 года составила 68–73%, что заметно выше, чем в июле 2023 года – 61%¹. По данным фонда «Общественное мнение» (ФОМ), в июне – начале августа 2024 года примерно 54–56% россиян говорили о том, что «среди их родных, друзей, коллег, знакомых преобладает спокойное настроение»; в июне – июле 2023 года этот показатель составлял 49–50%².

Учитывая объективно тревожную ситуацию, связанную с высоким уровнем внешних угроз национальной безопасности и во многом вынужденными комплексными изменениями, происходящими в России на фоне борьбы за сохранение и укрепление национального суверенитета, устойчивость оценок общественного мнения, на наш взгляд, следует трактовать позитивно – как способность органов власти сохранять высокий уровень социальной стабильности в объективно непростых для страны условиях.

В то же время тот факт, что 25–28% жителей области негативно характеризуют сложившуюся экономическую ситуацию в стране, оценивают как «плохое» свое личное материальное положение и испытывают преимущественно «напряжение, раздражение, страх, тоску», говорит о том, что от органов управления требуется продолжать активную политику, направленную на поддержание уровня жизни и социальную защиту широких слоев населения.

Другими словами, динамика социальных настроений в настоящее время во мно-

гом определяется развитием событий на внешней политической арене, прежде всего ходом реализации целей СВО. Но не менее важную роль в формировании трендов общественного мнения продолжает играть эффективность реализации ключевых задач, обозначенных Президентом РФ в Послании Федеральному Собранию РФ 29 февраля 2024 года и позже закрепленных в Указе от 7 мая 2024 года «О национальных целях развития России до 2036 года».

При этом следует иметь в виду, что в приближающийся осенне-зимний период (традиционно связанный с окончанием отпускного сезона, ростом тарифов на услуги ЖКХ и ухудшением общих климатических условий) велика вероятность возникновения дополнительных факторов, способных оказать негативное влияние на динамику общественных настроений.

О том, в каком направлении будут развиваться субъективные оценки жителей региона по ключевым аспектам повседневной жизни, покажут результаты следующей «волны» мониторинга ВолНЦ РАН, которая состоится в октябре 2024 года.

Материал подготовили

М.В. Морев

*кандидат экономических наук
ведущий научный сотрудник*

*заместитель заведующего отделом
ФГБУН ВолНЦ РАН*

Е.Э. Леонидова

*научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН*

¹ ВЦИОМ. Индексы социальных оценок // Официальный сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/ratings/indeksy-socialnykh-ocenok>

² Доминанты. Поле мнений. Социологический бюллетень ФОМ № 31. 8 августа 2024 г. // Официальный сайт ФОМ. URL: <https://media.fom.ru/fom-bd/d312024.pdf>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

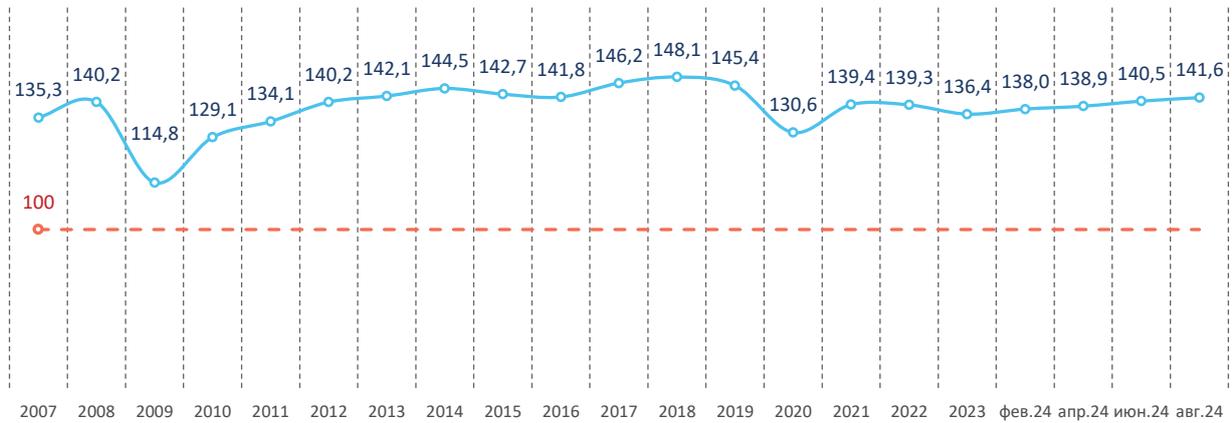

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

С июня по август 2024 года не произошло существенных изменений в оценках жителями Вологодской области своего социального настроения. Значение индекса находится на уровне 141–142 п.

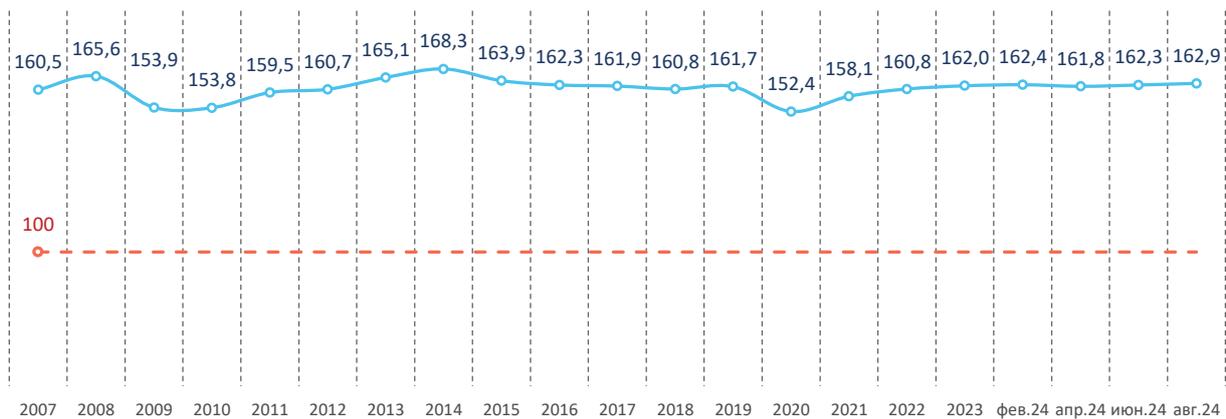

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В августе 2024 года индекс запаса терпения жителей Вологодской области не изменился и находится на уровне июньского значения (162–163 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (---).

Представлены данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В июне – августе 2024 года показатель положительных оценок деятельности Президента РФ остается стабильным. В Вологодской области уровень одобрения работы главы государства составляет 67–68%, в России в целом – 77–79%.

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В августе 2024 года по сравнению с июнем т. г. в Вологодской области показатель одобрения деятельности Правительства РФ не изменился и находится на уровне 47–48%. В целом по России зафиксировано снижение одобрительных оценок работы высшего федерального органа исполнительной власти на 4 п. п. (с 54 до 50%).

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (<https://wciom.ru>).

* Данные ВЦИОМ – одобрение деятельности Президента РФ и Правительства РФ: среднее за 2 опроса, от 04.08.2024 и 11.08.2024.

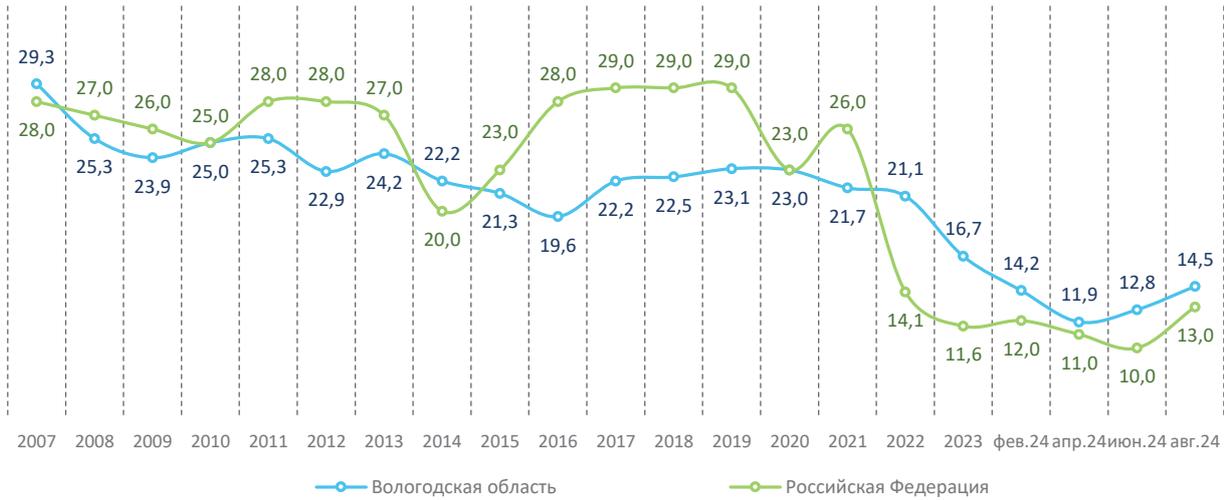

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений
(доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

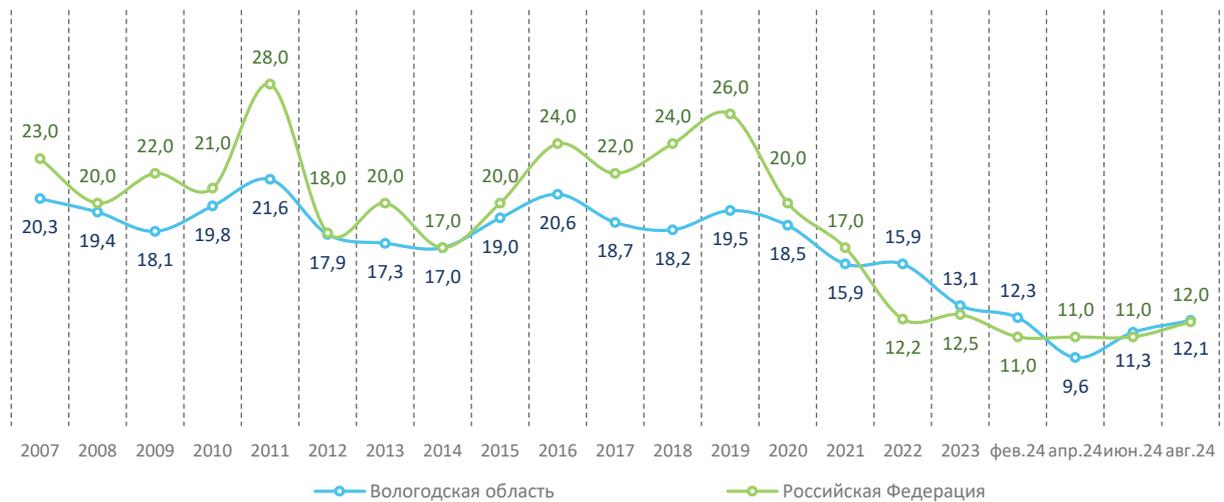

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях
(доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

За летний период т. г. не наблюдается существенных изменений в уровне социальной напряженности среди населения Вологодской области. Доля жителей региона, допускающих вероятность возникновения акций протеста, составляет 13–15%, удельный вес готовых принять в них участие – 11–12%. В целом по России показатель вероятности протестных выступлений увеличился на 3 п. п. (с 10 до 13%).

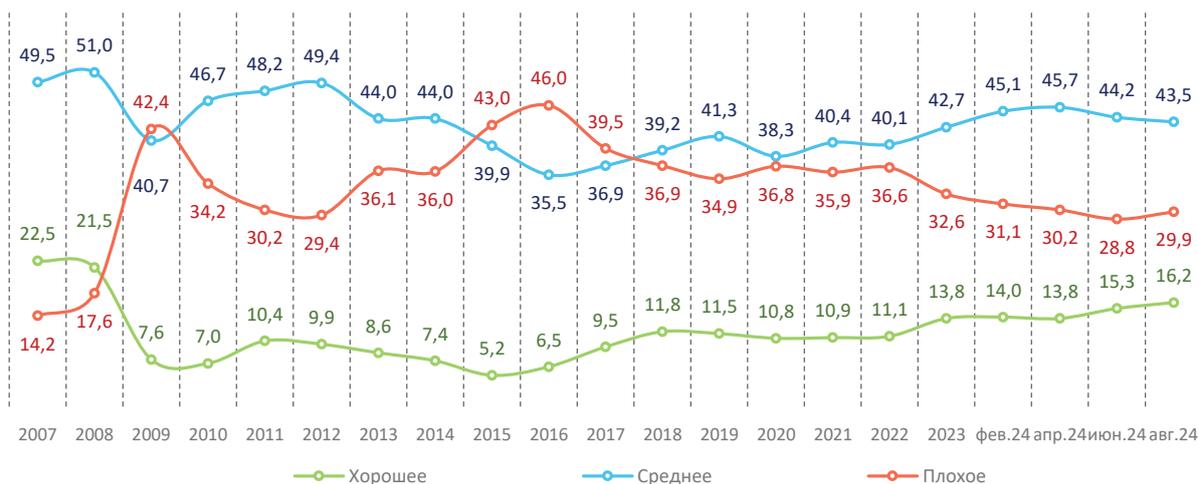

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

Последний летний месяц т. г. не принес изменений в оценочные суждения жителей Вологодской области об экономическом положении региона. Удельный вес положительных оценок находится на уровне 15–16%, отрицательных – 29–30%, нейтральных – 44%.

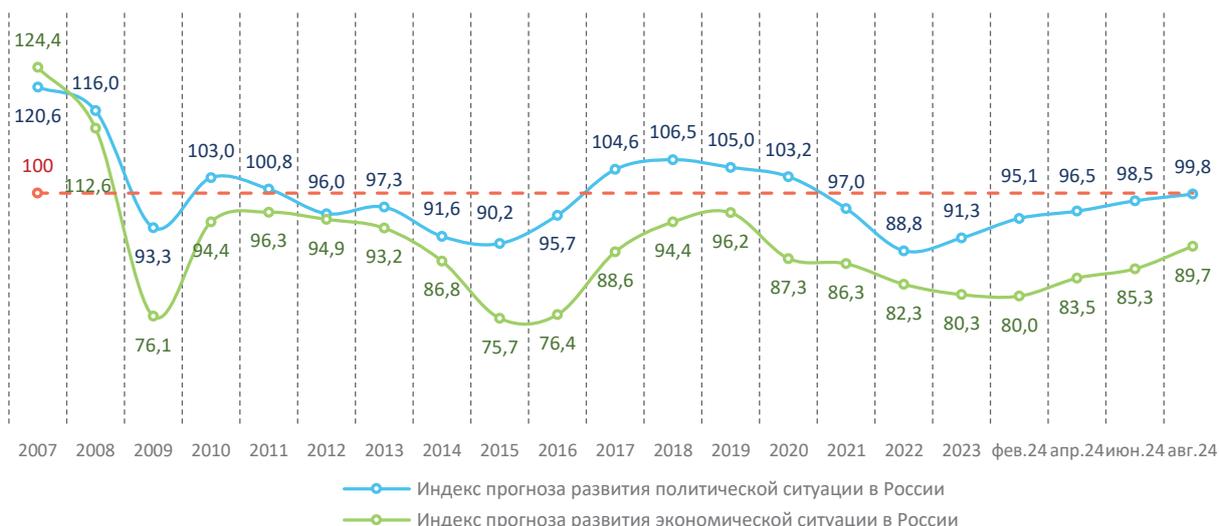

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

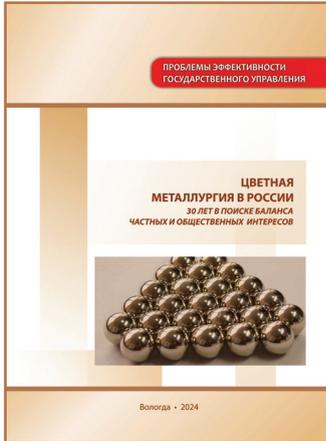
С июня по август 2024 года индекс прогноза развития политической ситуации в России остается стабильным и составляет 99–100 п. Значение индекса прогноза развития экономической ситуации в стране за аналогичный период увеличилось на 5 пунктов (с 85 до 90 п.).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос: «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос: «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

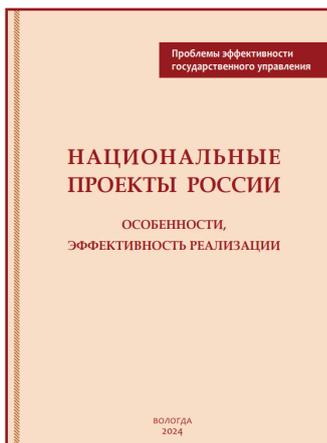

Ильин В.А., Печенская-Полищук М.А., Малышев М.К., Палкина Д.С. (2024). **Цветная металлургия в России: 30 лет в поиске баланса частных и общественных интересов:** монография / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 257 с.

В монографии представлены результаты детализированного анализа за 1992–2023 гг. деятельности крупных корпораций цветной металлургии, как важнейшей отрасли глобальной и отечественной экономики, в контексте вызовов и факторов баланса частных и общественных интересов. Для отражения корпоративной специфики объект исследования составили три глобальные корпорации: ПАО «ГМК «Норильский никель» (Россия) – 38% мирового производства палладия и 17% высокосортного никеля; МКПАО «ОК РУСАЛ» (Россия) – 3 место в мире по производству первичного алюминия; Vale S.A. (Бразилия) – 25% мировой добычи и поставок железной руды.

На основе публичной отчетности металлургических корпораций и отчетности государственных органов власти обоснованно выстроена логическая взаимосвязь между производственной эффективностью исследуемых предприятий, формированием их финансовых результатов и влиянием на бюджетную систему (как федеральный, так и региональный уровни) и развитием территорий базирования. Особое внимание при таком построении уделено факторам реализации распределительной политики корпораций. Ключевые выводы о влиянии деятельности компаний сделаны в контексте формирования занятости населения регионов базирования, равномерности распределения доходов, соизмерения налоговой нагрузки с рентабельностью продаж, способов налоговой оптимизации, а также масштабов воздействия на окружающую среду и здоровье человека. Озвучены обоснованные направления повышения эффективности государственного управления при взаимодействии государства и крупного бизнеса.

Монография может быть полезна органам власти и управления всех уровней, преподавателям, аспирантам и студентам высших учебных заведений, научным сотрудникам, а также широкому кругу читателей, проявляющим интерес к экономике отдельных отраслей промышленности и эффективности государственного управления.

Ильин В.А., Шабунова А.А., Ускова Т.В. [и др.] (2024). Национальные проекты России: особенности, эффективность реализации: монография / под науч. рук. В.А. Ильина, А.А. Шабуновой, Т.В. Усковой; Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 453 с.

Представленная монография посвящена исследованию роли и места национальных проектов в системе стратегического управления современной России. В ней нашли отражение результаты анализа основных положений, ключевых особенностей, эффективности и рисков реализации нацпроектов в условиях обострения геополитической турбулентности. Данное исследование проводится коллективом авторов на протяжении ряда лет в мониторинговом режиме, а полученные выводы базируются на результатах анализа не только данных официальной статистики федерального и регионального уровней, отчетности профильных министерств и ведомств, но и мнений ведущих экспертов из научной сферы, государственного управления, общественности относительно «узких» мест и основных рисков реализации нацпроектов.

Авторами научно обоснованы направления и инструменты повышения эффективности реализации национальных проектов с учетом решения задач национальной безопасности страны. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности федеральных и региональных органов государственной власти и управления при реализации ключевых направлений государственной социально-экономической политики, в образовательном процессе, а также при проведении исследований по данной проблематике.

Ильин В.А., Морев М.В. (2024). Эффективность государственного управления. Два года в условиях проведения специальной военной операции : точка зрения главного редактора / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 377 с.

С 2015 года Вологодский научный центр РАН публикует цикл монографий «Эффективность государственного управления: точка зрения главного редактора». В 2019 году вышел второй том данного издания, в 2022 году – третий.

Данная книга представляет собой четвертый том. В нем публикуются статьи главного редактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», научного руководителя ВолНЦ РАН чл.-корр. РАН, д.э.н., профессора В.А. Ильина в соавторстве с ведущим научным сотрудником ВолНЦ РАН к.э.н. М.В. Моревым. В томе 4 представлены статьи, опубликованные в период с апреля 2022 года по февраль 2024 года, при этом указанные временные рамки имеют четкие основания: они продиктованы центральной тематической линией четвертого тома – анализ эффективности государственного управления, а также тенденций общественного развития, на фоне ключевых событий, происходящих в России и в мире с момента объявления Президентом РФ В.В. Путиным о начале специальной военной операции на Украине (24 февраля 2022 года) до момента президентских выборов в России, состоявшихся 17 марта 2024 года.

Как и в предыдущих изданиях цикла, авторы уделяют пристальное внимание вопросам эффективности курса национально-го развития страны, реализуемого под руководством В.В. Путина на протяжении всех его президентских сроков (с 2000 года), то есть на протяжении последних почти 25 лет российской истории. Анализируются ключевые инициативы и управленческие решения, принимаемые главой государства и Федеральным Собранием РФ: их причины, историческое значение, политические, экономические и социальные последствия. Значительное внимание уделено проблемам качества современных российских элит – людей, от которых напрямую зависит эффективность практической реализации целей и задач, поставленных Президентом.

Другим объектом авторского исследования (помимо системы государственного управления) выступает российское общество. В монографии продолжено многолетнее мониторинговое исследование комплексной трансформации общественного сознания: социальных настроений, восприятия ситуации в России и в мире, оценки деятельности органов власти, тенденций изменения уровня и качества жизни, субъективной оценки общих условий повседневной жизни людей.

Научная новизна данного исследования заключается в самом авторском подходе к анализу всего исторического пути развития России под руководством действующего Президента РФ В.В. Путина, то есть фактически к анализу почти 25-летнего периода ее существования в XXI веке. Его специфику определяют конкретные методологические и методические элементы: широкое

обращение к оценкам экспертов, представляющих самые разные области знания и практики (экономисты, политологи, социологи, историки, общественные деятели, представители органов государственного управления и т. д.); акцент на применении социологического инструментария (зарубежного, российского и оригинального авторского мониторинга общественного мнения, который Вологодский научный центр РАН проводит на территории Вологодской области с 1996 года); системный взгляд на ситуацию в стране и в мире, включающий одновременный анализ и осмысление процессов, происходящих в обществе, в системе государственного управления, в законотворческой деятельности государства, в изменениях геополитической ситуации.

Книга будет полезна и интересна работникам органов государственной власти, специалистам научно-исследовательских учреждений, а также преподавателям, аспирантам, студентам вузов экономического и социального профиля и в целом всем читателям, интересующимся событиями и процессами, происходящими внутри России и за ее пределами на протяжении первой четверти XXI века.

Молодые ученые – экономике региона (2023): мат-лы XXIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (г. Вологда, 7 декабря 2023 г.). Вологда: ВолНЦ РАН. 304 с.

Конференция «Молодые ученые – экономике региона» проходит в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» ежегодно.

Ее цель – создание дискуссионной площадки для обсуждения молодыми учеными результатов исследований по проблемам социально-экономического развития регионов. Доклады, озвученные в рамках конференции, разделены на следующие тематические секции: «Социально-экономическое развитие и управление территориальными системами и комплексами», «Социальное развитие территорий» и «Биоэкономика как потенциал развития региона». Научным руководителем конкурса является заместитель директора по научной работе ФГБУН ВолНЦ РАН д.э.н., профессор Т.В. Ускова.

В сборнике опубликованы материалы XXIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Молодые ученые – экономике региона», состоявшейся в 2023 году.

Адресовано студентам, аспирантам, преподавателям высших учебных заведений экономического профиля, а также всем, кто интересуется проблемами развития региональной экономики.

Лукин Е.В., Леонидова Е.Г. Устойчивое развитие региональной экономики: возможности межотраслевого анализа и моделирования (2024): учебное пособие / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 62 с.

В учебном пособии изложены теоретические аспекты устойчивого развития региональной экономики; рассмотрены основные методические подходы к ее моделированию; проведен анализ тенденций развития России и отдельных ее регионов; выявлены основные проблемы, решение которых положительно скажется на региональном развитии; обоснованы отраслевые приоритеты структурной трансформации экономики региона; выполнено моделирование последствий для региональной экономики от предложенных направлений ее развития. Работа представляет научный интерес для исследователей и специалистов в сфере региональной экономики и управления. В конце каждой главы пособия даны вопросы для закрепления изученного материала.

Учебное пособие предназначено обучающимся (бакалаврам и магистрантам) по направлениям подготовки 38.04.01 «Экономика», а также аспирантам по направлению 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика» для самостоятельного освоения отдельных разделов учебных дисциплин и практических занятий.

Мазилев Е.А., Маковеев В.Н., Барабанов А.С. (2024). Экономика знаний: учебное пособие / Вологодский научный центр РАН. Вологда: ВолНЦ РАН. 72 с.

В пособии отражены вопросы построения, функционирования экономики, построенной на знаниях. Пристальное внимание уделено проблемам развития и использования интеллектуального капитала как ключевого фактора и ресурса для экономики знаний, интеллектуальной собственности и реализации инновационных проектов, построения наукоемкой экономики. Разделы включают теорию, вопросы для самоконтроля, тестирование по каждой теме. Эта тематика вызывает особый интерес, так как текущие формы экономических отношений, а также использование классических факторов производства не могут обеспечить устойчивый экономический рост в стране, а применение технологий и знаний становится ключевым фактором в обеспечении конкурентоспособности.

Учебное пособие может быть рекомендовано студентам магистратуры, аспирантам экономических специальностей, научным работникам, а также всем интересующимся вопросами формирования экономики знаний.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть написано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Расчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 30.09.2024.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 18,72. Тираж 500 экз. Заказ № 34.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru